

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ*

РОМАН

Зачем изобретать машину времени? Историю уже не изменить, ибо пытаться менять историю — значит пытаться спорить с Богом. Есть желающие поспорить? Даже если за такой спор возьмется все человечество (что уже не единожды бывало), то дискуссия закончится явно не в его пользу. Да и можно ли путешествовать во времени глубже своей собственной жизни? Если можно, жизнь может потерять смысл, ну не смысл, так, собственно, интерес к этой самой отдельно взятой жизни.

Обо всем этом думал инженер-конструктор Сергей Кошкин, который месяц назад, пользуясь доступом к необходимым деталям и лабораториям, изобрел машину времени. Но одно дело изобрести, совсем другое — решиться на испытание, особенно если нет никаких сомнений, что изобретение оправдает надежды своего создателя. Прочитав в детстве книгу Уэллса, Сережа Кошкин воображал себя обладателем машины времени. В зависимости от возраста, обстоятельств или под влиянием других прочитанных книг, машина меняла размеры, принцип действия, и назначение. Пятиклассник Кошкин

КОЗЛОВ Сергей Сергеевич родился в 1966 г. в г. Тюмени. Окончил исторический факультет Тюменского государственного педагогического института. По образованию историк. Работал учителем истории, музыкантом, сторожем, текстовиком в рекламном агентстве. Играл в группе "Нефть". С 1998 г. работает директором средней школы. Пишет прозу, стихи, публицистику. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг прозы. Живёт в пос. Горноправдинск Ханты-Мансийского района.

---

* Журнальный вариант.

мечтал поучаствовать в Ледовом побоище и косить немецких псов-рыцарей из пулемета Дегтярева. Почему-то именно из пулемета Дегтярева с круглым диском на стволе. Таким же образом он мечтал остановить татарские орды под Рязанью. Еще одной, правда, уже тайной мечтой Сергея Кошкина было спасение царской семьи, но во времена развитого социализма он побаивался рассказывать об этом даже самым близким людям. Причиной такого неожиданного желания было смутное понимание катастрофы русской цивилизации в 1917 году и чувство ужасной несправедливости по отношению к монаршей семье. Особенно ему было жалко больного царевича Алексея. Чуть позже он очень жалел юных красивых царевен. И даже конституционно закрепленная идеология марксизма-ленинизма, диалектически обоснованная неизбежность краха самодержавия и необходимость расправы над царской семьей, не могла поколебать этой мальчишеской жалости и стремления исправить страшный грех царубийства.

Всякое приходило в голову Сергею Кошкину по поводу применения машины времени, но неизменным оставалось главное — машина должна быть изобретена. Работа в “ящике”, как до сих пор называют закрытые НИИ и конструкторские бюро, где лучшие умы трудятся над освещением современного оружия, позволила Кошкину совмещать участие в изобретении новейших систем электронного наведения ракет “воздух-воздух” с воплощением детской мечты. Главный конструктор Марченко однажды застал его за чертежами хобби, и, казалось, должен был покарать растратчика рабочего времени и похитителя деталей, но только улыбнулся и сказал: “Делай, Сережа, делай, из самых запредельных идей часто получаются неожиданные и нужные решения”. И Сережа делал...

Работа заняла 15 лет и прерывалась только необходимостью выполнения служебных обязанностей, что обуславливалось природной ответственностью и добросовестностью Кошкина. Еще одним фактором снижения темпов была любовь, а чуть позже — женитьба.

Лена Варламова вошла в жизнь Кошкина на третьем курсе, во время осенней кампании помощи спивающимся колхозам и совхозам. Будущие инженеры волею областного начальства оказались на одном капустном поле с будущими филологами. Впоследствии выражения “рубить капусту” и “в капусте нашли” в семье Кошкиных обрели трансцендентный и одновременно иронический смысл. Вот так и сходились физики и лирики, спасая урожай и поддерживая имидж партийных вождей, мечтающих об интенсификации сельскохозяйственного производства.

Зеленоглазая и гибкая, как хитрая домашняя кошка, Лена, высокая и стройная, напичканная Достоевским, Булгаковым, Маркесом, Гессе и модным тогда, но нудным всегда Набоковым, была соткана из другого, нежели Кошкин, материала. Но это не помешало им полыхнуть любовью с первого взгляда так, что свадьбу пришлось играть уже через месяц после знакомства. Кошкин в этом случае убивал несколько зайцев: получал самую красивую девушку университета, которую на протяжении более длительных ухаживаний могли и отбить, выигрывал время для работы над своим фантастическим прибором, получал сообщницу, которая, хоть и не особо верила в успех инженерного гения Кошкина, но прагматично ценила его талант, не без оснований предполагая взлет его карьеры. Насчет машины времени она то ли серьезно, то ли полшутя приговаривала: “Вот, слетаем, спасем второй том “Мертвых душ”, вытащим из огня и докажем, что рукописи не горят”. Кошкин молчал, он уже тогда догадывался, что сгоревшее не вернуть. А вот насчет карьеры Леночка была права. После института Кошкин был единственным, кого пригласили на очень хороших условиях с предоставлением жилья в “ящик”. Днем Кошкин творил электронику для ракет, вечером корпел над собственной мечтой, а ночью сходил с ума от любви к своей жене, которая год от года становилась только прекраснее и подавала ему себя с ничем не сравнимым и неопишуемым (в целях соблюдения нравственности) шармом. Коллеги Кошкина истекали слюной, когда она в вечернем платье посещала банкеты по случаю удачных испытаний нового советского оружия. Появление ее за столом определяло изменение идеологического содержания тостов:

вместо того чтобы произносить здравицы советскому оружию и чуткому руководству КПСС хотя бы в начале банкета, уже первый тост произносился “за дам”, после чего главный конструктор, поглаживая мудрые седины, доставившие немало хлопот как вермахту, так и НАТО, начинал поименно хвалить своих подчиненных, а на Кошкине задерживался особо, потому как не мог скрыть удовольствия, что повезло тому не только с талантом, но и с женой, что для мужчины является двойной удачей.

Ах, Леночка! От комплиментов и армянского коньяка у нее кружилась голова, и следом она сама кружилась в танце со всеми подряд, потому что Кошкин щедро делился красотой своей жены в допустимых общественной моралью пределах, а генетическая воспитанность интеллигента в ...надцатом поколении не позволяла инженеру увести ее до того, как она сама, падая ему на колени и обнимая за шею, начинала шептать: “Сереженька, пора, я уже так тебя хочу, что сейчас утащу в какую-нибудь подсобку с ракетным топливом, и мы очнемся завтра где-нибудь на Марсе”. И Сереженька тут же подхватывал ее за талию и вел на выход. У него и самого аж челюсти сводило от страсти. При этом он едва успевал подумать о том, можно ли считать нормальной такую кипучую любовь, как уже наступало утро следующего дня, требовавшее от него усилий другого порядка. Следует признать, что любовь отодвинула изобретение машины времени примерно на 6-7 лет. Но на значительно больший срок остановила изобретение Кошкина эпоха, получившая в анналах истории название “перестройка”.

К этому времени Сергей Павлович Кошкин уже был лауреатом нескольких государственных премий, стал правой рукой главного конструктора, а до изобретения машины времени оставалось “каких-то” 10 лет. И что мне вам рассказывать о том, как зарплаты ведущих инженеров оборонки в одночасье превратились в мизер, а потом и вообще перестали выплачиваться. Об этом уже написано в сотнях рассказов, повестей, романов, да так, что литература мутировала от социалистического реализма до постмодернизма и сопредельного с ним абсурда. Стоит ли в очередной раз рассказывать о крысах, бегущих с тонущего корабля, и честных капитанах, уходящих под воду, кои, оставаясь на мостике, печально смотрят в непредсказуемую даль будущего. Кошкин числился в рядах последних.

Что-то недоброе происходило со страной и что-то неладное происходило с любовью. Все реже Лена восхищалась талантом Кошкина и все чаще вечерами, ссылаясь на усталость, падала на помнящую лучшие времена двуспалку и отворачивалась к стене. Казалось бы, Кошкин должен целиком уйти в работу, в творчество, но он, напротив, расклеился и был крайне расфокусирован. Главный понимающе исправлял за него ошибки в расчетах и чертежах, за которые давно уже никто не платил. Оба они вздыхали, выпивали по рюмке коньяку с чаем и закусывали галетами. Первые два-три года говорили о политике, а потом уже просто многозначительно молчали, ибо время говорило само за себя. И вообще получалось, что данное время движется как-то само по себе, мимо оставшихся на полустанках людей, таких, как Марченко и Кошкин, а они, будто зомбированные, стоят и взирают со стороны на лакированные иномарки, на меняющиеся, но очень похожие (печатью порока) лица министров, на падающие самолеты и тонущие корабли, на останавливающиеся заводы и пустеющие по вечерам улицы, на заезжих забултых советчиков и капиталистов, на экскурсии натовских генералов по собственному НИИ, что еще пять лет назад можно было считать не менее абсурдным, чем заначка в долларах. Все окружающее казалось им не более чем наваждением, которое вот-вот развевается, и даже, показалось, рассеивается — 19 августа 1991 года, когда по радио читали обращение ГКЧП. Но только показалось. Туман над страной, напротив, сгустился. И скорее даже не туман, а какой-то ядовитый угар, который при вдыхании вызывал тяжелую стадию опьянения, превращающую массовый суицид в очередную галлюцинацию о светлом будущем.

Свою работу конструкторы делали по инерции, а также вследствие генетического патриотизма, свойственного настоящим русским людям независимо от фамилии, возраста и национальности. Так же, по инерции, продвига-

лась работа над мечтой Сергея Павловича Кошкина. Но любовь по инерции существовать не может, по инерции она может только угасать. И если вы с женой пять-семь лет не были на море, правильное сказать, не возили ее на заслуженно-показательный отдых — нет вам оправдания! В конце концов, она уедет туда с кем-нибудь другим. Для этого достаточно, чтобы у нее были соответствующие внешние данные, а в ее зараженном марксизмом-феминизмом сознании появилось надлежащее тому обоснование. И тогда в один из бесконечных ни к чему не обязывающих, но еще семейных вечеров она непременно скажет вам: “Серезжа (Ваня, Петя, Вова и т. д.), я устала, я не вижу выхода, я от тебя ухожу”. Куда можно уходить, если не видишь выхода? И что остается делать мужу?.. Нормальные люди будут продолжать изобретать машину времени.

Через пять лет в стране подуют другие ветры, туман не развеет, но качественно изменится его содержание, за изобретение оружия снова начнут платить деньги, и даже вернут задолженность по зарплате за несколько предыдущих лет, но тем же ветром жену обратно в дом не надует. К этому времени выяснится, что сын Кошкина учится где-то в Сорбонне, что друзья семьи Кошкиных были в основном друзьями Елены, а круг близких друзей самого Кошкина сузится до трех человек: еле передвигающего ноги дважды Героя Социалистического труда Михаила Ивановича Марченко, вечно хмурого, но добродушного героя чеченской войны охранника Дорохова и уборщицы служебных помещений с высокой степенью допуска Мариловны (Марьи Гавриловны). Седая и вечно причитающая, как профессиональная плакальщица, Мариловна была единственной нянькой и кормилицей непризнанного гения. Из своей скудной зарплаты она выкраивала средства для покупки нехитрой снеди, чтобы вечерами, когда он засиживался в лаборатории, подкармливать его вслед за чаем из чернопузой (от многолетнего налета) банки, где вечным кипятильником работали два самых безопасных в мире лезвия “Нева”. В обмен на заботу брала немного: право попричитать и право чего-нибудь посоветовать.

— Вот вижу же, не ракету нынче делаешь! Когда ракету делаешь, у тебя глаза горят, а когда не ракету — они у тебя с поволокой, как у оленя убитого.

— Не ракету, — отвечал автопилот Кошкина.

— Ну так чаво?

— Машину времени, Мариловна.

— А зачем? Она же не стреляет? — переживала за ВПК Мариловна.

— Не стреляет, — соглашался автопилот.

— А раз не стреляет — денег не заплатят!

— Не заплатят.

— А коль не заплатят, на кой ляд она нужна?

Автопилот Кошкина давал сбой, если в вопросе не звучал ответ. Сергей Павлович откладывал в сторону паяльник и с тоской смотрел на старушку:

— И действительно — на кой ляд она нужна?

Разговор этот повторялся почти ежедневно с 21-30 до 22-00 и заканчивался предложением Мариловны почаевничать, чтобы инженерная мысль не угасла от голода. На запах снеди всегда появлялся майор Дорохов с неизменной полевой фляжкой и некоторым запасом провианта, что собирала ему на дежурство зампочты жена. И вставлял в разговор короткие, но емкие суждения, приперченные ненормативной лексикой по поводу состояния современной политики, семейной жизни и вооружения российской армии.

В один из майских вечеров, когда за бетонными стенами “ящика” в одночасье взорвались белым конфетти яблони, и мир сходил с ума от любви, Мариловна нарушила вдруг штампованное течение разговора. Она вошла в лабораторию с явными следами недавнего умственного озарения на лице, хитро улыбаясь, будто только что выведала самую сокровенную тайну окружающей ее действительности, и тайна эта оказалась частного характера.

— Я знаю, зачем ты машину времени делаешь! — огласила уборщица.

— Зачем? — бесцветным голосом спросил автопилот.

— Елену Прекрасную хочешь вернуть! — салютный залп через вставную челюсть.

Компьютер автопилота завис.

До сих пор Кошкин, если и задумывался над смыслом своего изобретения, то как-то несерьезно, используя второстепенные каналы своего мозга для движения мыслей по этому поводу, и всякий раз загонял их в глухие тупики, чтобы не высовывались до срока. В сущности, он боялся думать об этом, ибо вопрос этот ответа не имел. Больше приходилось обдумывать последствия подобного изобретения. А тут появился божий одуванчик со шваброй в руках и, пользуясь бытовой народной смекалкой, определил совершенно субъективную цель, которая, если и была самым неожиданным и безумным решением, но давно ожидала прямого попадания где-то в глухих закутках кошкинского сознания.

В этот вечер работа над прибором была закончена.

Кошкин позволил себе сходить в магазин и приобрести там бутылку коньяка, но Дорохов и Марилловна, принявшие самое деятельное участие в его употреблении, об окончании работ ничего не знали еще месяц. Преодолевая огромное искушение, Сергей Павлович аккуратно выполнял государственный заказ и обдумывал моральную сторону применения своего изобретения на практике. Пусковым моментом стал разговор с майором Дороховым.

— Знаешь, Палыч, если бы машина времени действительно была возможна, а не гундосила голосом Макаревича, я б вернул ротного номер три. Хороший был парень. Старлей. На таких Россия испокон веку стояла. Эх! Аулы-кишлаки, население мирное!.. — охранник сделал затяжку глубиной в полсигареты и окутался клубами дыма так, что осталась видна только неизменная на “боевом” дежурстве тельняшка.

Помолчав, он с сухой горечью в голосе продолжил:

— Я его с отделением разведчиков не той дорогой послал. Можно было в обход, огородами... Да мы ж все торопимся: вроде и чистили недавно. Чужая, там могут быть чехи, снайперов я шестым позвонком чую, а тут... На авось пошли... Облажался я, Палыч, и с тех пор мне Толик стабильно раз в неделю снится. По гражданке одет, улыбается и успокаивает: у меня, мол, все нормально, комбат, я здесь в отпуске... Он перед второй командировкой жениться успел, сына очень хотел. Жена красавица...

Кошкин вздрогнул, вздохнул, фамилия заскребла на душе. Вместе со словами Дорохова безысходная грусть дотянулась к сердцу инженера.

— Машина возможна, вот она — на столе. А вот вернуть кого-то с того света — невозможно. Промысл Божий не обойти. Это вроде как преступление...

— Знаешь что?!. — польхнуло еще полсигареты до самого фильтра. — Не попробовать — это преступление! Доморощенный фатализм это, Палыч! Вот ты меня туда пусти, а я разведгруппе задание по другому направлению дам. У меня такой камень с души упадет! Ты представь, тонет человек, просит о помощи, а тебе руку протянуть... И ты еще раздумываешь: морально — не морально, вернуть — не вернуть?..

— С той разницей, что человек уже утонул...

— Не мети пургу, Палыч! Если есть прошлое, есть настоящее, есть будущее, то прошлое — это когда-то и где-то длящееся настоящее! Оно все еще происходит. Это мы переместились относительно точки, а не точка относительно нас.

— Но причинно-следственные связи!..

— Тыфу ты! А кровнородственные связи!? Ты испытай на мне, я согласен, могу бумагу подписать. Тебе самому нельзя, вдруг что не так, ты хотя бы вернуть меня попробуешь.

Кошкин нахмурился. Его собственная идея испытаний машины была ничем не лучше.

— Хорошо, Вася, — он внимательно посмотрел Дорохову в глаза, — я включу эту штуку ради тебя, но ты мне пообещаешь: что бы ни случилось, ты сам никого убивать не будешь... И меня, после того, как вернешься.

— Обещаю, Серега! Слово офицера! — Дорохов достал заветную фляжку.

С вечера небо закрыли густые серые облака, не тучи еще, но уже не чистые белые перины и барашки, сначала цепляли макушки гор, а затемно облепились и поползли по склонам в долину, сливаясь с туманом. Ночью же видимым осталось только одно, подсвеченное луной, точно фонариком с подсевшими батарейками, облако. А на земле не жгли костров. Мишень с подсветкой — удача для снайпера.

Два Дороховых сидели друг напротив друга в командирской палатке, и младший очень хотел застрелить старшего, чтобы избавиться от ночного наваждения. Но старший говорил такие вещи, что не верить в его присутствие и правдивость мог только абсолютно лишенный здравого смысла человек. Представьте себе, что к вам вечером пришла ваша, чуть поседевшая и неромантично погрузневшая копия. От такого двойника захочется избавиться, потому как его существование противоречит всяческим физическим и биологическим законам. Но вот он начинает рассказывать вам самое сокровенное из вашего прошлого, чего никто, кроме вас, не знает, да и вы хотели бы, чтоб этого и не было никогда, и потому упрятали воспоминания так глубоко внутри себя, что открыть их можно только на Страшном Суде и то не по вашей воле. Никакие там гишозы и детекторы лжи подобные тайны добыть из темных глубин человеческого сознания не могут, ибо индивид изначально самого себя убедил, что это к нему не относится. Но мысль — не магнитофонная запись, ее стереть нельзя, какой бы немислимой она ни была.

Комбат Дорохов слушал свою копию и все больше понимал, что это именно он сам пришел к себе, только вот лет на пяток старше.

— А про Ленку Кирееву помнишь?.. — голосом прокурора пластами ворочал общую память старший Дорохов.

— Всё! Хватит! Всю душу вывернул! Это ж как ежом подавиться! Чего ты хочешь?

Старший Дорохов удовлетворенно хмыкнул.

— У меня четыре часа. Там, — он почему-то ткнул указательным пальцем вверх, — мой друг нажмет кнопку, и я вернусь. Во всяком случае, должен вернуться. Мы эту машину еще только испытываем.

Он сказал “мы” таким тоном, словно несколько лет вместе с Кошкиным корпел над чертежами и тыкал паяльником в микросхемы.

— Сейчас ты собираешься отправить через поселок в полковой штаб разведку и старшим — ротного Китаева. Пусть идут не по дороге, где на окраине недостроенные коттеджи и заброшенные халупы, а в обход. В седьмом справа доме несколько чехов скучают. У одного СВД.

— Но там же вчера эмвэдэшники чистили!

— Вот именно так я и думал. Слушай дальше, мы с тобой это гнездо поганое разворочим. Давай кинем еще два взвода к этому дому, ведро гранат в окна... Правда, есть одна загвоздка, сам я не могу пойти. Научный, понимаешь, — он передразнил Ельцина, — эксперимент не позволяет. Обещал я.

— А то мы без тебя не управимся!

— Ну так действуй. А я пока вздремну.

— Ты даже ничего не рассказал, что там будет! — кивнул комбат в сторону неопределенного будущего. — Хоть бы пару слов.

— Хреново будет, если ты эту пададь в огороде не закопаешь. Очень будет хреново! Вернешься, я тебе чего-нибудь расскажу, если успею. Говорю же, четыре часа у меня.

Младший озадаченно вздохнул, сидел молча еще минуту и шагнул за полог брезента в ночь.

Охранник Дорохов лег, не укрываясь, на спальник. Рука по привычке стала искать прохладный металл “макарова”. Чертыхнулся, какой пистолет у гражданского? Закрыл глаза и начал по-своему, по-военному молиться.

Минут через сорок со стороны поселка раздался взрыв, следом несколько очередей. И все стихло. Слишком быстро. В кровь искусал губы, подмывало вскочить и броситься туда, где только что был короткий ночной

бой. Останавливала не только клятва, данная Кошкину, но и легко представимая нелепость явления перед солдатами двух комбатов.

Еще минут через двадцать появился Дорохов-младший. Достал из полевого сейфа фляжку.

— Будешь? — и, не дождавись ответа, налил по полкружки себе и старшему.

Старший не спрашивал: не пацан, сам расскажет.

— Шестерых завалили. Гранат не жалели, кишки на стенах. Они там в нарды играли. Так мы им с десяток пашек и кинули. Шесть чехов и двое наших. Пленные, с комендантской роты...Еще будешь? — и уже налил.

— Буду, — у старшего заиграли желваки.

Выпили, не загусывая. Спирт опалил нутро, но душу не прижег.

— Может, эти комендантские и не жильцы были, но ребятам не по себе. Надо было вашу машину еще считать научить...

— Это нас с тобой надо считать научить. Там двое комендантских, а тут ты бы ротного и еще двоих потерял, плюс два трехсотых.

— Я уже их отправил, через зеленку, не по дороге. Ты не знаешь, на хрена Старцеву отделение наших разведчиков?

— Нет, зато знаю, что он днем сказал, когда Толика на брезенте принесли.

— Что?

— Какая это разведка, если на грабли наступает.

— В генералы, сука, готовится.

— Да прав он, только правда у него неприятная. Мог бы и промолчать. А лампасов ему не видать. Это я точно знаю.

— Неужели?..

— Да не... Не убьют. Березовский его с обменом пленных подставит. Темная какая-то история. Переведут Старцева на Дальний Восток.

Младший выстрелил затяжной матерщиной и собрался, было, налить по третьей, но вдалеке жажнул выстрел.

— Винтовка! — сказали оба.

Через мгновение сухим собачим лаем залились “калаши”. Звуки смешались, и уже было непонятно, какого рода бой идет в паре километров отсюда.

— Я пойду, — младший закрутил фляжку.

— Только побыстрей, мне чуть меньше часа осталось.

Неприятное, отдающее на язык свинцом предчувствие завладело старшим Дороховым. Он бессмысленно крутил в руках пустую кружку и каким-то задним, будто не своим умом начал понимать то, о чем говорил ему Кошкин. Нельзя спасти уже утонувшего? Или это прерогатива Господа Бога? И все равно упрямство русского майора было сильнее всех этих мудреных сентенций.

“Вроде, моросить должно уже?”, — с надеждой вспомнил серое утро отставной майор. Прислушался, первые мизерные капельки вкрадчиво топтались по палаточной ткани.

Когда вошел младший, он спросил, уже зная ответ:

— Толик?

— Толик... И еще двое... Раненых, правда, нет. Акбар этот, хренов, в обнимку с СВД, в зеленке сидел. То ли раньше ушел, то ли не дошел, то ли на очке во дворе зад подмывал, когда мы дом окружили... Не сработало что-то, Вася. — Младший впервые назвал старшего по имени.

Старший медленно смял в руках металл кружки.

— Я вот думаю, прав Кошкин, смерть не перехитрить, хотя я все равно не отступлюсь. В любом лабиринте должна быть нить Ариадны. У любой пули есть бесконечное множество траекторий полета. Если параллельные прямые все же не пересекаются, это не мешает стрелку, находящемуся на одной прямой, отстающему или опережающему цель, вести прицельный огонь в сторону другой параллели. Кто знает, может это и имеется виду, когда утверждают, что параллельные прямые пересекаются где-то в космическом пространстве, а там уже и не пространство оно в чистом виде, а то самое пространство-время! Черт, даже башка заболела от собственного умничанья.

— Вы там полегче машиной вашей балуйте. Я в детстве... — и поправился, — мы в детстве фантастику научную читали. Чревато это. Да и как бы машина эта в плохие руки не попала.

— Пулю из говна! — сказал старший и растворился в полумраке палатки, Дорохов младший остался один, покрутил в руках смятую кружку и, как мог, но почти на девяносто процентов выправил ее. Потом налил в обе и выпил за помин души старшего лейтенанта Китаева, хорошего парня. Вторую накрыл куском сыроватого, похожего по виду на пемзу, черного хлеба. Майору Дорохову было легче, чем могло быть. И старшему Дорохову тоже. Теперь они знали, что в смерти Толика они не виноваты. Правда, у обоих не пропало желание продырявить бородатого снайпера минутой раньше, чем он успеет прицелиться в старшего лейтенанта Китаева.

* * *

В лаборатории не было окон, чтобы первые солнечные лучи оплодотворили новым витком жизни застоявшийся воздух и поиграли пылью, невидимой под мертвосоющими лампами дневного света, дребезжание которых, вкупе с толщиной бетона, скрадывало щебетание ранних пташек.

— Ну что, получилось? — нетерпеливо стряхнул бессонную ночь Кошкин.

— Толика все равно убили. Правда, двоих не ранили!.. Это уже что-то. Но главное: я многое понял за эти несколько часов. Я понял, что не все решения и поступки человека принадлежат человеку, который считает, что он производит посредством их какое-либо действие. Витиевато, конечно. Хотя я не берусь утверждать, что это только Его решения, возможно, это решения того, кто пошел против Него, а может, это сумма, целая, но аморфная, с нашей точки зрения, вязь различных посылов. И данное объяснение не вступает в антагонизм с постулатом внутренней свободы человека, потому как решение — есть разность между накопленными положительными и отрицательными посылами, можно сказать, порывами, которые не всегда даже оформляются в ощутимые и проговариваемые умом мысли. Я не сторонник экскаваторных решений на уровне подсознания, но оценить инстинктивные порывы человека имел возможность на практике.

— Это когда знаешь, где упадет следующий снаряд, но не можешь объяснить?

— Так точно.

Кошкин внимательно посмотрел на Василия Дорохова. Перед ним сидел совсем другой человек, кратно не похожий на того, что несколько часов назад покинул в неизвестном для землян направлении стены секретной лаборатории. Предыдущие беседы с Дороховым были обильно посыпаны красным армейским перцем, а его суждения никогда не были размерены отлагательными прилагательными и спотыкающимися деепричастиями, напротив, были односложно просты, как тот самый, упомянутый только что снаряд, летящий к выверенной цели.

— Я столько книг после встречи с собой в палатке перечитал, — продолжил Дорохов, — особенно после демобилизации. И верил и не верил. До сегодняшней ночи. И никому об этом не говорил. Иначе не миновать мне института Сербского. Что делать? Коллективное бессознательное витает в воздухе, мы вдыхаем его и начинаем принимать мир таким, какой он есть, или таким, которого нет! Все зависит от невидимой взвеси, поступающей в сознание из окружающей действительности-недействительности посредством дыхания, зрения, слуха и воздействия разного рода полей. Можно принимать это как данность, а можно по мере собственных сил участвовать в создании этой взвеси, наполняя ее индивидуальными качествами. Говоря проще, можно вдыхать сгущающийся яд и радоваться его наркотическому апокалипсическому воздействию, можно вдыхать и не радоваться, а терпеть, доколе хватит сил, а можно — пытаться хоть как-то разбавить его нейтрализующими и осветляющими ингредиентами.

— Мудрено.

— Все сказать — ночи не хватит.

Сергей Павлович понял, что перед ним действительно сидит совсем другой человек, с опытом, возведенным в степень прогулок во времени. С прежним майором его роднили только тельняшка и застиранный камуфляж.

— Полагаю, что парадокса времени нет! Упрощая суждения, берусь утверждать, что это не более чем борьба двух надисторических сил на определяемом только нами отрезке человеческого существования. Во вселенском понимании это не прямая, даже не спираль, а фигура не представляемая человеческим воображением. Алфавита не хватит, чтобы написать имя Бога. И Сына Его мы называем Царем и Спасителем, и два этих слова перевешивают вселенную! Ни Юнг, ни Конфуций, никакая “И цзин” не смогли приоткрыть мне и доли того, что я увидел внутри себя, переходя из одного состояния в другое. По сути — машина твоя невозможна, ибо встреча с самой собой также невозможна по простой причине обладания душой в единичном масштабе. Плоть разделить можно, душу нельзя! Ее и так в течение земной жизни терзают на две части между светом и тьмой! Но я испытал на себе действие твоей машины, я говорил сам с собой, я подталкивал себя не только к действиям, но и к их нравственной оценке и пришел к заключению, что принцип действия твоей машины схож с тем, что будет применен на Страшном Суде, когда человеку дано будет увидеть свою жизнь во всех ее прелестях и недостатках в одно мгновение, которое не будет измеряться временем. И еще, мне думается, ты не изобрел эту машину, ты ее выстрадал.

Молчание замерло на стрелках обесточенных приборов, юркнуло в разнокалиберные соединительные гнезда, прошелестело по дисплеям и успокоилось на дне неразменной банки для заварки чая.

— Ты хочешь попробовать еще раз? — тихо и настороженно спросил Кошкин, который понял, что опыт и знания не искореняют, а иногда, напротив, сопутствуют упрямству.

— Да. Но не сейчас. Мне нужно все рассчитать. Все продумать. Хотя, вроде и было время, я ждал этой ночи пять долгих лет.

— Вася, у меня тоже есть некоторые виды на этот прибор. Ты не согласишься...

— В любое удобное для тебя время!

О путешествии Кошкина условились на следующую ночь.

* * *

Взяв у больного (в очередной раз) Марченко по телефону отгул, Сергей Кошкин покинул охраняемую территорию “ящика”, пожелав доброго утра спянным дежурным на двух КПП, ибо лаборатория, как матрешка, была спрятана в огромном дворе завода, который помимо ракет, благодаря новому слову “конверсия”, выпускал теперь тефлоновую (в отечественном исполнении фторопластовую) посуду и утюги “с вертикальным взлетом”, как именовали хозяйки пароувлажнитель. Именно поэтому (а не только по поводу одностороннего российского разоружения) по заводу разрешалось снова иностранным шпионам под видом озабоченных развитием совместных предприятий бизнесменов. Империалистические монстры не мытьем, так катаньем вторгались в святая святых российского ВПК и “конверсионным” способом получали пай или хотя бы возможность следить за тем, что еще могут выдумать угрожающего их мусорной демократии (от слова урна) никак не желающие тихо спиться и умереть русские.

Но сейчас Кошкин был настолько далек от всей этой мироправительственной кутерьмы, что чуть было не прошел мимо своего излюбленного по утрам кафе, где всегда заказывал блинчики с мясом под сметаной и большую кружку “амбассадора”. Следует сказать, что, не взирая на смутное состояние Кошкина и других, отдельно взятых индивидуумов, да, в сущности, и в целом народа империи, майское утро дышало ни с чем не сравнимым запахом начала жизни. Вот у кого бы учиться парфюмерам! А они, говорят, создавая свои букеты, не брезгают рыться даже в дерьме. Хотя последнему со-

ответствует тоже вполне относящийся к жизни запах. Просто не лучший. Видимо, переработанная жизнь по-другому пахнуть не может. Дней пять назад, когда Кошкин радовался такому незатейливому, одетому в яблоневый цвет и голубое небо утру, его посетили отнюдь не пейзажные мысли, и он предполагал довести аналогии до логического конца. Место философских терзаний — кафе “Тещины блины”, совсем недалеко от КПП. И, пожалуй, все закончилось бы рассуждением о том, что гадкий запах имеют реформы, потому как перерабатывают жизнь целых народов, а по сути — это есть адский запах, о котором предупреждал батюшка Серафим. И то, что с одной стороны может называться прогрессом, с другой видится отвратительной деградацией. И отнюдь не совдеповский образ мышления (который приписывали людям кошкинского типа либеральные журналисты), а врожденные, выстраданные на генетическом уровне уважение и любовь к своей стране, скрепленные с загадочной русской душой актом крещения в православном храме (пусть и втайне от пионерской организации, потому как мама не могла и не хотела вычеркнуть Сережу Кошкина из общесоветского детства, а против частых болезней пенициллин не молитва) определяло движения души инженера.

Кафе работало новомодно — нон-стопом. Узнавшая Кошкина официантка без слов принесла желаемое. Улыбнулась, на что потребовался не очень уместный для смурноватого хода мыслей ответ:

— Спасибо. Вы сегодня обворожительны.

— Может, рюмку коньяку? Опять ночь работали? — дежурный комплимент дороже чаевых. Официантка, которую звали Нина и у которой муж-дальнобойщик уехал и не вернулся, оставшись в другом городе с другой женщиной, стала улыбаться Кошкину, как потенциальная невеста.

“А почему нет?” — мысленно ответил на ее улыбку конструктор, но вслух сказал другое:

— Сегодня можно и коньячку! Эх! Так бы на домашней кухне!

— Кто ж не дает?.. — и ушла с улыбкой профана из тайного общества, готового к загадочному, а по сути простому обряду.

Рюмку с коньяком поставила молча. Так бы поступила и заботливая жена, дабы не прерывать рабочее течение мыслей в голове мужа, имеющего ответственную должность. У хорошей жены — это инстинкт, плохая — рефлексит на то, что ею пренебрегают ради чего бы там ни было.

Жена...

Кошкин почувствовал вдруг острую необходимость сию минуту увидеть Лену. Коньячные звездочки в желудке своими огоньками разожгли это желание.

Он отставил недопитый кофе и подошел к зеркалу, висевшему у входа. Оттуда грустновато взглянул на него рано поседевший мужчина, близкий к сорокалетнему барберу и далекий от современной суеты, погони за хлебом насущным и прочими потребительскими излишествами. Бледный от бессонных ночей, непричесанный, отчего руки сразу стали искать во внутреннем кармане расческу... Эх! Если б хоть мизер понимать в мужской красоте! А так? Можно только отметить, что седина на короткой челке вроде легко гармонирует с серыми, немного печальными глазами. Модная двухдневная щетина с точки зрения современной молодежи добавляла гармонии хаосу внешнего вида. Вот только маленький, но свежий поперечный шрам на прямом носу — уснул за работой — клонул край стола. Впрочем, на витающего в потустороннем мире невезунчика тоже не похож... Галстук засаленный — в урну, и можно идти. Слава Богу, сорочку вчера темную надел, разводов на воротнике не видно.

Ну вот, официантка Нина украдкой постреливает в его сторону заинтересованным взглядом, будто он готовится сделать ей предложение. Но милая Нина — не Елена Андреевна Варламова, что ныне замужем за крупным предпринимателем и, как оказалось, потомственным дворянином Рузским.

Ох уж эти дворяне, сколько раз они предавали русский трон и больше всего радовались, когда получили от Екатерины жалованную грамоту да освободились от обязательной военной службы. Не в пример своим предкам.

Не все, конечно, но чем ближе к трону — тем гаже. Потому и Рузские, а не русские... Хорошо хоть Лена оставила себе свою фамилию, впрочем, как и в случае с Кошкиным. И не обида на удачливого соперника, разрушившего первую, а для Кошкина вечную любовь, клокотала в нем, а обычное пренебрежение к самовлюбленным людям, считающим себя пуповиной если не мира, то обозримого в пределах горизонта пространства.

Рузский Владимир Юрьевич — владелец сети бензоколонок и маркетов, известный в криминальном мире по кличке Вздор (любимое словечко, применяемое новоявленным дворянином в случае проволочек с бизнесом и приобретением новых производственных мощностей), подарил жене супермаркет в центре города, который назвал в честь нее “Варламовским”. Хороший, кстати, магазин, если говорить о номенклатуре и качестве товаров. И о ценах тоже... Приемного сына Виталия отправил в Сорбонну, подальше от материнской ласки и притязаний совкового отца на воспитание. А главное, чтобы не мешал нескромному семейному счастью... Елена Андреевна от дворянского титула отказалась, полагая, что он у нее тоже где-то пылится, если порывтся в архивах, а вот Виталию Сергеевичу отчим его все-таки навязал.

Вздор! Действительно вздор!

А тут на улицах май! Бушующий май, стреляющий фейерверками цветущих яблонь, освежающий распыленным после первых дождей в воздухе озоном, опьяняющий загадочно-зовущими женскими улыбками. Будь ты хоть трижды книжный червь, но в мае сердце твое тревожно замрет от взгляда в небо и зайдется скороговоркой в ответ на дробь каблукчиков правнучек Евы.

“Варламовский” — двухэтажный кирпично-стеклянный куб с мансардным третьим этажом, где располагаются офисы, сиял зеркально вылизанными витринами и броскими щитами наружной рекламы. На входе — охранники с рациями. Суэта иномарок на прилегающей к нему автостоянке. Суматошные грузчики в униформе. И горделивые дамы, которым очень хочется быть похожими на эмансипированных, живущих в Европе и Америке сестер. Кошкина принесло сюда совсем из другого пейзажа, поэтому охранники с вынужденным подозрением зыркнули на его неглаженный костюм и усталый вид совкового инженера. Ему не предложат помочь переложить из тележки груды ярких пакетов с заморскими яствами в багажник автомобиля, и не только потому, что у него нет багажника...

У входа на третий этаж двое охранников терзали компьютер, который гулко отстреливался и смачно ругал игроков, ведущих крутого героя по лабиринтам его шлейфов и плат.

— К кому? — удостоил коротким взглядом один из них Кошкина.

— К директору.

— По какому вопросу?

— Сообщите, — кивнул Кошкин на селектор, — что пришел Сергей Павлович по поводу патента на изобретение машины времени.

Тут уже оба охранника отвлеклись от компьютерной стрельялки и внимательно посмотрели на посетителя. На всякий случай взгляды их ничего не выражали. Мол, машина времени или атомная бомба — это не их дело.

— Елена Андреевна, извините, к вам некий Сергей Павлович по поводу машины времени?.. — вопросительно пробурчал в селектор тот, кто первым обратил внимание на Кошкина.

— Проводите его ко мне. — Тон такой, как будто речь идет о поставщике лаши “доширак”.

Кабинет Елены Андреевны встретил кондиционерной прохладой, внушительными размерами, ароматами кожаной мебели, освежителей воздуха и ее собственных духов. В результате сочетания современной обстановки, всех этих запахов и того, что Кошкин не видел свою жену пять лет, у него сложилось впечатление, что он попал в какой-то сказочный мир, не имеющий ничего общего с тем, что происходит за окнами. Лена сидела в кожаном кресле в обществе ноутбука, пары телефонов, селектора и эксклюзивных канцелярских принадлежностей. Увидев на пороге Сергея, она встала и распорядилась маячившей за его спиной секретарше подать две чашки кофе и бутылку “мартеля”.

— Опять не спал всю ночь? — спросила Лена, как будто они расстались вчера.

Но Сергей Павлович даже не мог ответить. Сказать, что он обомлел, значит — ничего не сказать. Перед ним стояла тридцатипятилетняя женщина, ради которой стоило бы начать новую троянскую войну. Строгий, но обтягивающий фигуру темно-зеленый вельветовый костюм так эротично подчеркивал ее формы, что служащие мужского пола, заходя в кабинет своего директора, должны были забывать о своих обязанностях напрочь. Воротника чуть касались коротко стриженные (а ля каре) русые волосы, из-под аккуратной челки на лбу на инженера смотрели любимые, буравящие душу зеленые глаза. Влажные полные губы — грезы о поцелуе...

Несколько минут Кошкин не мог прийти в себя. Лена это заметила, но не обидела его победным пренебрежением. Напротив, прониклась участием.

— Ну как ты? Еще не надоело повышать обороноспособность страны? Я думала, ты меня презираешь, потому не заходишь, не звонишь...

— Я тебя люблю, Лена, — в миллионный раз признался Сергей Павлович.

— Не надо об этом. Мы теперь как параллельные прямые. Единственно возможная точка нашего пересечения — это Виталий. У тебя какие-то проблемы? — последний вопрос прозвучал таким тоном, будто перед успешным директором супермаркета сидит проситель, нуждающийся в меценатстве. Вот-вот денег предложит.

— Нет, у меня все хорошо. Зарплату повысили, к награде представили. Новый президент посетил нашу мастерскую и даже руку мне пожал. Из Марченко чуть весь песок от радости не высыпался...

— Как у него здоровье?

— Как у восьмидесятилетнего человека, который никогда за ним не следил, но еще может в силу огромной кинетической инерции предыдущих лет двигаться.

— Ясно. Передай ему привет.

Нет, она не знала, даже мысли не допускала, что сегодня в ее кабинет пришел победитель. И Кошкин, смакуя, оттягивал момент своего главного известия. Он не рассчитывал, что Леночка тут же бросится ему на шею, оставит процветающую коммерцию и ежемесячную езду по заграницам, но он надеялся увидеть хоть какое-то сожаление, смятение в ее глазах, пронизанное к тому же недоверием к возможности изобретения.

— Лена, я закончил свою работу.

— Новая ракета готова сбивать американские “эф-сто семнадцать”? Давай, выпьем за это по маленькой. Я знаю, что ты гений, Сережа. Я всегда это знала. И знала, что не дотягиваю до твоего астрального уровня.

— Лена, я закончил работу над машиной времени.

— Ты наконец-то бросил увлекаться фантастикой?

— Да, я бросил увлекаться фантастикой, машина стала реальностью и сегодня ночью прошла удачные испытания.

На минуту, которую так ждал Кошкин, Лена замерла. Глаза их встретились, и Сергей Павлович имел возможность увидеть целый шторм зеленоватой морской воды, который пронесся по ее взгляду в эти мгновения. Но торжества не было, он чуть губу себе не прокусил, оттого что испытывал невыносимое, сравнимое с самой страшной пыткой желание поцеловать любимую женщину. Главное — она не посчитала его сумасшедшим, потому что помнила — Кошкин человек серьезный, целеустремленный и умеет шутить только по поводу американского или китайского оружия.

— Ты можешь теперь стать известным. Нобелевским лауреатом. — Лена посмотрела на Кошкина с явным уважением, может, и мелькнуло в ее коммерчески перестроенном мозге, что именно она несколько лет назад потеряла, но только мелькнуло...

— Банальное решение...

— Ты что? Изобрел машину времени, чтобы закрыть ее в секретном военном ящике? Это достижение всего человечества!

Кошкин вдруг не на шутку разозлился, он словно не с бывшей женой разговаривал, а с клерком из министерства иностранных дел.

— Хренушки! Ты же знаешь, я квасной патриот, человечество не стоит того, чтобы ради него расшибаться и класть жизнь на алтарь науки. Все избречения человечество использовало либо для убийства себе подобных, либо для того, чтобы заднице было мягче. Человечества нет! Есть общество зажавшихся потребителей и маргинальной нищеты! И даже для собственного народа в целом я не стал бы жертвовать собой, морщить мозг, а только для определенной его части, кого можно считать русскими людьми, причем независимо от национальности, — в глазах Кошкина играли злые огоньки, он подлил им полбокала “мартеля”, точно это был тот самый квас.

— Мы с мужем в эту категорию не попадаем, — сама утвердила Елена. — Для чего же тогда, позволь спросить, ты вымучил труд своей жизни, для удовлетворения собственного самолюбия, для самоутверждения? — наддала холода в голос Лена.

— Ты филолог по образованию? — будто не знал.

— И что?

— Ты можешь сказать, зачем Пушкин написал “Евгения Онегина”?

— Ну ты спросил!

— Ну ты спросила!

Они произнесли это почти одновременно, как в старые добрые времена. Стали улыбаться и даже потянулись друг к другу. Именно в такие моменты в душах давно расставшихся людей работают машины времени. И такая случается нежная ностальгия, что возвращение неминуемо, если, конечно, не задавит эту ностальгию прагматичный расчет или какая-либо другая страстишка. Лену вернул в зону дебета-кредита мобильный телефон. Он промурлыкал из-под вороха накладных тему из сороковой симфонии Моцарта, правда, не в соль-миноре.

Лена приземлилась:

— Вы сначала разберитесь с грузом, а потом думайте о его хранении. Договариваться с таможней — это ваше дело... — и понесло минут на пять.

Кошкин от скуки и нетерпения выпил еще полбокала коньяка и прилично после бессонной ночи охьянел.

— Так на чем то бишь мы? — посмотрела на него уже директор магазина, как на инопланетянина.

— Я на машине времени, ты на таможне.

— И зачем она? Ты так и не ответил.

— Я могу вернуть тебя, и, кстати, хотя бы для индивидуального подпольного прочтения, второй том “Мертвых душ”, хоть и не по душе мне это.

— Я не по душе? — игра такая.

— Возвращать сожженные рукописи, если об этом не просит автор.

— А меня ты, как вещь, планируешь вернуть?

— Как любимую... Как самую любимую в мире женщину.

— Пафоса не надо. Ты, Сережа, все-таки не переболел фантастикой. Это невозможно! Тем более с помощью машины времени.

— Я бы думал также, если б сегодня утром ко мне не вернулся парень из Чечни. Этот майор за одну ночь прожил новую жизнь и из солдафона стал почти философом! Ты не знаешь, что может случиться в твоём прошлом.

— Но так же нечестно, Кошкин! Это как в туалете подсматривать!

— А кто мне только что лаголил о благе для всего человечества? Я ж не таблетки от СПИДа придумал!

— Это точно! Ты можешь придумывать только оружие.

— Это все равно, что упрекать Калашникова в том, что полмира бегает и стреляет друг в друга из его автомата.

— Милый Сережа, давай договоримся, если ты не оставишь своей безумной идеи и решишь вернуться за мной в прошлое, то хотя бы предупреди меня.

— Предупреждаю... — Кошкин встал, аудиенция у директора супермаркета была закончена. Это была не та женщина, к которой он шел утром, к которой он шел всю жизнь.

— Я вынуждена буду сказать об этом Рузскому.

— Ай-яй! Если даже он тебе поверит, как поверит в возможность существования такого прибора, то что он сделает? Купит тебе машину времени, чтобы ты могла сразиться со мной в прошлом?

— Он может сразиться с тобой в настоящем.

— Если я захочу в него вернуться... Да и сам он ни с кем сражаться не будет, у него для этого целая армия громил есть. Это весь город знает.

— Ты, случайно, в КИРФ не вступил?

— Ты же знаешь, я даже в КПСС не был, потому и не могу похвалиться успехами в приватизации общенародной собственности.

— Ты стал злой, Кошкин.

— Наверное... Прости. Я пошел. Пьян... и спать хочу.

* * *

Вечером они встретились с Дороховым в лаборатории. Майор пришел, хотя в эту ночь не дежурил. Он сразу стал грузить Кошкина деталями вновь разработанной операции по спасению старшего лейтенанта Китаева. Кошкин еще не проснулся и, выплывая из неопределенной задумчивости, остановил его словесную пальбу и рекогносцировку.

— Вась, я тут крепко поразмышлял. Вот ты хочешь спасти Китаева, а чем он лучше рядового Иванова? Или какой-нибудь бабы Мани, которая попала под бомбежку родной российской авиации?

Дорохов замер. Его будто пристрелили на месте. Смысл последующей логики исчез полностью и безвозвратно. Он молча опустился на табурет и достал из пакета неизменную фляжку.

— Выпить надо, — сказал так, словно только что вновь похоронил всех близких и родственников, умерших за последние сто лет.

Выпили по полстакана. Кошкин вдруг подумал, что зачастил с алкоголем, и вроде как ему даже нравится это состояние. Машина времени есть, жены нет, сын за границей, зарплата, как у мойщика посуды в Нью-Йорке, что еще делать русскому человеку? Пить!!!

— Наливай, — махнул он Дорохову, и тот разом уловил состояние своего товарища. Спаси положение могла только задушевная кухонно-философская беседа, не позволяющая русской интеллигенции провалиться в банальную разнузданную пьянку с тяжелыми последствиями для себя и общества.

— Знаешь, Серега, мне кажется, мы проигрываем локальные войны, потому что упорно считаем себя великой державой. При этом мы всегда думали, что великость идет откуда-то: из Кремля, из ядерных центров, из ракетных шахт... В общем — из глубоких тылов. А великость должна исходить из сердца, из мозга каждого! В такой войне тылов не бывает...

Договорить не дала Мариловна.

Она вошла с ярко читаемой надписью на лице: “Помогите, а то сейчас помру”.

— Вот вы тут бойцов оживляете, а это только Христу и великим святым дано! Простите старую, что суюсь. Я бы тоже у тебя, Сережа, можа, и попросила бы моего отца вернуть. Он даже до Сталинграда не доехал, в его вагон бомба жажнула. Мы с того даже пенсию не получали, не воевал ведь. Я бы вот тебя попросила, чтоб ты меня туда, на станцию отправил, я бы его в другой вагон угovorила сесть...

В глазах Мариловны появились слезы, Кошкин и Дорохов проглотили по комку.

— Да вот думаю, — продолжила дрожащим голосом, — вместо него кто-то в этот вагон сядет, и придет похоронка в другую семью, и куплю я себе счастье через чужое горе... А уж мы с мамой и тремя братьями меру того горя до самого доньшка знаем.

— Ты не рви душу, Мариловна, — сломанным голосом попросил Василий Данилович, — что случилось-то?

— Да беда небольшая, но неприятная, — вернулась из 1943 года и загорелась другим интересом Мариловна. — Пенсию я куда-то дома положи-

ла, вспомнить не могу, хотела днем в магазин сходить — нигде нету. Совсем старая стала. Склероз. Ты бы, Сережа, отправил меня во вчерашний день, а то зарплата еще далеко.

— Не вопрос, Мариловна, но что ты во вчерашнем дне найти хочешь?

— Память свою старушечью! Память, милый! Глядишь, и пенсия найдется. Ты ж за своей Еленой Прекрасной успеешь еще... А?

Кошкин улыбнулся одними глазами, чтобы не обидеть Мариловну, которая готова уже была заплакать в случае отказа.

— Отправлю-отправлю, полы потом помоешь, ищи свою пенсию.

— Во-во! А вы с майором-то пока все свои умные разговоры переговорите. Я мигом!

Кошкин с уже нескрываемой улыбкой пощелкал тумблерами, покрутил одному ему ведомые настройки, и Мариловна, всплеснув руками, исчезла, оставив в наследство друзьям пустое ведро и швабру.

* * *

Что-то не то... Кошкин озадаченно смотрел на стрелки-мигалки своего агрегата. Дорохову передалось его волнение.

— Нет субъекта!

— Что?

— Мариловны нет!

— Что, решила остаться во вчера?

— Ее вообще нет.

— Доигрались... — Дорохов заранее разделил вину с Кошкиным.

— Поехали, возьмем такси.

— Куда?

— К Мариловне, она недалеко от моего дома живет.

Они мчались на частнике через ночной, но неспящий город. В машине блаженным баритоном страдал по воле не выдавший тюрьмы арестант. Сочувствовать ему не хотелось. Водитель специально включил музыку громче, надеясь ублажить поздних пассажиров или показать им какого он мира.

— Окна не горят, — Кошкин почувствовал, как растет в его сердце напряжение, сжимается пружина.

— Эх, Серега, ни дай Бог, мы старушку нашу на растерзание Батью кому-нибудь отправили. — Дорохов уверенно делил ответственность на двоих.

— Вот этого быть не может. Не далее вчерашнего полудня. Машина у меня еще слабенькая, мощности лет на пятьдесят-шестьдесят назад хватит, не более, а вперед я даже рисковать не стану. В стране с непредсказуемым прошлым подглядывать в будущее опаснее, чем смотреть в ствол заряженной винтовки.

Все двери в подъезде были металлическими, кроме одной. Поэтому она казалась беззащитной и единственная напоминала семидесятые годы своим стандартным некрепостным исполнением. Это и была дверь Мариловны.

Стучали в нее долго и громко, не заметив в подъездном полумраке, что чуть ниже замочной скважины приклеена бумажная полоска с печатями. Стучали, пока не скрипнула настороженно соседняя дверь на площадке. А приоткрылась она только благодаря камуфляжу Дорохова.

— Вы из милиции? — повелся в его сторону гнутый, как дамасский булат, старушечий нос. — Ключи у меня, вам не передали?

— Мы с работы, мы работаем вместе с Марией Гавриловной, — ответил Кошкин, а Дорохов успел вставить в поспешивший захлопнуться проем свой десантный ботинок.

— А где Мария Гавриловна?

— Где и положено, — над крючковатым носом появились едкие, недоверчивые, вылитые из темных маслин глаза и кудрявая седая челка, — в морге.

— Как в морге? — вопросительно и нагло расширил пространство проема Дорохов. — Не бойтесь, я майор Дорохов.

— Вы неправильно ставите вопрос, молодой человек. В вашем случае следует спрашивать — “в каком морге”. И я вас узнала, вы же бывали у Машеньки, мы с вами чай пили, беседовали.

— Он действительно сослуживец, — кивнул на Кошкина Василий Данилович. — Он тоже здесь бывал, любимец Марии Гавриловны.

— А, вот как. Он что, тоже моет полы в секретном институте?

— Нет, он изобретает утюги с вертикальным взлетом.

— А-аа... — в голосе старушки появилось уважение, — тогда милости прошу на порог, если б вы хотели убить меня из-за пенсии, то уже убили бы, а так — дома у меня взять нечего, все, что было можно, Боречка превратил в доллары, чтобы превратить их в шекели на земле обетованной. Меня зовут Амалия Гвидоновна, не помните? Милиция три раза переспрашивала, при этом не постеснялись даже спросить возраст...

— Мы про возраст не будем, и так видно, что вы вчера поздно вернулись с дискотеки, — Дорохов уже пыхтел в прихожей, а Кошкин выглядел из-за его широкой спины.

— Вы не могли бы, уважаемая Амалия Гвидоновна, повторить еще раз все по порядку? — вежливо попросил Сергей Павлович.

— Это всего лишь в третий раз за сегодняшний день! Но в комнату я вас, извините, не приглашу, у меня там женский беспорядок.

— Нам на пороге очень удобно, — искренне улыбнулся Дорохов.

— Ой! Только не надо считать меня старой душой! Я, между прочим, доктор медицинских наук!

— Упаси Бог, Амалия Гвидоновна, — успокоил Кошкин, — что же все-таки случилось?

И тут Амалия Гвидоновна позволила себе прослезиться.

— Да что! Нет теперь у меня единственной подруги! Не с кем поговорить. Нам ведь как, старухам, было бы с кем поболтать... Во что превратился этот мир? Откуда в нем столько жестокости?

Вопрос повис обвинением на шее Дорохова, на которого в этот момент смотрела Амалия Гвидоновна. Он предупредительно молчал.

— Есть теперь новые русские, новые евреи, — продолжила, чуть успокоившись, доктор медицинских наук, — есть и новые Раскольниковы. Только вот Машенька никому деньги под проценты не давала. Обычно я ей ссужала, без процентов, конечно... В магазин она еще с вечера собиралась, пенсию принесли — вот и решила отовариться. Пенсия, она что — сегодня есть, завтра за квартиру заплатил, в гастроном сбежал — и все! Так вот, Машенька вчера в гастроном и сбегала, купила себе нехитрый продуктовый набор и, вероятно, сумки у нее в обеих руках были, дверь входную не захлопнула, сразу к холодильнику — выгружать... Там ее и нашли. Новый этот Раскольников, наркоман какой-нибудь, от магазина, наверное, за ней шел. От вашей военной конторы, — она кивнула на Кошкина, — ей неплохую доплату к пенсии платили, да еще и приработок Машенькин за половую гимнастику. Каждый день я ей поясницу вправляла. По две тысячи квадратных метров вылизывать не всякий молодой сможет. Вы бы не ракеты изобретали, а машины по облегчению непривлекательного физического труда. А то у вас и на международной космической станции техничка со шваброй понадобится.

— В какой морг ее увезли? — Кошкин не узнал свой голос.

— В областную больницу, там испокон веку у нас судмедэксперты работают.

— Спасибо, Амалия Гвидоновна, — откланялся Дорохов и попятился, отжимая на лестничную площадку растерянного и подавленного изобретателя. — Пойдем, Сергей Павлович, нас с тобой время уже не ждет...

Снова мчались на такси обратно на завод, а между двумя КПП уже спорили о том, кто вернется во вчерашний день. На пороге лаборатории их ждал сюрприз. Девушка лет двадцати пяти мыла пол, в руках у нее была швабра Мариловны. Мужчины замерли на входе. Девушка распрямилась, смущенно глядя на неожиданных для нее зрителей. У джинсового комбинезона на ее груди отстегнулась лямка, и она под сверлящими взглядами двух ошарашенных мужиков никак не могла ее пристегнуть.

— Я — Варя, Варвара, я на третьем этаже обычно мою, меня из отдела кадров прислали, Марию Гавриловну заменить... Горе-то какое... Я думала, только из-за миллионов убивают.

Неловкое молчание продолжалось. Кошкин и Дорохов не знали, что им сказать. И Варе приходилось оправдывать, объяснять эту натяннутую тишину.

— Меня предупредили, что Сергей Павлович по ночам часто работает, я мешать не буду, скоро закончу...

Сергей Павлович между тем залобовался растерянной девушкой. Она в конце концов пристегнула ляжку комбинезона и теперь стянула с головы косынку, наехавшую на лоб, обнажив темную челку и опускавшийся на плечо, стянутый резинкой хвост. Почему мужской взгляд заставляет женщин поправлять волосы?

Из-под челки на друзей смотрели немного печальные яркие синие глаза. Настолько синие, что встретить такие можно только у сказочных красавиц. Вспомнилась вдруг выходящая из моря Венера Боттичелли. Только у той, помнится, волосы были посветлее. А у Вари, кроме того, были точеные черты лица, тонкий прямой нос и немного угловатые скулы. На какой древнегреческой амфоре я видел ее лицо? — спросил себя Кошкин, но тут же потер кулаками усталые глаза: никаких наваждений! Где-то между тем и этим светом ждала Мариловна. Каждая красивая женщина похожа только сама на себя, а некрасивая — тем более.

— Меня зовут Василий, — представился Дорохов.

— Я знаю, вы должны быть на вахте, внизу, вы дверь не закрыли, и я сегодня прошла, не предъявив удостоверения.

— Оп-паньки... — скис Дорохов.

— Не переживайте, я никому не скажу.

— Тогда скажите мне, почему такая красивая девушка моет полы?

— А что, внешний вид каким-то образом определяет род занятий? — девушка улыбнулась. — У каждого есть свои причины быть там, где он есть.

— Извините, Варя, во мне порой просыпается солдафон. Вы нам позволите заняться своими делами?

— Конечно-конечно, я заканчиваю.

Уже у рабочего стола Кошкин поймал себя на мысли, что ему хочется оглянуться, еще раз увидеть Варю, а главное — он сравнивает ее с Леной Варламовой. С той Леной, которую он знал почти двадцать лет назад. Сравнение ни к чему не привело, а только мешало сосредоточиться. Дорохов уловил заминку и шепнул:

— А брюзжанье Мариловны тебе меньше мешало.

Потом они некоторое время спорили, кому вышлять Мариловну, но Дорохов буквально задавил Кошкина офицерским авторитетом и орденом Мужества. Сергей Павлович махнул рукой:

— Только не геройствуй лишнего!

— Я просто посижу у нее в гостях. В магазин, если надо, мы ходим вместе...

* * *

Кошкин вернулся в лабораторию, когда над городом стали сгущаться сумерки. Дорохов облапил его на входе:

— Ты гений, Серега! Мариловна ворчит наверху со своими тряпками!

— Слава Богу, — тихо выдохнул Кошкин, а потом вдруг вспомнил, — а Варя?

— А она еще выше, сегодня-то я ее заметил!

— Ну что? Попробуем? — Кошкина слегка трясло.

— Ты часом не заболел, или у тебя мандраж? — заметил Василий.

— И то и другое. Пойдем?

— Пойдем. Родина ждет!

Пока они мараковали над приборами, Мариловна озвучивала суть несанкционированных испытаний:

— Вы не шибко-то кспереминтируйте, жуткое это дело — мертвых оживлять...

Друзья замерли.

— Я, Мариловна, не за мертвецами, я нынче за живыми, — оглянулся Кошкин.

— Да-к это другое совсем дело! Я ж тебе говорила — за Леной собрался! Привет ей от меня, старой, передавай. Танцует она у тебя красиво! Прямо как на балах, которые в фильмах про старые времена показывают. Наташа-то Ростова у Бондарчука, помнишь? Твоя-то не хуже...

— Не моя она теперь, Мариловна, — сдвинул брови Сергей Павлович.

— А это, Сережа, испытание! Не верю я, что любовь бесследно исчезает. Всякого в жизни насмотрелась и знаю, если была любовь, то куда она не денется. Ее, как самого Господа Бога, обмануть нельзя. Можно только самого себя обмануть, да будет потом наказание не хуже Страшного Суда! И знаешь еще что? Никакой второй любви не бывает! Она, как и душа, одна человеку дается. Первая, и все! Не сберег — и все, мучайся всю жизнь. Вторая — это уже не любовь, а сожительство! Блуд!

Ох, и разгорячилась Мариловна, ох и разошлась! Но Кошкин подмигнул Дорохову и повернул одному ему понятные рукоятки. Мариловна еще ворчала, а Сергей Павлович уже стоял у здания лаборатории, любясь нелепым, выцветшим еще во времена Брежнева лозунгом на растяжке: “Решения партии — в жизнь”.

До университета пришлось идти пешком, советского пяточка на автобус в кармане не предвиделось. Ноги сами несли Кошкина в нужном направлении, и он даже не успевал ностальгически удивляться полуголым витринам магазинов с манекенами в стандартных одеждах, пионерам, гурьбой идущим с уроков, молодым людям в самопальных джинсах и кроссовках фабрики “Кимры”, автофургонам “Газ-52” с лаконичной, но теплой надписью “Хлеб”, самодостаточным, но добрым милиционерам... Подумать только, страна скатывается вниз по нефтяной трубе, старческие пальцы Политбюро не способны цепко держаться даже на достигнутой высоте, несколько месяцев отделяет этих, ни о чем не подозревающих людей, от эры предательства, всего десять лет — от полного развала, и еще десять лет от времени, когда самый большой лоскут державы все же поползет вверх по той же самой трубе, ломая ногти, сдирая на ладонях и груди кожу, а вместе с ней еще что-то, какой-то иммунитет к всемирной эпидемии прогрессивного апокалипсического разрушения.

В квартале от альма-матер располагался ломбард, куда и зашел Сергей Павлович, дабы разжиться денежными знаками, не знающими инфляции и сравнения с долларом. Он респектабельно выложил на прилавок перед круглоголовым лысоватым мужчиной золотой портсигар, подаренный коллегами на день рождения. Этой ненужной роскошью Кошкин никогда в жизни не пользовался. Мужчина внимательно осмотрел “товар” и произнес заветное слово “паспорт”. Кошкин начал сосредоточенно рыться в карманах и приторно тяжело вздохнул.

— Вот, ё-моё, неужели дома оставил! Все! Накрылся взнос за кооператив. Не успею...

Мужчина пожал плечами и молча положил портсигар обратно на прилавок. Кошкин с повторным вздохом медленно стал укладывать его в карман, весь его жалкий вид подсказывал: ну придумай что-нибудь, дядя. И дядя придумал, когда Сергей Павлович нарочито неуверенно потянулся к дверной ручке.

— Знаете, я могу его взять... Ну как на свой паспорт, но, знаете ли...

— Да в полцены! — радостно выкрикнул Кошкин, одним броском вернувшийся к прилавку.

— Не ворованный? — для приличия спросил приемщик, отсчитывая свеженькие красные червонцы.

— Подарок, — успокоил инженер.

Около часа он бродил у входа в главный университетский корпус, где еще не сидели хмурые и скорые на едкий окрик охранники, и где последние

двадцать лет располагались филологический факультет и факультет романо-германской филологии. Нужно было решиться и зайти внутрь, заглянуть в расписание. Номер группы Лены Сергей Павлович помнил, и узнать аудиторию, где находилась Лена, не составляло труда. Но он, ностальгически озабоченный, стоял у парадного крыльца, задумчиво всматриваясь в лица проходивших мимо людей.

— А я поспорить с вами готов, что сегодня мы проигрываем весь геополитический расклад! Мы должны сейчас иметь союзником Китай, а не рассчитывать на благодушное отношение Соединенных Штатов Америки и соединяемых штатов Европы. Эти нас никогда такими, какие мы есть, не примут. А такими, какие мы должны быть по их меркам, мы никогда, даже если очень стараться будем, не станем... Они же сами нам и не позволят! В этом главная стратегическая ошибка всех тех, кто наивно или ерничая, как Бендер, скандирует: заграница нам поможет!.. Россия не может оставаться Россией без мессианской идеи, она развалится, как доскутное одеяло, на однородные, но занятые собственными интересами члены, и тогда мир содрогнется...

— Да ерунда, объективный исторический процесс идеями не обманешь...

— Не обманешь, но предать можно. Это же как поцелуй Иуды! Объективный процесс остановить было уже нельзя, но для чего-то поцелуй этот был нужен!

Два преподавателя некоторое время спорили неподалеку от Кошкина, остановившись на ступенях. Задора хватило на две сигареты, и они расстались, как добрые друзья. А в 91-м побьют, наверное, горшки на всю жизнь.

И вот, наконец, на крыльце появились студенты. Юноши торопливо и жадно закуривали, стреляли друг у друга сигареты, девушки группами шли к автобусной остановке. Последние анекдоты и курьезы, принесенные с семинаров, рассыпались взрывами хохота, шел оживленный обмен конспектами и учебниками. И во всей этой кутерьме Сергей Павлович очень боялся просмотреть Лену.

Она вышла из корпуса в числе последних в обществе худого чернявого паренька, который что-то весьма эмоционально ей декламировал. Паренек явно не вписывался в планы Кошкина. С минуту инженер стоял в растерянности, а оживленно беседующая парочка двигалась в сторону книжного магазина "Букинист". Излюбленное русское "авось", замешенное на отчаянном "будь что будет", подтолкнуло Сергея Павловича к действию. В России алкоголь и любовь являются причиной 99% безумных поступков. Хорошо начинать разговор, если имеешь способности удава: посмотрел на собеседника внимательно, как на любимое блюдо, и он уже никуда не денется.

— Здравствуйте, Лена. — Кошкин придал голосу тон судебного исполнителя. Никакой вкрадчивости, смущения: а у самого холодный пот на спине и всю душу обожгло зеленоглазым взглядом.

— Ой, а я вас где-то видела! — и с таким интересом посмотрела на Сергея Павловича, точно он только что с телеэкрана сошел. Точно видела, я никогда не ошибаюсь, — мигнул зеленый семафор из-под пушистых ресниц.

— Вопрос в другом: в прошлом или в будущем вы меня видели, — поддал интриги Кошкин. — Меня зовут Сергей Павлович, я руководитель одной научной лаборатории, которая исследует пространственно-временные взаимосвязи. Понимаете, Лена, некоторые наши эксперименты выходят за пределы обычного человеческого понимания... — начал "мести пургу", как говорят в новейшее время.

— Но я в этом ничегошеньки не понимаю! Я филолог. Я только учусь. Какое отношение такая наука может иметь ко мне. Правда, Давид?

Чернявый Давид растерянно пожал плечами. Он мешал Кошкину, Кошкин помешал Давиду.

— Подозрительно все это... — начал было размышлять Давид, но Кошкин посмотрел на него так, как смотрели приходившие в его лабораторию бандиты для обсуждения вопросов приватизации оборонной промышленности. Давид временно умер. Удав у Сергея Павловича получился отменный.

— Все просто: не все индивидуумы имеют показания для участия в подобных экспериментах. А вот вы, Лена, имеете все к этому данные. Я пони-

маю, что посторонний человек с подобными речами внушает мало доверия, но я готов показать свое удостоверение сотрудника оборонного НИИ, и, кроме того, наглядно продемонстрировать вам некоторые результаты нашей работы. Вы не согласитесь выпить со мной по чашке кофе вон в том кафе? — Поблизости находилось “Театральное”, на двери которого указал Кошкин.

— Давид, ты не хочешь кофе?

Давид пожал плечами, но Сергей Павлович продолжал наступление.

— Видите ли, Лена, речь идет о секретных разработках, и ваш друг Давид не относится к числу посвященных и посвящаемых. Чтобы у вашего друга не возникло подозрений, вот мое удостоверение, — и с чувством победителя Сергей Павлович развернул красную корочку оборонки, как бы случайно прикрыв большим пальцем год выдачи.

Давид, едва скрывая зависть и раздражение, утвердительно покивал головой. Да, мол, вижу: дядя ты серьезный.

— Лена, завтра на лекциях увидимся, — откланялся он.

— Конечно, Давид.

— Всего хорошего, — пожелал инженер, который едва скрывал ехидную улыбку: не фиг делать всяким там Давидам рядом с его будущей женой. Знать раньше, еще в студенчестве морду бы набил.

Несколько секунд они провожали сутулую фигуру Давида разнополярными взглядами, а потом Сергей Павлович окончательно осмелел и взял Лену Варламову аккуратно под локоток, чтобы рассказывать ей по ходу движения к кафе о возможности перемещения во времени, разумеется, оговариваясь, что речь идет о небольших расстояниях, если, конечно, слово расстояние уместно в отношении измерения времени.

— А вы, вероятно, хотели бы прочитать рукопись второго тома “Мертвых душ”? — кинул он очередного козыря.

Лена посмотрела на него внимательно и очень пронзительно, даже приостановилась.

— Нет, я точно вас где-то видела! Такое чувство, что все это когда-то со мной уже было...

— Или будет, — не дал ей задуматься глубже Кошкин и снова понес свою научную околесицу.

В кафе, на радость изобретателю, сидели только две пары студентов в обществе стаканов какао и ливерных пирожков, что скромно ютились на тарелках с раритетной и лаконичной надписью “общепит”. Они не обратили внимания на новых посетителей, не столько утоляя голод, сколько поглощая друг друга влюбленными взглядами. Кошкин с разрешения Лены победно заказал “Хванчкару” (он-то знал любимое варламовское вино в будущем), себе армянский трехзвездочный коньяк, вареные сосиски и пирожное — престижные строчки из “театрального” меню 80-х годов. После того, как официантка принесла заказ на столик, студенты с легкой завистью отвлеклись от своих бесед и покосились на соседей, точнее, на спиртное и закуску. Кошкин старался держаться непринужденно, но вдруг подумал: не дай Бог встретить самого себя! Следовало увести Лену подальше от университета, но, с другой стороны, на это могло не хватить ее доверия к постороннему человеку. Посторонним быть не хотелось... Трудно было убедить себя, что эта очаровательная девушка, с восторгом и одновременно легким шармом взирающая на окружающий мир, в обтягивающих вельветах и водолазке не имеет к нему на данный момент никакого отношения.

Пригубили, и Лена посмотрела на своего “нового” знакомого с легкой хитрецей в глазах.

— Из ваших объяснений, Сергей Павлович, я поняла, что у вас на руках чуть ли не машина времени? — прищурилась с недоверчивой улыбкой.

— Да, — спокойно подтвердил Кошкин и достал из кармана дистанционный пульт с многочисленными кнопками. Известный российскому будущему логотип “Toshiba” никого здесь не мог ввести в заблуждение.

— И это все? — еще более недоверчиво спросила Лена.

— Нет, это малая толика, пульт управления.

— Вы хотите сказать, что, нажав на одну из кнопок, мы могли бы сейчас отправиться на встречу, скажем, с Овидием?

— Нет, так далеко не можем. Пятьдесят-шестьдесят лет — назад, пятьдесят лет — вперед.

— Странно, почему такие ограничения?

— А вы спросите у космонавтов, почему они не летают в другие галактики или хотя бы на Марс?

— Сергей Павлович, я жутко люблю тайны, но не военные. Вы, наверное, с меня какую-нибудь подписку о неразглашении будете брать?

— Да нет, только устное согласие. Вы человек гражданский. Конечно, это обязательные формальности, но никто вас не собирается посвящать в конструкторские чертежи, технологии и прочую дребедень, которая, к тому же, покажется вам китайской грамотой.

— Тогда зачем вам именно я?

“Да потому что я люблю тебя!”, хотел откровенно крикнуть Сергей Кошкин, но удержался, вместо этого он наморщил лоб, что предполагало усиленное движение мыслительного процесса.

— Если сказать честно, то без вас вообще ничего не получится...

— Странно. Вы сами-то, Сергей Павлович, хорошо представляете себе, о чем говорите? А то являетесь, как Волад Берлиозу. А потом головы покажутся... — Лена не на шутку насторожилась.

— Ну, уж только не Берлиозу, а — Маргарите. Вот если б вам предложили сейчас полетать на метле и в доказательство сего продемонстрировали, что это возможно?... — Кошкин вторично наполнил бокалы.

— Я начинаю вас бояться, — и, тем не менее, взяла бокал.

Да! В 90-х годах такой номер не прошел бы. Порядочная девушка рванула бы с криком “караул” от навязчивого незнакомца, который с маниакальным спокойствием декламирует безумные, с точки зрения современного технического развития, идеи. Получить по морде белым днем на улице стало проще, чем увидеть приветливую улыбку. И туда ее следует позвать?... Жаль, что на маленькой приборной доске не предусмотрена, просто невозможна третья, нейтральная сторона: маленький домик в горах, в полях, в лесах, подальше от смрадного дыхания этого гниющего, саморазлагающегося мира.

— Не бойтесь меня, Лена... Если и есть на земле человек, который никогда вам не причинит вреда и, напротив, отдаст все, чтобы заслужить ваше расположение, то это я. Во всяком случае, единственный — на расстоянии сорока тысяч километров.

— Ого! Это похоже на признание! Так, может, этот прибор на нашем столе всего-навсего предлог для знакомства? — лукавинка вылетела из зеленых глаз.

— И то, и другое — верно. Если вам знакомо понятие предопределенности, то я объяснил бы происходящее весьма... М-мм... Проще говоря, не будь вас, не было бы этого прибора... Подождите! — он перебил ее желание что-то сказать, остановил ее удивление. — Я приглашаю вас на небольшую прогулку на двадцать лет вперед.

— Это не бред? Даже если это возможно, меня потеряют дома. И предупреждаю сразу же, ни в какие машины я садиться не буду, никуда не поеду, даже если у вас найдется удостоверение КГБ.

— Что вы?! Поймите, Лена, в вашем времени, которое, кстати, и мое, со своим паспортом я как раз могу быть интересен для КГБ, а вот вы в будущем со своим паспортом можете существовать и перемещаться совершенно спокойно. Что же касается родителей, не беспокойтесь, я верну вас в эту самую минуту, за этот самый столик. При этом не надо садиться ни в какую машину. Она — вокруг нас! А если вам не понравится совсем, то — в тот момент, когда я подошел к вам на улице, и вы будете иметь возможность дослушать развесистые рассуждения Давида о творчестве Байрона и о плагиате Пушкина по отношению к первому. Об этом, кажется, он вам говорил?..

— Фантастика какая-то... И что вы сделаете?

— Нажму вот эту кнопку, и мы окажемся в лаборатории, где нас ждет мой друг майор Дорохов.

— А потом?

— Мы прогуляемся с вами по улице этого самого города двадцать лет спустя. Вот, посмотрите... — Кошкин достал из внутреннего кармана черно-белую свадебную фотографию 1987 года. Свадебную фотографию, на которой студент Сережа Кошкин обнимает за талию Лену Варламову — Это через три года...

— Монтаж? — вскинула брови. — Н-но... Это же вы... Только молоде... Господи! Как здорово сделано! Пусть все это отдает совсем не легкой стадией сумасшествия, но это удивительно интересно. Нажимайте свою кнопку, надеюсь, взрыв за этим не последует...

— О нет, эта атрибутика совсем другого времени.

* * *

Дорохов от неожиданности крикнул. Он как раз от вынужденного безделья потянулся к заветной фляжке, а тут прямо перед его протянутой рукой появилась девушка, и шлепнулась на пол, вскрикнув то ли от боли, то ли от неожиданности.

— Простите, Лена, я не предупредил вас, что нужно встать. Здесь нам забыли подставить табуретки. — Кошкин быстро вскочил и протянул девушке руку.

— А я-то тут при чем? — принял на себя упрек Василий Данилович.

— Да нет, Вася, это я размечтался. Ты тут точно ни при чем. Знакомься, моя будущая и бывшая жена Елена Андреевна Варламова.

— Даже так? Тогда можно просто — Лена. Вот здесь и есть секретная мастерская? Пока что все происходящее больше похоже на фокус.

— Вы ему не верите? Вы ему не верите... — задумчиво посмотрел на девушку Дорохов.

Кошкин предпочитал не торопить события. Он просто стоял рядом и любовался на извлеченное “из глубины веков” прекрасное юное создание. Сергей Павлович был пьян первой и единственной любовью. Никакой эротики, просто головокружение от нежности. Нужна была сублимация, будь проклят Фрейд, чтобы выйти из этого штопора. Со стороны он начинал походить на юродивого, которому понравился цветочек у дороги.

И в этот момент в лабораторию заглянула еще одна прекрасная девушка по имени Варя:

— Василий Данилович, там внизу кто-то стучится. Спрашивают, где охранник.

— Какого лешего? — поморщился Дорохов. — Спасибо, Варя, — и, глянув на задумчивого Кошкина: — Проснись, я скоро...

Лена посмотрела на Варю со спортивным интересом и, прежде чем та успела закрыть дверь с той стороны, спросила:

— Извините, девушка, а вы тоже тут летающие тарелки изобретаете?

— Нет. Я их мою. Предполетная подготовка, понимаете? — не растерялась Варя.

— Понимаю, а то мне показалось, что в нашем с вами возрасте военные тайны противопоказаны.

— И я вас здесь раньше не видела...

Следующим актом произошло явление Мариловны, которая бранилась, поднимаясь по лестнице:

— Нет, ну ты посмотри на него, запер все двери — а мы с сантехником должны под дождем мокнуть.

— Я думал, ты уж здесь, Мариловна, — бурчал, оправдываясь Дорохов.

— Так я и ходила в центральный за сантехником, в туалете опять бачок побежал. Днем-то этим академикам наплевать. Они только ракеты запускают, а горшки — это по нашей части... — с этими словами она замерла на пороге, вытаращив свои выцветшие глаза на Елену Варламову в юности.

— Кра-со-та... — врасяг прошептала старушка и для усиления визуального эффекта покачала головой. — Получилось, Сережа? Ай, молодец! Чудеса...

Лена, ощущая сконцентрированное на ней всеобщее внимание, переключилась на Мариловну.

— А вы, простите, майор или генерал?

— Я? — расплылась Мариловна от оказанного доверия, — я главный инженер по швабрам с оптическим прицелом. — И в подтверждение сказанного водрузила на свой нос очки с мощными линзами.

— Красавица!

— Вы хотите сказать, что вы меня знаете?

— Хочу. Как же мне тебя не знать...

— Мариловна, дорогая, наша гостя еще пять минут назад... — проснулся было Кошкин.

— Да чай не дура совсем, понимаю, — обиженно всколыхнулась на него старушка, и далее расставила все точки над “и” без сожаления и реверансов: — Ты не сомневайся, милая, не сомневайся, он тебя в другое тысячелетие прогуляться пригласил. Имел на это полное право, как любящий муж и порядочный человек, он у тебя гордость оборонной промышленности. Ты, Сережа, не впадай в кому, а своди ее в нынешние магазины, она вмиг все поймет.

— При чем здесь магазины? — насторожилась Лена. — Мне подарков не надо.

— Да не тушуйся ты, Лена. Идите, пройдите по городу, это тебе не заря перестройки! Ты только не подумай ненароком, что мы тут коммунизм построили. Ну, это тебе Кошкин лучше меня, старухи, объяснит.

Похоже, Мариловна предлагала подходящий вариант этой самой сублимации.

* * *

Дождь был буйным, но недолгим. Пару раз гроыхнуло вместо артподготовки, потом залп из всех стволов, потом кончились патроны и на десерт — озоновая атака.

Дышалось легко. Влажная зелень роняла капли. Лена позволила Кошкину взять себя под руку, под локоток, потому как шла точно по минному полю. Она с нескрываемым удивлением смотрела на снующие иномарки, внимательно читала названия улиц, рассматривала прохожих, как инопланетян, но продолжала искать подвох. Окончательно доконал ее электронный плакат, мигающий призывом не пропустить выборы в Государственную Думу.

— Как в начале века? — поморщилась она, вспоминая школьный курс истории.

— Так и есть, в начале двадцать первого века, — подтвердил экскурсовод Кошкин.

— А здесь же были разные конторы — хозы-мозы? — так определила Елена Андреевна старую улочку, где сверкали начищенной до мраморного блеска древностью купеческие особняки. Теперь там располагались многочисленные бутики и офисы фирм.

Кошкин легким, но требовательным усилием завел Лену в парфюмерный магазин. Он ехидно любовался тем, как она ошарашенно скользит глазами по прилавку.

— И “Черная магия” есть? — проверила Лена свои советские знания в области французских духов.

— Что? — изогнула брови продавщица.

— “Черная магия”, духи такие... Или “Же о зе”...

Продавец безнадежно присвистнула.

— Вроде помню что-то... Но это можно поискать в универмаге... Но лучше в музее. Вы скажите, какое направление вас больше интересует? Может, я смогу вам что-то порекомендовать...

— А маме нравится “Пани Валевская”, — сказала зачем-то Лена.

— Вам точно в антикварную лавку. У нас только последние поступления. Дживанши, кензо, эсти, кляйн, наоми, давидофф...

— Дайте нам “дживанши — облик”, — поставил точку Кошкин.

Девушка у прилавка изобразила радостное обслуживание, достала нужную коробку, протянула сдвоенную оригинальным дизайном склянку Сергею Павловичу.

— Прекрасный подарок для любимой, — поддела она старого караса на крючок. — 70 уе...

— Уе? — вопросительно повторила Лена.

— Ну да, у нас по курсу доллара, на евро еще не перестроились.

Кошкин молча достал портмоне и отсчитал нужную сумму в рублях. Причем продавщица успела увидеть в другом кармашке свеженькие советские червонцы.

— Ух ты, извините, я такие только в детстве видела... Вы коллекционер?

— Типа того, — парировал Кошкин, прострелив ее жестким взглядом.

Девушка запоздало, но предупредительно замолчала, без того уж сунула нос в чужой кошелек, так и клиента недолго потерять. Парфюм-бутиков за окном пруд пруди. Быстро завернула коробку и протянула Елене.

— Я вам завидую, — честно сказала она, компенсируя комплиментом Кошкину свою болтовню.

— Что? — не поняла Варламова. И уже на улице сказала сама себе: — Без очереди... — Потом Кошкину: — Сергей Павлович, давай где-нибудь присядем, мне здесь страшно...

— Если честно, мне тоже, но и у вас мне тоже не по себе. Нет теперь подходящего времени. Особенно для влюбленных.

— Странно... Французские духи... Рядом можно купить свежие цветы... Белье... И не гэдээровское какое-нибудь... Ужас последней стадии империализма. Ленин в мавзолее переворачивается!

— И поделом ему. Знаешь, у меня есть мысль, давай вернемся в “Театральное”, оно до сих пор существует, правда, выглядит немного иначе. Там теперь интеллектуальная тусовка, для богатых и тех, кто себя к таким причисляет.

— А ты богатый?

— Нет. Скажем так, я по нынешним меркам несколько не дотягиваю до среднего класса.

— Это дорого? — кивнула Лена на коробку с духами.

— Ну, как сказать. Каждый день я такое покупать не могу. Сказать больше, это будет уже не подарок.

— Вон там был портрет Брежнева и надпись: мир отстояли — мир сохраним! А теперь... “Соло — мебель для офисов”. Значит, ты меня не обманул... Театр такого масштаба невозможен.

Кошкин устало, но победно вздохнул. Из всех чувств человек более всего доверяет зрению, не понимая, как оно бывает обманчиво. Зато слух Кошкина не обманул, Лена Варламова назвала его на “ты”.

По пути до кафе “Театральное” они молчали. Окружающий мир говорил Лене больше, чем мог рассказать ее очарованный гид.

— Хванчкару? — спросил Кошкин уже за столиком. — Может, ты проголодалась? Здесь прекрасно готовят пиццу с грибами и куриные отбивные, есть пельмени.

— Нет, немного вина — не откажусь.

Некоторое время они сидели молча. Лена теперь уже с нескрываемым интересом смотрела на Кошкина.

— Я боюсь... — шепнула она.

— Чего?

— Я боюсь этого мира. Твоего мира.

— Он не мой.

— И еще я опасаясь: вдруг у меня не получится вернуться.

— Ты сейчас думаешь об этом?

— Да. Не обижайся, пока у меня нет желания перепрыгивать свою собственную жизнь. Ты сам бы согласился? Наверное, ты даже не думал об этом.

— Если честно, не думал.

— Это не укладывается в голове. До последнего момента я полагала, что это какая-то шутка. А теперь все похоже на сон.

— Не переживай, я верну тебя — куда скажешь, хоть в раннее детство. Или в ту минуту, когда я вломился в вашу с Давидом беседу. Главное — не потерять точку разделения.

— Что это?

— Долго объяснять. Если просто: есть такая точка, где возможно разделение тебя на тебя. То есть место, где возникает вторая ипостась.

— Жуть, я домой хочу!

— Но, уверяю тебя, здесь есть еще что посмотреть.

— На сегодня — хватит, а то я точно разделюсь сама в себе. Ты удивительный человек. Я думала, машина времени так и останется прерогативой Герберта Уэллса, Клиффорда Саймака или Айзека Азимова. А ты...

— Почему-то мне не хочется называть ее машиной времени. Громоздкое название, многообещающее. А у меня так, игрушка для детей среднего школьного возраста.

— Когда ты меня вернешь, я все забуду? — потрогала коробку с духами: вешдок.

— Не знаю. Все эти парадоксы времени — только теория. Мне кажется — это субъективное, индивидуальное... Опять же, я могу вернуть тебя в это самое кафе. Если смотреть на проблему просто технически — я, всего-навсего, разрываю энергетическое поле, перемещая объект из одной точки поля в другую. Мы мыслим трехмерно, а я тебе сейчас пытаюсь объяснить вообще в горизонтальной плоскости. Для точности же необходимо выпрыгнуть из наших представлений о законах физики. Ну, если перенести наш разговор в сферу филологии, то представь себе, что тебе надо перевести и попытаться донести “Евгения Онегина” для африканского племени, словарь которого составляет не более 100 слов. Перевести, конечно, можно, передать, так сказать, суть — но будет ли это роман в стихах? У каждого времени свои вопросы, на которые, кажется, нет ответа. Вот у нас сейчас стоит научно-этическая проблема — можно ли клонировать человека?

— Клонировать?

— Ну да, создать копию. Взять ДНК, вырастить эмбриональную ткань... Впрочем, зачем тебе эти дебри! Просто я часто думаю, не сорвал ли я очередной плод с дерева, у которого змей подкараулил Еву. Я не думаю, что с помощью моего прибора можно корректировать историю, а теперь уже сомневаюсь, что и жизнь отдельного человека, но тот, кто изобрел колесо, вряд ли предполагал, что другой деятель присобачит к нему двигатель внутреннего сгорания. Будешь ли помнить? Мариловна наша, к примеру, не помнит. И Слава Богу.

— Вы что, на ней проводили испытания?

— Пришлось, в гуманных целях. Пенсию помогали искать.

— Нашли?

— Нашли.

— Значит, в вашем мире копируют людей?

— Пока только овец. Но от этого не легче. И хотелось бы тебе напомнить, что это не только наш мир, это и твой мир. Не хотел тебе говорить, но ты в этом мире устроилась намного лучше, чем я.

— Хочется остановить тебя, попросить — не рассказывай. Но любопытство сильнее...

— Ты директор крупного магазина, названного твоей фамилией. Могу тебе показать.

— Не надо, я боюсь.

— Я тоже.

— И?..

— У тебя богатый муж, говорят, что с криминальной начинкой. Твой сын... Наш сын учится за границей.

— Муж... С криминальной начинкой... Я не хочу мужа с криминальной начинкой.

— Это сейчас, точнее — тогда, а в двадцать первом веке — такой муж находка, такими гордятся, они делают нынешнюю историю, а такие, как я, разочарованно и плаксиво копаются в своем прошлом.

— Поэтому ты изобрел экскаватор и выкопал меня.

— Можно и так сказать, но тебя я не выкопал, тебя я потерял. И вся жизнь следом потеряла смысл. Глупо, банально... Мой друг пытается остановить пулю, которая давно уже пробила сердце его боевого товарища и подчиненного, а я пытаюсь вернуть любовь, хотя пулю, как мне теперь кажется, остановить проще. Она хотя бы движется по физическим законам. Это только в театре любой акт можно переиграть в следующем спектакле, сделать хуже или лучше. Но даже по правилам театрального искусства плохого актера отправляют на вторые роли. А в реальности — естественный отбор. Его можно обмануть, но ненадолго. Кто-нибудь из стаи все равно заметит: Акело промахнулся!

— Маугли! Мой любимый мультфильм.

— Я помню, потому и помню. Тебе вообще нравился Киплинг.

— И Гумилев.

— И Гумилев. И Гоголь. А помнишь, мы читали друг другу велух “Альтиста Данилова”? — голос Кошкина надломился, Лена еще не могла этого помнить.

— Тебе удалось найти Орлова? У нас вся группа охотится на эту книгу.

— В своей группе ты будешь первая. Я выменял его на пластинку “Beatles”, которую мне подарили на восемнадцатилетие.

— И не пожалел?

— Ни разу.

Минуту-две помолчали. За окном сгущались неторопливые майские сумерки, и кафе стало наполняться посетителями. Разношерстные компании и пары обозначались в стильном полумраке зала только обрывками фраз и звонком бокалов. Рядом со столиком Кошкина и Лены приземлились два женоподобных юноши с аккуратными серьгами в ушах и неаккуратными прическами. Уже через несколько минут они стали смачно целоваться, отчего у Лены широко открылись глаза.

— Это не норма, это распушенность нашего времени, — грустно пояснил Сергей Павлович. — Издержки свободы.

— Я думала, что свобода подразумевает свободу созидать.

— Я тоже так думал, но разрушать легче. В том числе моральные нормы.

— Хочется спросить, где и когда мы с тобой встретимся, но, наверное, не стоит.

— Не надо. Я теперь уже не знаю, как мне жить дальше. Я слишком много ждал от сегодняшнего дня.

— Я тебя разочаровала?

— Нет, что ты, я сам себя разочаровал. Ведь получается, я хочу отбить тебя у самого себя. Обманываю самого себя. Пусть юного и заблуждающегося, но это ничего не меняет. Смешно, но этот путь мне подсказала старая добрая Марилевна, а я, такой же стареющий дурак, начал охоту на миражи. Но главное: я снова увидел девушку своей мечты. Звучит банально, но это правда. Ради этого стоило корпеть над чертежами и микросхемами несколько лет. Не хочется верить, что эта работа стала причиной твоего ухода. А если и так, ничего другого делать я не умею. Высокоточное оружие и слабоощущенные машины времени. Кошкин исчерпан. Мой однофамилец стал конструктором лучшего танка времен Второй мировой войны. А я вот... Ладно, ерунда это все.

Кошкин, как и полагается после такой тирады, выпил залпом полбокала коньяка. Лена кинула ему спасательный круг:

— Могу я тебя попросить?

— О чем угодно!

— Пригласи меня еще раз когда-нибудь на такую прогулку, только забери из того времени, когда мы уже знали друг друга.

— Ты, правда, этого хочешь?

— Если честно: и боязно, и любопытно и еще что-то. Самое удивительное, что никто не поверит!

— И мне тоже. Я с удовольствием прокачу тебя по нынешним ухабам.

Лена взяла Кошкина за руку, и у него перехватило дыхание. Тихая грусть до немоты наполнила сердце. Ни в прошлом, ни в будущем счастливому Кошкину не было места. Время любви нигде себя не обозначало.

— Здесь становится душно, мне пора, — Лена чуть сжала его руку, и Кошкин окончательно поплыл.

Пришлось собираться с силами, чтобы не броситься сейчас к первому попавшемуся такси, увлекая ее за собой.

— Возьми коробку, держи ее в руках, все-таки подарок.

— Мне придется там объяснять, откуда у меня такая роскошь.

— Придумаешь, что-нибудь. Скажешь, получила по переписке от друга из Франции, убежденного коммуниста или социал-демократа. Ну ладно. Все. Действительно, пора. — Кошкин достал из кармана пульт и направил невидимое поле на Елену.

Голубые за соседним столиком даже не заметили, как в воздухе растворилась красивая девушка с коробкой духов в руках. Да это и не удивительно, зачем им красивые девушки. Конкуренция.

Кошкин заказал официантке бутылку коньяка. Та с подозрением глянула на опустевшее кресло напротив, но ничего не сказала. Зато сказал Сергей Павлович, обращаясь к вселенской пустоте:

— Духовное обновление русской интеллигенции в девяносто пяти случаях из ста начинается с обычной попойки, мотивируемой сакральными движениями самой загадочной в мире души.

— Сам-то понял, че сказал? — буркнула себе под нос официантка.

* * *

После совместного турне по Европе Рузский и Варламова по-тихому расписались, без церемоний, застолий, фуршетов и подарков от богатых друзей Рузского. Причем на таком варианте сошлись оба. Бракосочетание отметили ужином втроем, на котором сын Лены Виталий Сергеевич узнал, что будет продолжать свое образование вдали от нищающей Родины и богатеющей матери. Виталий воспринял второй брак Елены Андреевны и свой отъезд спокойно, но испросил разрешения посоветоваться с отцом. Сергей Павлович забугорное обучение сына благословил, но велел помнить, что нормальные русские, а не Рузские, Родину на бизнес не меняют. Банально. Совково. Виталий, разумеется, отчиму суть разговора с отцом не передал. Отца он уважал, сочувствовал ему, но знал, что за мозги сентиментального инженера Кошкина Пентагон ежемесячно готов был выкладывать сумму, которая превосходит годовой оборот компании Рузского. Последний, кстати, в этот же вечер подарил молодой жене новый супермаркет. Втроем они поехали осматривать блистающую неонами стеклянную громадину, и, увидев его название, Елена Андреевна не удержалась: впервые при сыне поцеловала Владимира Юрьевича с такой силой, что потом трудно было понять, кто из них произвел на другого большее впечатление.

В лице Елены Андреевны Рузский обрел не только обаятельную жену, но и серьезного партнера, которая заставила уважать себя всех друзей и врагов нового мужа. И жизнь пошла по маслу. Хотя по маслу ходить опасно, можно поскользнуться. Поэтому в субботу, когда Лена во второй раз сослалась на головную боль, Владимир Юрьевич не поверил, но, продолжая играть заботливого мужа, принес ей таблетки и стакан с водой, сел рядом на диван, чтобы параллельно уставиться в телевизор.

Елена Андреевна уловила подозрительную фальшь в стакане с водой и в предупредительном молчании Владимира Юрьевича, и вынуждена была заговорить.

— Что-то не то, Володя, — нужно было как-то начать.

— Я готов превратить любые помехи в твоей жизни в пепел и развеять их над Антарктидой! Непременно над Антарктидой! Чтоб из огня да в полымя, — и нежно погладил ее по голове, ожидая дальнейших объяснений.

— Этот пепел не развеять. Это воспоминания.

— Неужели призрак Сергея Павловича? — и чуть было не спросил о посещениях конструктором “Вараламовского”. Уж тут бы Елена Андреевна за соглядатаев оторвалась по полной программе.

— Да нет, точнее, не совсем он. Это воспоминания, которых раньше не было.

— Не понимаю. Вспомнила что-то новое?

— У-ку... — покачала отрицательно головой. — Вспомнила того, чего точно раньше со мной не было, а теперь, получается, было...

— Лен, ты меня пугаешь, может, это результат перегрузки. Я постоянно тебе напоминаю, что женщина не должна столько и в таком ритме работать.

— Я работаю с удовольствием. Так и думала, что ты начнешь связывать это с психическим здоровьем. Нет, здесь все нормально. Я скажу тебе, что я предполагаю, но пообещай мне, что ты не будешь предпринимать каких-либо мер, пока я сама не попрошу тебя об этом.

— Обещаю, — твердо, с холодной сталью в голосе пообещал Рузский.

— Думаю, что Сергей действительно изобрел-таки машину времени. Помнишь, я тебе рассказывала о его безумном увлечении?

— Помню, но разве можно относиться к этому серьезно? Это даже больше, чем фантастика, это бред!

— Да, за двадцать пять лет до полета Гагарина примерно то же самое говорили Циолковскому.

— Ну, уж тот однозначно был глухим шизофреником.

— Ни глухота, ни шизофрения не мешали ему быть гением технического предвидения, причем настолько точным, что он назначил срок полета в космос — двадцать пять лет.

— И?

— Сергей приходил ко мне в офис...

Слава Богу, сама сказала!

— Приходил, чтобы сообщить: машина времени готова и даже прошла первые испытания.

— А ты тут при чем?

— Он полагает, что с помощью этого прибора сможет вернуть меня.

— Что?! — брови Рузского обрели изгиб татарской сабли, а потом устремились друг к другу.

— Успокойся и помни о своем обещании. Должен же рядом со мной быть хоть один трезвомыслящий и уравновешенный мужчина.

Владимиру Юрьевичу последняя фраза очень понравилась, но виду он не подал.

— Похоже, — продолжила Лена, — он встретился со мной в прошлом. Тогда, когда мы с ним еще не были знакомы... Представляешь, я пару дней назад могла встретиться сама с собой в юности!

— Бред. Не может быть.

— Видимо, все-таки может.

— Черт! Такие эксперименты, даже если они возможны, должны проводиться с высочайшего разрешения. Его за это можно привлечь к суду и раскрутить по полной программе!

— Володя, ты забываешь, что это не кинувший тебя партнер, а неизлечимый романтик, тем более мой бывший муж, отец моего сына. Позволь, я попробую разобраться с этим сама. Никаких новых чувств у меня к нему не возникло. Только жалости стало больше.

— Ты правда считаешь, он мог изобрести эту штуку?

— Да. Он гений, нравится это нам или нет. Между прочим, это он вместе с Марченко развил идею кассетных боеголовок, делающих стратегические ракеты неуязвимыми для ПВО противника. Он же придумал начинку ракет с нехарактерными траекториями.

— Что, и такие есть?

— Скоро будут взяты на вооружение.

Рузский присвистнул. Грустного инженера-конструктора следовало уважать, даже если он сам не уважал себя.

— Конечно, это не только его идея, там труд целого бюро, нескольких лабораторий, мозговой штурм... Но семьдесят процентов — это они со стариком Марченко.

— Лена, можно я тебя поцелую? — вдруг попросил Рузский, словно ему захотелось проверить, значит ли что-нибудь он сам рядом с таким гигантом технической мысли.

— Нужно, — ответила Лена, и голова ее оказалась на его коленях. Полные темно-красные губы позвали.

Владимир Юрьевич оттаял, но задним умом занес в бортовой поминальник: к Лене приставить дополнительную охрану, инженера тоже начать пасти, а на машину времени обязательно следует посмотреть.

* * *

Низкая, глухая облачность. Поэтому темнота. Как тут не вспомнить о приборе ночного видения? Без кошачьего или свиного глаза здесь делать нечего. Дорохов тенью в ночи крался вдоль дороги. В коленях гулял предательский мандраж, отчего он боялся ступить как-нибудь не так, и в результате получалось еще хуже: то ветка под ногой хрустнет, то задетый кустарник “загуляет”... “Слон, слон, слон! Старый слон!”, — мысленно ругал себя Дорохов и замирал, прижимая вспотевшую ладонь к камуфляжу, перехватив СКС в другую руку. А ведь совсем недавно сам учил молодых ходить бесшумно. Еще издевался: заставлял надевать противогазы и “змеиться” по густым кустарникам, каменистым склонам. А в противогазах они действительно были похожи на молодых неуклюжих слонов с широко открытыми от испуга глазами.

А теперь сам каждый пятый шаг делал неправильно. Нет, для любой теории нужна постоянная практика. Хоть бы Бог включил настольную лампу, а то никакой тебе луны! Спит и укрылся мягкой нестиранной периной серых облаков. Ничего, утром пополощет...

Рука уже не находила нужной сухости на одежде. Бесмысленно было тереть ее хоть об штанины, хоть об куртку. Вспотел насквозь. Забытое волнение распирало организм, по каплям сочилось через поры, липкой солью разъедало глаза. Надо же так постареть!

Где-то в поселке заблажили собаки. С подвывом, словно увидели мертвых хозяев. Дорохов не испугался, наоборот — успокоился. В некоторых домах тускло мерцал, качался, играл с тенями огонь то ли керосинок, то ли свечей. В других увереннее лимонились небольшие лампы, хозяева ушлые: купили, выменяли или украли у военных аккумуляторы. Бензоагрегаты нигде не урчали, в том числе и там, где сейчас спал тревожным сном батальон Дорохова, и откуда двигалась группа Китаева. Их еще не было слышно.

До расчетной точки оставалось метров триста и полчаса времени. Майор заставил себя дышать глубоко, но очень медленно. В воздухе пахло войной и почему-то сыром. Твердым и долго сохраняющимся.

Дорохов шагнул, и в настоящий миг ему показалось, нет, даже откуда-то из глубины снов вспомнилось: он уже делал этот шаг. Было уже все это, было. И липкая эта тьма, и запах войны, и твердого кавказского сыра. И выстрел хрустнувшей под ногой ветки, от которого порхнуло испуганной птицей из грудной клетке сердце, вырвалось и остановилось. Говорила бабушка: ночью в лес — только бес!

* * *

Алейхан лежал с закрытыми глазами. Слушать было важнее, чем напрягать глаза в такой темноте. Покружив вокруг дома, где беззаботно играли в нарды бойцы Бекхана, он все же предпочел более надежное место. Густой кустарник на другой стороне дороги. Подаренную братом СВД он нежно прижал к груди. За год он выучился стрелять на дальние расстояния не только

с оптическим прицелом, но мог попасть навскидку в подброшенную консервную банку, выстрелить на взмах крыльев и убить птицу. А уж убивать русских офицеров — это вообще не составляло труда. Алейхана поощряли: за большие звезды двести долларов, за маленькие — сто. И не надо платить никаким хохлам или высокомерным прибалтийским красавицам, которые перепутали биатлон с джихадом. Куда этим самовлюбленным, хладнокровным цивилизованным девицам до тихой и грациозной, как лань, Айзы! Ох, Айза! Когда Алейхан станет богатым героем, они уедут с Айзой... Вот только куда? Здесь война, похоже, не кончится. Никогда.

Звезды спрятались за облаками, как и Айза прячет глаза, когда Алейхан приходит в дом Дамана. Почему Даман не воюет? Он же не очень старый? Иногда Алейхану кажется, что седой Даман с кривой ухмылкой слушает его рассказы о ночных засадах, горных переходах, о плачущих в плену федералах... Да под густой бородой этого не заметно. Только в глазах появляется холодный блеск. Говорят, что в сундуке у Дамана есть золотая звезда Героя Советского Союза, но теперь он ее не цепляет на грудь. А еще говорят, что эту звезду Даман получил в Афганистане. Ну и что! Великий Джохар тоже бомбил Афганистан. Но своей мученической смертью он искупил эту вину перед Аллахом. Вот и Даман стесняется своей награды... Но не воюет. И не держит в своем доме оружия. Все-таки странный отец у Айзы.

Алейхан слушал ночь, и ему казалось, что эта ночь наступила уже в сотый, в тысячный раз. Тысяча и одна ночь. Снилось она ему или вынырнула откуда-то из далекого детства? Ощущение повторяемости было настолько навязчивым, что вызывало мистический страх. От него хотелось вернуться в дом, поохотаться над трусливыми, забывшимися в углу гурами с ефрейторскими лычками на плечах. Свинопасы из хоззвода. Грязные животные, которые пасут грязных животных...

Немного отпустило. Недалеко забрехали собаки, следовало бросить туда гранату, чтоб не мешали слушать. Днем надо уговорить Бекхана — перерезать всех собак, не только двуногих. Не надо нам друзей человека, мы волки. Эта мысль очень понравилась Алейхану и чуть не помешала ему услышать шаги. Шли по дороге... Несколько человек. Легкое бряцанье обмундирования выдавало военных. Куда это федералов ночью понесло?

Инстинкт охотника подавил запрет Бекхана на свободный поиск. Угрозы группе никакой не будет, Алейхан сделает два-три правильных выстрела и уйдет в ночь. Федералы будут утром чесать зеленку, поселок они прочесали сегодня. Но Алейхан за ночь обойдет его с другой стороны и похвастается Бекхану новой победой. Старший брат простит и похвалит. Главное — высмотреть в этой тьме офицера. Просил же специальный прицел! Обещали привезти из Турции. Обещанного, что у русских, что у горцев три года ждут. Особенно на войне. Хорошее оружие — как награду.

Алейхан аккуратно перевернулся на живот, теперь нужно было не слушать, а смотреть. Но именно в это мгновение рядом сухо переломилась под чьей-то ногой ветка. Вот это точно уже когда-то было! Он резко крутнулся обратно на спину и выстрелил в нависшую над ним тень. Но выстрел Алейхана до доли секунды совпал с выстрелом того, кто так долго шел за ним в эту ночь. Глупая, невозможная в этом времени и в этом пространстве пуля пробила сердце снайпера навзлет. Вместе со смертной темнотой на него упало тело убитого им майора в отставке. Последнее, что с тающим удивлением увидел Алейхан, это ярко-белые и совершенно неуместные кроссовки на ногах своего врага. А еще Алейхану показалось, что из темной пелены небес выглянуло лицо убитого им когда-то русского инженера. Он подстрелил его у вышки ЛЭП, которую они только что подняли, и, получив пулю в сердце, этот инженер еще долго стоял на ногах и совершенно беззлобно, немного удивленно смотрел в ту сторону, откуда она прилетела. Алейхан внимательно разглядел в оптику засаленный воротничок его рубашки, нелепый клетчатый галстук под фирменной зеленой курткой, которая, по всей видимости, заменяла несуществующий пиджак, и серые, в кровавых прожилках, усталые глаза. И сейчас они смотрели на Алейхана также беззлобно, с некоторой долей удивления. С какого света они смотрели?

Ночь, как собака, залаяла автоматными очередями, желтыми мечами проткнули ее прожектора БТРов, из дома, где только что играли в нарды, неосторожно выскочил на улицу Рагиб, чтобы наткнуться на гроздь пуль старшего лейтенанта Китаева. Два солдата из хоззвода в эту ночь поверили в чудеса.

* * *

Кошкин бессмысленно смотрел в одну точку. Этой точкой была вмятина на боевой фляжке Дорохова. Будто гипнотизировал ее. Смотрел-смотрел, и она вдруг исчезла, но не вмятина, а вся фляжка.

Почувствовав неладное, Кошкин стремглав бросился на пост охранника. Он вдруг без всяких приборов увидел и понял происходящее. Хотелось крикнуть сквозь бетонные стены, сквозь грустные, бесконечные российские просторы, сквозь низкую облачность над седым Кавказом, сквозь неисчислимые пустующие парсеки вселенной, но не получалось крикнуть даже сквозь собственное горло. Да ведь это уже было с ним! Это уже было с Кошкиным! Он потерял лучшего друга! Он также явно помнил это ниоткуда, как помнил свои сны про Александра Невского из пионерского детства.

За столом Дорохова (еще стул не успел остыть!) сидел молодой парень под два метра ростом. Светло-русые, чуть выющиеся волосы, темно-синие глаза под добродушным изломом бровей, прямой нос, и, как полагается природному русаку — широкие татарские скулы. Парень, увидев взволнованного Кошкина, привстал.

— Что-то случилось, Сергей Павлович?

Кошкин замер на последнем пролете лестницы и бессильно опустил на ступеньки. Сдавил виски ладонями.

— Китаев? Анатолий Китаев? — уже знал Кошкин.

— Да... вы же меня не первый год знаете, Сергей Павлович.

— А сына ты, конечно, Васей назвал?

— Ну я же вам рассказывал, в честь командира.

— Василия Даниловича Дорохова...

— Так точно... Но я ж вам рассказывал.

— Конечно... конечно...

— Что случилось-то, Сергей Павлович, помощь нужна?

— Нет, спасибо... А как погиб твой командир?

— Не помните? Странно, это же удивительный случай, я думал — вам интересно.

— Толик, мне это и тогда было интересно, а сейчас особенно, считай что меня током ударило, и я свою память проверяю...

— Током? Крепко, получается.

— Крепче не бывает, извини... Ну так как же про командира?

— Сейчас, — Китаев полез в сейф за спиной и достал оттуда фляжку, ту самую.

— Его фляжка...

— Точно, его. Давайте по маленькой, Сергей Павлович, а то вид у вас, как будто над головой восьмидесятимиллиметровая гаубица долбанула.

Тут же нашелся и стакан. Выпили, отдышались.

— В ту ночь...

— Полковник Старцев ни с того ни с сего потребовал отделение лучших разведчиков, — продолжил Кошкин.

— Ну вот, а говорите — память отшибло. — Комбат еще недоумевал, что за срочность, не поддержку же просил.

— А дальше. Начинать с того момента, как в зеленке вы услышали выстрелы.

— Один выстрел. Это потом мы узнали, что он двойной. СКС и СВД слились буквально. Унисон — в музыке так говорят. Потом чехи из дома напротив повалили. Я первого на крыльце по полной программе нафаршировал.

Но остальные умнее, из дома стали отстреливаться. Там уж наши подтянулись. А чехи из дома орут, чтоб мы не стреляли, а то своих подстрелим или они им головы отрежут. Слышим голоса: сержант такой-то, ефрейтор такой-то, часть называют. Проверять? Не верим, отвечаем. А чехи: сейчас мы их на крыльцо выведем, но если кто из вас дернется — смерть вашим солдатам. Вывели. Точно, стоят наши чайники, и еще улыбаются от счастья. Думали, это мы их вызволять пришли. Чайники-то чайники, а все равно наши, жалко. Командир торговаться начал, а я, между тем, уже в огороде позицию занял. С фланга заполз. Того, что за спиной у пленных, на мушку взял. Все бы ничего, но тут еще дождь моросить начал. Противный такой, мелкий вроде, а мокро сразу все стало, как от проливного. Этакая взвесь в воздухе. И появилось вдруг у меня жуткое ощущение...

— Будто это все уже с тобой когда-то было...

— Я вам рассказывал. Жуткое такое ощущение. Как будто такой поворот у жизни сейчас, что либо в кювет, либо... Не знаю. Бывало и раньше такое, но не с такой яркостью. Если б в этот момент летела мимо пуля, я бы ее увидел. Это точно. Время точно замедлилось, размазанное какое-то стало. А тут еще земля слизкая под пузом. И дернул меня черт, показало мне, что хорошая у меня позиция, нажал я на курок и снял чеха. Солдатики не дураки, сразу с крыльца бухнулись и покатились. Наши с гранатомета в окно засадили, а дальше уже тишина. Думаю, кончилось. Поднялся я, уже печалиться начал, как сейчас пред светлые очи Старцева покажусь — весь грязный. Данилыч к пацанам подошел, опрашивает, где и как их чехи взяли. И тут чех мой, что на крыльце до этого мертвым лежал, зашевелился, достал из-за пазухи легендарный ТТ и решил меня отблагодарить. Но Данилыч его опередил, на долю секунды... В прыжке. Чеха добил, но мою пулю на себя взял. На моих руках умер... Я, говорит, знал, Толик, что так будет, а тебе еще сына растить. Сказал и умер... — Китаев беззвучно плакал. Твердости в его голосе не убавилось, но из глаз текли крупные слезы.

Кошкин плакать не мог, потому что ему было намного хуже, чем мужчине, который может себе позволить слезы.

— Он действительно знал, — сказал Сергей Павлович. — Он сознательно на это шел. Всю жизнь...

Китаев вытер слезы и с некоторой настороженностью посмотрел на Кошкина.

— Да не думай ты ничего, не сошел я с ума, запри дверь, пойдем ко мне в лабораторию, кое-что покажу.

— Но я еще не все рассказал?

— О том, что в зеленке вы нашли человека, как две капли воды похожего на вашего командира, в белых кроссовках и камуфляже? Я помню... Догадываюсь...

— Он точно очень похож, только седой весь.

— Пойдем в лабораторию.

В лаборатории Сергей Павлович протянул Анатолию Китаеву служебное удостоверение Дорохова, по привычке оставленное им перед выполнением боевого задания. Раскрыв его, Китаев изменился в лице.

— Толик, я чуть позже тебе все объясню. Мне самому еще многое понять надо. Скажу одно — твой командир спасал тебя последние пять лет. Просто всему есть своя цена.

— Я на такую цену не согласен, — глухим голосом сказал Китаев, глядя на служебную фотографию.

— Приказы не обсуждают, старший лейтенант Китаев.

— Я майором демобилизовался. После ранения.

— Неважно. Командир приказал тебе жить. Долго жить.

— Это как-то связано с вашей лабораторией?

— М-да... — кивнул Кошкин, — еще два часа назад... Нет, пока я не готов что-либо говорить. Мне нельзя сейчас пороть горячку, достаточно ее уже было. Я могу рассчитывать на твою помощь, Анатолий?

— Всегда.

— Тогда дай мне день или два, чтобы я, подобно твоему командиру, продумал план операции. Детально.

— Этот чертеж... Это же не ваши прибабасы ракетные... — Китаев рассматривал прикрепленные на кульмане листы Дорохова. — Вот снайперская точка. Кто это рисовал? Местность...

— Та самая, — кивнул Сергей Павлович, — но дай мне немного времени. Если у смерти могут выигрывать врачи, могут приказывать ей святые, может, и старый советский инженер на что-нибудь сгодится.

— У меня, честно говоря, башка раскалывается. Я как будто за пару минут целую жизнь прожил. Пока рассказывал, все явственно так вспомнил. — Китаев вопросительно посмотрел на Сергея Павловича.

— Так оно и есть.

* * *

“Эх, сколько вас, майоров неприкаянных, по земле русской бродит, — думал про Китаева и Дорохова Кошкин, неровно вышагивая по ночной улице (нужно было поймать такси, а он просто шел на автопилоте в сторону своего дома), — и здоровые сорокалетние мужики, сломанные уже, и этой своей надломленностью, наоборот, сильные. Сильнее, во всяком случае, слюнявых интеллигентиков, сильнее голубоватых журналист и синеватых министров, сильнее инфантильных европейцев и не в меру жизнерадостных американцев, кровожадных азиатов и щедушных монголоидов, но слабее самих себя... Слабее вездесущей водки и хандры. Неизжитое веками мессианство не дает им покоя, а заряд пассионарности иссяк, Евразия тлеет, и на просторах ее десятки раз обманутый народ”.

На входе во двор его окликнули:

— Сергей Павлович, одну минуту, можно вас...

Автопилот завис. Кошкин посмотрел в сторону черной лаковой иномарки, сиявшей отмытостью и чужеродными раскосыми фарами. От нее браво двинулся к нему молодой человек со страниц какого-нибудь престижного журнала. Черный стильный костюм отливал лаком даже ночью.

— Сергей Павлович, извините, я к вам по поручению Владимира Юрьевича, думал, не дождусь уже, он очень просил вас встретиться с ним в клубе “Эльдорадо”, будет ждать вас там вплоть до двух часов ночи... — и замер, настороженно выжидая.

— Что-то случилось? Может, с Виталием?

— Ничего такого мне не сообщали, только просили о встрече.

Кошкин посмотрел на часы: до двух оставалось тридцать пять минут.

— Я потом привезу вас домой, — прочитал его мысли курьер. — Меня зовут Андрей. Я водитель Владимира Юрьевича.

— А я думал — телохранитель, — высказал свои обоснованные соображения Сергей Павлович.

— Это уже по совместительству. Там без меня хватает, — и предупредительно открыл перед Кошкиным дверцу “лексуса”. Последнему же пришлось сделать вид, что это для него обычная процедура.

Клуб “Эльдорадо”, где обычно тусовались известные бандиты и бизнесмены, находился на другом конце города, но Андрей превратил машину в пулю, которая пронеслась по ночным улицам, презирая светофоры и знаки, встречных и поперечных, и через пять с лишним минут доставила Сергея Павловича к сияющему неонами крыльцу престижного клуба. Мордовороты на входе молча кивнули Андрею и пропустили Кошкина внутрь, где у него мгновенно закружилась голова. Играла музыка, похожая на однообразный электронный чес, этакая смесь морзянки и тамтамов. Длинноногие девушки в трусиках танго (и только в них) плавали по залу с разносами, одаривая посетителей напитками и угодливыми улыбками, некоторые из них сидели на коленях у крутолобых лысеющих русских джентльменов, промышляя руками у них под рубашкой, а то и в штанах, на что те старательно не обращали внимания. Над всем этим плыло дымчатое марево различных видов табака, запаха яств,

пота, дезодорантов и дорогого парфюма, отчего могло показаться, что здесь вовсю идет процесс фумигации. Одна из алкогольных наяд одарила Кошкина огромным бокалом с каким-то коктейлем и взяла под локоток:

— Вас ждут, я провожу.

Водитель Андрей исчез, и Сергею Павловичу ничего не оставалось, как последовать за юной официанткой, чуть покусывая свою губу от желания внимательно изучить ее весьма недурственную грудь, которая благодаря ее десятисантиметровым каблукам и метровым ножкам маячила перед его глазами, когда она шептала ему какие-то правила заведения. Она проводила его до отдельного кабинета, у дверей которого многообещающе чмокнула конструктора в щечку. И Кошкин с бокалом оказался на пороге небольшой комнаты, обитой темнозеленой тканью. Он увидел Рузского, сидящего за стеклянным (почти журнальным) столиком в обществе чашки кофе, сигарет, бутылки “Арарата”, нескольких газет и блокнота с ручкой. Интимная обстановка была подкреплена, кроме описанного, двумя огромными кожаными креслами, в одном из которых “утонул” Рузский.

Сергей Павлович был явно удивлен.

— Рассчитывали увидеть здесь полный бардак? — догадался Рузский. — Напрасно. Я брезгливый, чистоплотный и очень люблю... — Он немного подумал, но все-таки сказал, — нашу жену. Именно поэтому я имел наглость пригласить вас для разговора. Вас это, конечно, не радует.

— Меня радует, что ничего не случилось.

— Присаживайтесь, — Владимир Юрьевич не сдержал улыбку: Кошкин с бокалом в руке, сбившемся набок галстуке и ярким отпечатком губ наяды на щеке выглядел весьма комично.

Кошкин это понял и, прежде чем сесть, осмотрел себя с ног до груди, поправил галстук, Рузский протянул ему салфетку.

— Помада... Ох уж эти нимфетки. Полагаю, она рассчитывает срубить с вас сотню-другую долларов этой ночью, видимо, почувствовала какой-то интерес, от вас исходящий.

— Наверное, — не стал кривить душой Кошкин, — грудь у нее великолепная, куда ж деваться, если тебе такое под нос суют.

— Никаких проблем, ваше малейшее желание будет удовлетворено и оплачено.

— Спасибо, конечно, но позвали вы меня явно не для того, чтобы удовлетворять и оплачивать мои желания.

— Разумеется, хотя основная часть разговора не отменяет развлекательную. Коньяк?

— Давайте уж. Я коктейли не пью. И, честно говоря, вообще пить не хотел, но последнее время в меня просто вливают, как в бочку, а я не имею сил и желания сопротивляться.

— Обмываете гениальное изобретение? — перешел сразу к делу Владимир Юрьевич, разливая коньяк. — Кофе, бутерброды, салат, горячее?

— Всего понемногу, — согласился Сергей Павлович, который только сейчас вспомнил, что не обедал и не ужинал.

Рузский нажал кнопку на подлокотнике кресла.

— Сейчас принесут. Не возражаете против банального “столичного”, свинины, запеченной с сыром и большой кружки “мокко”, я уж на свой вкус заранее заказал, так бы ждать пришлось?..

— Не возражаю. Значит, Лена вам уже рассказала...

— О машине времени?

— Не нравится мне это название, но пусть будет так, лучше я пока не придумал. Вторично получается.

— Где уж там вторично! Кому это еще удалось? Если все это правда, то это самое яркое изобретение со времен атомной бомбы или лазера.

— Да бросьте вы, тут людей клонируют, как штамповки, а я всего-навсего сделал маломощный опытный образец.

— Но, позвольте, от опытного образца при достойном финансировании один шаг до полноценного агрегата!

— Агрегат... Ваш-то какой в этом интерес?

— Ну, знаете, я мог бы начать наш разговор с претензий по поводу того, что вы пытаетесь отбить у меня законную жену, или, считаете, не имею морального права?

— Имеете... Честно говоря, я уже сожалею о своем безумном поступке. Не надо было ее тревожить. Тем более, что она полностью погружена в свою новую жизнь, и, как я понял, любит вас.

— Мне приятно это слышать, Сергей Павлович, хотя, думаю, вам нелегко откровенничать на эту тему, но позволю себе заметить: я не отбивал ее у вас, она была свободна.

— Я помню...

Кошкин не договорил, в комнату, как кошки, вошли сразу две наяды с разносами. Помимо перечисленных Рузским яств на столе появились фрукты, сок и маринованные вешенки, которые Владимир Юрьевич сразу подвинул на свою сторону. Видимо, был любителем грибов. Девушки справились, не желают ли господу еще чего-нибудь, на что Рузский слегка раздраженно отмахнулся, и они также быстро исчезли.

— Над чем вы сейчас работаете? — продолжил разговор Владимир Юрьевич, когда они вышли и наполовину опустошили салатницы.

— Военная тайна, — без иронии ответил Кошкин.

— Совсем?

— Дорабатываем ракету с изменяемой траекторией полета.

— Что, уже и такие есть?

— Были бы еще раньше, если б последние десять лет было упомянутое вами достойное финансирование.

— И я об этом, — понимающе улыбнулся Рузский, наливая по второй, — я хочу сделать вам деловое предложение.

— Я смотрел как-то фильм, хотя у меня нет времени дружить с телевизором, но этот фильм посмотрел от начала до конца. Наш, российский. Сюжет таков: девяностые годы, жалкому эмигранту-пьянице достается в наследство чемодан с советскими рублями и машина времени от гениальной бабушки. Бывшая женушка сдает его с потрохами мужу-бандиту-коммерсанту.

— Прямо-таки знак равенства... коммерсант — бандит.

— Ну, сами знаете, в восьмидесяти процентах из ста. Так вот, алкоголь этот таскает из советских времен золото и продает. Там на него охотится КГБ, здесь — бандиты, там еще, к тому же, у него любовь... В результате его и девушку обложили со всех сторон. Так что, Владимир Юрьевич, вы предлагаете мне банальный сценарий.

— Да мне не надо золота! — нарочито отмахнулся Рузский. — Это уже пройденный этап. Нельзя бесконечно богатеть, можно лопнуть. Да и не дадут выпрыгнуть выше отведенной ниши. Это я вам честно и без обиняков докладываю. Не-да-дут! И хорошо если только без штанов останешься, а не под мраморной плитой. Все уже поделено и распределено. Войны за передел порицаются, а агрессоры наталкиваются на мощную систему коллективной безопасности.

— Тогда в чем ваш интерес?

— Допустим, хочу быть сопричастным гениальному проекту. Только не ищите за моей спиной тень Герострата. Ничего подобного. Но, разумеется, как всякий прагматичный человек, я рассчитывал бы как на моральные, так и на некоторые материальные дивиденды. Тем более, что мало кому из коммерсантов средней руки удается завязаться с оборонкой. А это в наше условно стабильное время всегда верный кусок хлеба. Позволю себе напомнить вам, что значительная часть этого ломтя достанется в обязательном порядке Виталию.

Кошкин замер с вилкой у рта. Напоминание о сыне болезненно его укололо.

— О! О! О! Только не примите за упрек или форму шантажа! — натурально испугался Рузский, поняв, что ляпнул не то.

— Не приму, — задумчиво согласился Кошкин.

— Вы же понимаете, Бог каждому из нас дал свое. Вы родились, чтобы держать в руках карандаш и паяльник, а я — калькулятор, счета-фактуры и накладные...

— И пистолет, — добавил Сергей Павлович.

— Не скрою, приходилось, — невозмутимо продолжил Рузский, — в средние века все бегали с мечами и кинжалами, перераспределяя собственность, и никого это не смущало.

— Да, похоже, мы вернулись в пещерные времена, как будто сработала огромная машина времени...

— Ну, если так, то точнее будет сказать, что качнулся маятник истории, причем качнулся он еще в начале двадцатого века. И качнулся так, что снес по пути десятки миллионов человек.

— Чего же вы хотите от прошлого?

— Упаси Бог! От прошлого не хочу. С прошлым все ясно. Пусть туда смотрят историки. Меня, Сергей Павлович, больше интересует будущее. Прогнозы, новые технологии, расстановка политических сил. При этом меня интересует обозримое будущее. Я так понимаю, перемещаться туда вы еще не пробовали?

— Не пробовал.

Бутылка коньяка кончилась как-то быстро, но, видимо, это был настоящий коньяк, от которого внутри разливается приятное тепло, а голова не становится похожей на мешок с цементом, который вот-вот превратится в коллоидный раствор. Кошкину, не взирая на легкую неприязнь к собеседнику, было хорошо и уютно. И он позволил себе высказать некоторые соображения по поводу путешествий в будущее.

— Знаете, Владимир Юрьевич, я не признаю эйнштейновских предположений по поводу парадоксов времени, но, полагаю, заглядывать в будущее намного опаснее, чем лезть в прошлое. Как человек верующий, я считаю, Бог дает дар провидения только своим величайшим святым. А мы хотим, походя, посмотреть в замочную скважину. Как бы глаз в таком деле не потреть.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского... Кстати, как насчет продолжения банкета? Коньяк, или сменим тему?

— Лучше тот же коньяк, — согласился Кошкин. — И пусть еще лимончик порежут.

Тут же появились наяды, приняли заказ, а через пару минут его выполнили. Рузский засунул обеим за лялочки трусиков зеленые купюры, отчего наяды коньячной реки мяукнули, как кошки, обласканные добрым хозяином.

— Я, Сергей Павлович, предлагаю вам полноценное сотрудничество. Если нужно, готов предоставить площади, построить научный центр, обеспечить всем необходимым. Но, разумеется, в обмен я попрошу, чтобы над всем делом сиял знак моего холдинга, а также пожелаю выполнения некоторых личных заданий в этом самом обозримом будущем. Смею предположить, что государственное финансирование будет не таким обильным и, главное, не таким быстрым. Более того, вас, скорее всего, засекретят настолько, что вы забудете собственное имя и домашний адрес. Помимо прочего, я гарантирую вам максимальную защиту, вас будут охранять не хуже, чем меня. Подумайте, я не рассчитываю на быстрое согласие. Тем более что у вас есть все основания меня если уж не ненавидеть, то хотя бы недолюбливать. Подумайте...

— Подумаю... Во всяком случае, обещание меня ни к чему не обязывает, а последние годы научили, что отказываться от помощи неразумно и непрактично.

— Можно считать это предварительным согласованием? — лучезарно улыбнулся Владимир Юрьевич, щедро наливая из второй бутылки.

Изобретатель печально вздохнул, наблюдая за этим процессом. Шел третий час ночи.

* * *

В это время Владимир Юрьевич Рузский сидел в своем кабинете и безрезультатно гипнотизировал монитор компьютера. На экран были выведены две цифровые фотографии пульта дистанционного управления от телевизора

“Toshiba”. Снимки сделали в номере клуба “Эльдорадо”, когда Кошкин “поплыл” с наядами в райские кущи. Больше всего приковывало взгляд предпринимателя изображение вскрытого блока, глядя на который специалисты, собранные Рузским из всех возможных институтов и даже привезенные из Москвы, разводили плечами: это может быть что угодно. Но это не банальный пульт дистанционного управления. И только один из них сделал предположение, что пульт, возможно, связан с генератором, который управляет электромагнитными полями, а запускается вся эта система только после введения длинного цифрового кода. Именно это и предполагал Рузский. Никто из деятелей науки и техники не взялся за расшифровку прибора ни за какие деньги, после чего Владимир Юрьевич похвалил себя за осторожность и выдержку. Значит, Кошкин нужен как друг. Значит, Кошкина нужно купить, если не деньгами, то чем угодно.

В то, что машина времени существует и разработана провинциальным инженером, верилось с трудом. Зато состояние жены не только вызывало опасения, но и подсказывало, что Кошкин не блефует. Лена, что называется, ушла в себя. Стала вдруг перечитывать Бунина и Орлова. Нет, она не отстранялась, не избегала нежности, но что-то было не так. Куда-то схлынула ее предпринимательская энергия, она перестала интересоваться маркетингом, листать каталоги и толстые престижные журналы, рассчитывать прибыль от возможных проектов, не задерживалась на работе и не рвалась в командировки в Европу. На вопросы Рузского отвечала спокойно, но пресно: не переживай, все хорошо, нужно немножко сосредоточиться, каждому порой нужно медитировать.

И Рузскому очень захотелось добыть этот медитатор. При этом он сам еще не знал, что в большей мере является мотивацией его поведения: возможная прибыль, прикосновение к тайне или вероятность почитать на лаврах, отмахиваясь от навязчивого благодарного человечества. Все лестные предложения изобретателю были сделаны, но Кошкин мучил какие-то свои дела. Сегодня вдруг поехал на место банального убийства уборщицы из своего института, потом к одинокой женщине по фамилии Дорохова. Новая любовь? Вряд ли. Муж ее погиб на Кавказе, и до сих пор Кошкин ни разу с ней не встречался. Он был у нее всего пять минут. На свидание не похоже.

Больше всего настораживала Владимира Юрьевича встреча Кошкина с его начальником и покровителем Марченко. Если тот в курсе, то дело может стать делом государственной важности, и к нему уже ни на сивой кобыле, ни на “мерседесе” не подъедешь. Значит, следует торопиться. Давить на Кошкина было делом бесполезным. Такие самоотверженные патриоты — они, как генерал Карбышев, превратятся в глыбу льда, но на сделку с совестью не пойдут. Оставалось искать слабое место Сергея Павловича, но получалось, что, по большому счету их только два: жена Владимира Юрьевича, которую он очень любил, и сын Кошкина и Лены, которого очень любила Елена Андреевна. Рузский же не относился к категории людей, способных за деньги доставить вред или даже малейшие неприятности своим близким. Поэтому, перебрав в уме весь этот неутешительный расклад, ему оставалось только глубоко вздохнуть.

Выключив ноутбук, Рузский вызвал к себе начальника охраны Паткевича. Друг детства Вадик Паткевич остался единственным, на кого Владимир Юрьевич мог положиться, как на самого себя, и кому мог доверить самое сокровенное.

Грум (такое у него было погонялово, уменьшительное, но не ласкательное, от слова угрюмый) молча сел напротив и насунился. Это было обычным выражением его лица. Имидж помогал Груму наводить ужас на подчиненных, сохранять достоинство в любых ситуациях и молча трахать проституток, которые от такого вида боялись даже профессионально стонать. Стороннему наблюдателю могло показаться, что Грум лишен эмоций, как рыба го-лоса.

Внешность Вадима Паткевича, между тем, вовсе не была угрожающей, скорее всего, он напоминал чем-то роденовского “мыслителя”. Но вот тяжелый подбородок никогда кулаком не подпирал. Садистом и прирожденным

убийцей он тоже не был. Паткевичу было восемнадцать, когда он убил двух парней, которые напоили и изнасиловали его девушку Аню. Убил без лишних слов и рисовок. Каждому досталось по три ножевых ранения в сердце. Милиция вычислила Грума уже на следующее утро.

После этого его серые холодные глаза не выражали ни радости, ни добра, ни сострадания. Единственным человеком, который тогда не отвернулся от Вадима из комсомольских соображений, был Володя Рузский, и Грум запомнил это на всю жизнь. Пройдя через камеру смертников и психушку, Грум вышел на свободу, чтобы сесть по новой уже в соавторстве с Рузским, втянувшим его в аферы с кооперативами. Но из СИЗО снова перекочевал в психушку, потому что ни один следователь не мог поверить, что человек, абсолютной лишенный эмоций, страха и чувства боли, может быть нормальным. Медики эту версию, на счастье Грума, поддерживали. С того самого случая Грум, насколько помнил Рузский, улыбнулся только раз, когда Владимир Юрьевич подарил ему на день рождения машину его мечты: “ягуар” индивидуальной сборки.

— Вадик, я тут подобрался близко к новейшим технологиям. Таким, что относится пока еще к жанру фантастики. Сейчас у меня не должно быть срывов и слабых мест.

Обращение по имени означало, что задание носит интимный характер, а дивиденды рассчитаны только на двоих — Рузского и Паткевича.

Грум слегка кивнул.

— Да, и пошли кого-нибудь, пусть подстрахуют Виталика. Но так, чтоб и муха не... А инженера нашего береги. Нежно, Вадик. Потом я тебе все объясню.

— Не надо, Вова, у нас думаешь ты, делаю я, — напомнил Грум.

Они встали и обнялись. Какой-то леший вдруг дернул Рузского спросить:

— Вадя, а если бы у тебя была возможность все переиграть?

— Что? — не понял Паткевич.

— Ту ночь... Если б можно было в ту ночь Аню спасти. Ну, чтоб вообще ничего не было?

— Не понимаю тебя, Вова, куда ты клонишь?

— Да я тут думал, — спохватился Рузский, — если б вдруг всю жизнь переиграть было можно?

— Лирика, — бесцветным голосом сказал Грум, — говно. Меня моя жизнь устраивает. Не в бурю режемся. А этих двоих я бы все равно замочил.

— Ты прав, вздор все это!

Услышав любимое слово друга, Грум перестал смотреть на него выжидающе, но, уходя, намекнул:

— Ты, Вова, на ночь валерьянку иногда пей. Че тебе еще не хватает? При пацанах такого не ляпни...

— Угу, — согласился Рузский и расслабленно упал в любимое кресло.

После того как дверь за Грумом закрылась, он повертел в руках мобильник и набрал номер Кошкина. К телефону долго никто не подходил, но потом прозвучал сонный голос инженера:

— Я слушаю.

— Добрый вечер, Сергей Павлович, как самочувствие?

— Здравствуйте, Владимир Юрьевич, похвалиться нечем. Вам не терпится услышать от меня согласие на сотрудничество?

— Не буду кривить душой, но мне действительно этого хочется.

— Знали бы вы, уважаемый мой меценат, какую оперу заказать хотите. Нам только кажется, что мы пишем либретто. А оно написано ой-как давно. Полагаю, еще при большом взрыве.

— Каком взрыве? — не понял Рузский.

— Да это я так. Об акте творения всего из ничего.

— А-а, — выдохнул Владимир Юрьевич.

— Вы мне, убогому, скажите, что вы хотите заполучить с помощью прошлого или будущего? Какова ваша цель?

— Сергей Павлович, сейчас даже в космос за деньги летают! Что в этом плохого? Для начала просто покажите мне, как это действует.

— Выходит, Лену это не интересует.

— В последние дни у меня возникает такое чувство, что она куда-то улетела и не вернулась. Ее вообще ничего не интересует. Так что мою жену вы уже своим изобретением охмурили.

— И этого я не хотел... В том-то и дело, Владимир Юрьевич, что на сегодняшний день мне не удалось предсказать ни одного природного катаклизма, я не смог уберечь ни одного близкого мне человека от неверного шага, напротив, только усугубил и прошлое и будущее. А тут еще вы со своими амбициями.

— Я от вас не отстану, — как-то по-детски сказал Рузский.

— Хорошо, — сдался Кошкин, — я обещаю вам путешествие во времени, но только дайте мне пару дней, чтобы разобраться со своими неудачами.

— Надеюсь, ваше обещание — не пустые слова, — вернул себе сталь в голос Рузский и отключил телефон.

Рузскому было страшно. Страшно, что его кто-нибудь опередит. Состояние Владимира Юрьевича по своим психофизическим показателям напоминало стремление человека, идущего по немногочисленной улице и видящего в нескольких метрах перед собой солидную пачку денег. Этот человек огромным усилием воли подавляет в себе желание подбежать к легкой добыче, чтобы не привлечь внимание ротодействующих прохожих.

* * *

...Из всего мысленного сгустка и осадка от встречи с Кошкиным у Лены постепенно, по буквам, по слогам стало выстраиваться аксиомообразное утверждение: победителями сегодняшнего времени являются не такие, как она и Рузский, а такие, как Кошкин, потому что они не играют в догонялки за повседневными потребностями, не следуют моде, они вообще не действуют в рамках одного дня, они действуют в границах вечности, которая этих границ не имеет.

Кошкин так и не смог выбрать между семьей и военной техникой. Между детской мечтой о покорении времени и временем любви. А, может, он и не выбирал никогда, не стояло перед ним проблемы выбора, а просто плыл Сережа Кошкин из самого безоблачного детства по течению, принесло это течение Лену Варламову, поплыл рядом, стала она грести к берегу благополучия, а его понесло дальше?

Елена Андреевна взяла телефонную трубку. Услышав глухой голос Кошкина, спросила:

— Ты все-таки был там?

— Тебе Рузский рассказал?

— Нет, я что-то такое помню... Наслоение воспоминаний. Зачем ты делаешь это?

— Прости, это было ошибкой.

— Ошибкой? Ты во мне разочаровался?

— Да нет, не то... Это надо увидеть и почувствовать. Прости, но с той Леной вы совершенно разные люди. Как будто соединенные только внешними признаками, красотой, но уже разделенные возрастом, несколькими привычками, голосом, именем... Но в то же время очень разные. Получилось, что я причинил новую боль и себе и тебе. Действительно, нельзя войти в одну и ту же реку дважды.

— А ведь хорошее было время.

— Оно и сейчас не хуже. Не время меняется, меняемся мы. Мы бездумно растрчиваем данное нам от Бога наивно-почтительное восприятие мира, становимся прагматичными, растворяемся в быту, как в кислоте, и умираем еще до того, как наше тело прекратит свое физическое существование.

— Пытаешься философствовать?

— Отнюдь. Я очень устал, Лена. Я потерял друга, совершил массу глупостей, я очень много пью последнее время, я не вижу своего будущего и не

хочу его видеть. У меня его нет! Потому и машина времени мне сейчас нужна, как попу гармонь. Ничего мне не надо. Покоя хочется.

— Это ты сам для себя придумал. Ты опустил руки еще десять лет назад. Ты сдался обстоятельствам...

— Опять ты о своем. Проехали уже. Не надо, Лен. Я не пытался тебя перевоспитывать.

— Может быть, зря.

— Чего теперь говорить. Знаешь, за минуту до тебя мне звонил твой муж.

— Угрожал? — насторожилась Елена Андреевна.

— Нет, но очень хотел приобщиться к эксперименту.

— Из меркантильных интересов?

— Мне так не показалось.

Елена Андреевна облегченно вздохнула. Полминуты они молчали.

— Спасибо тебе, Сереж. За все. И за прошлое и за настоящее. За все.

Кошкин не видел, как по щеке Елены покатила слеза. В несколько каратов грусти. Эта слеза была признанием глубинной правоты Сергея, исходящей откуда-то из самых основ мироздания, правота, которую женщина может чувствовать, но с которой никогда не согласится. Корни ее переплетаются с корнями того самого древа познания, поливаемого слезами теряющего любовь человечества. Елена всхлинула, но Кошкин уже не слышал, потому что трубка в его руках запела отбой. Тем не менее, он еще сказал навстречу гудкам:

— Я больше не буду беспокоить наше прошлое, Лена. Может, только по-прощаюсь. Ты же разрешишь мне?..

* * *

“Сколько тысяч лет человечество учится любить, но совершенствуется в качестве и количестве убийства себе подобных?” — этот вопрос свербел в голове Кошкина по дороге на работу.

Проскочив мимо незнакомого охранника, Сергей Павлович вспомнил, что сегодня вечером должен был бы дежурить Дорохов. Значит, будет Китаев. Можно попробовать воплотить задуманное. Первым делом зашел в кабинет к Марченко. Секретарша приветливо кивнула: ждет.

Михаил Иванович корпел над какими-то бухгалтерскими бумагами, и Кошкин с грустью подумал, что ему, в случае чего, придется заниматься той же скучнейшей работой, а также подмахивать всякие приказы и вести кадровую политику. Только от мысли об этом Сергея Павловича передернуло от плеча до плеча. Марченко засиял навстречу отеческой улыбкой.

— Здравствуй, Сергей! Рад видеть тебя во здравии. Да и бодрый ты сегодня.

— Взаимно, Михал Иванович. Вы тоже, как огурчик.

— А я хочу порадовать тебя. Скоро испытания. Вот, собираюсь подписать наградной список, готовь дырку под орден и карман под премию!

— Спасибо. Но это труд всего коллектива.

— А я и пишу весь коллектив, просто ты у меня проходишь под номером один. Так что не обольщайся. Думаю, в недалеком будущем ты сам будешь подписывать такие приказы и представления, не имея права вписать в них собственное имя. И еще, Сереж, мы говорили с президентом о перспективных разработках, и я поймел наглость выдвинуть проект упреждающего удара из прошлого... — Марченко замер, ожидая реакции Кошкина.

— Зря, — опустил глаза Сергей Павлович, — я не буду говорить банальных фраз о том, что человечество еще не готово к использованию такой техники не то что в военных, но даже в мирных целях.

— Да я ничего особенного не сказал, но мне, Сереж, надо думать не только о моральной стороне вопроса, но и о судьбе всего конструкторского бюро, всего института, всего завода. Между прочим, мы тут кормим свыше тысячи человек. Это тоже моральная сторона вопроса. Пойми меня, я не посягаю на твою тайну, просто не было времени с тобой посоветоваться. Я вы-

двинул предложения некоего хронологического опережения ракетного удара, делающего бессмысленным любую внезапность! А значит — и само понятие войны! Я помню, каким шоком для нас стало двадцать второе июня! А ты — нет!

— Михаил Иванович, но вы же знаете, что такую тайну, будь она хоть трижды военной, не спрятать! Как не удалось американцам спрятать атомную бомбу!

— Мы сделаем по-другому: ничего официально даже для правительства объявлять не будем. Основная версия: мы разрабатываем опережающее нутро для ракеты, пусть шпионы ищут новый тип двигателя... В конце концов, не использовать такой шанс для разоренной, окруженной мнимыми друзьями страны — это тоже форма предательства. Ты, Сергей, главный конструктор направления, а это не хухры-мухры. Мы тут не телевизоры ремонтируем.

— Я помню, Михаил Иванович. Дайте мне пару-тройку дней. Я хотел бы закончить испытания на семейном уровне. А там посмотрим, стоит ли ломать копыя.

— Смотри, вместо копий не наломай дров. Знаешь, мне, старику, даже не хочется ни в прошлое, ни в будущее. Я настолько устал от жизни, от постоянного напряжения, что мне гроб кажется мягкой периной... Но мне не все равно, в какой стране будут жить мои внуки.

— Мне тоже, Михал Иванович, а про гроб вы зря. Дай вам Бог здоровья.

— Знаешь, я тут наемни пришел в церковь. Свечки за упокой ставил, молебен заказал. Постоял среди прихожан. Вот где я почувствовал покой. Вся суета за порогом. Вечность, что ли, ладаном пахнет? И подумал вдруг, что я всю жизнь делал оружие, находил тому оправдание, но только первый раз в жизни задумался, а как на это посмотрит Господь Бог?!

— А я о чем, Михаил Иванович? Дай нашему либеральному быдлу машину времени, и начнутся платные полеты в космос. Откроют парк культуры и отдыха имени Рокфеллера, наставят агрегатов, и давай народ за двадцать долларов на двадцать минут в прошлое запуливать. А на государственном уровне задумают выправлять ошибки прошлого да закрасивать белые пятна истории. Там же о Божьем Промысле понятия не имеют, а если и имеют, то полагают, что и его купить или под себя подладить можно.

— Да знаю я это все, — махнул рукой Марченко, — но если генеральным станет Яковлев, то, во-первых, всем даровитым ребятам он укажет на дверь, чтоб не создавали яркого фона его серой личности, во-вторых, он уже на второй день сдаст площади лабораторий и КаБэ всякого рода бизнесменам, в-третьих, откуда нам знать, что где-нибудь в пещерах Пентагона нет своего Кошкина. Ты можешь дать такую гарантию?

— Нет.

— То-то и оно. Поэтому давай остановимся на осторожном, поступательном развитии событий с учетом всех возникающих обстоятельств. И помни, Сереж, кроме тебя, у меня наследников нет. Надеюсь, что для тебя это не пустые слова.

— Не пустые. Я даже представить себе не могу, что бы я тут без вас делал.

— Ну вот, признание в любви состоялось, теперь иди, выправляй свое прошлое, только будь осторожен.

— Постараюсь.

Выходя с тяжелыми мыслями из кабинета Марченко, Сергей Павлович буквально налетел в коридоре на Варю.

— Сергей Павлович, что там с Марией Гавриловной? Меня вызвали по поводу второго этажа. Чтобы я соглашалась его мыть. Мол, зарплата будет больше.

— Соглашайтесь, Варя, — грустно ответил Кошкин.

Варя плеснула на него синеву своих глаз и вдруг взяла за руку.

— Я, конечно, простая техничка, и вы можете мне не отвечать. Но у меня стойкое чувство, что я соглашаюсь на эту работу уже второй раз. Что происходит, Сергей Павлович?

— То, что и должно происходить. Уж не знаю, Варя, на каких скрижалях написаны наши судьбы, и я никогда не относил себя к убежденным

фаталистам, но, похоже, что в этом случае все происходит по Высшему сценарию.

— Мне бы не хотелось выглядеть в ваших глазах душой или сумасшедшей, у меня все-таки три курса физмата за плечами...

— В моих глазах вы выглядите как очень красивая девушка, которая выполняет тяжелую, не предназначенную ей работу, — попытался обратить все шуткой Сергей Павлович, но следующая фраза Вари заставила его вздрогнуть.

— Просто мне кажется, что у нас был другой охранник, я его часто видела с вами, и даже помню его лицо и застиранную тельняшку.

— Вы, правда, это помните? — сердце Кошкина подпрыгнуло.

— Да, не знаю, как это объяснить самой себе.

— Пока ничего не пытайся объяснять, не ломай голову, будет время — я сам тебе все расскажу. — Кошкин не заметил, как перешел на “ты”. — Другой вопрос, ты единственная, кто, по каким-то выходящим за рамки правил происходящего причинам, помнишь об этом. Странно это.

— Наверное, потому, что вы мне нравитесь, Сергей Павлович, — Варя осторожно высвободила руку, которую Кошкин держал так же, как держал бы сейчас какую-нибудь случайную вещь.

Озадаченный Кошкин остался стоять в коридоре, а Варя направилась в сторону отдела кадров. Он еще что-то хотел сказать ей вслед, но только прикусил нижнюю губу. Перед внутренним взором по-прежнему стояла двадцатилетняя Лена Варламова, заполняя своим образом натруженное и усталое сердце Сергея Павловича.

* * *

Вадим Григорьевич Яковлев нервничал. Старик Марченко опять вернулся к делам, ломая все планы своего зама по общим вопросам. Ему давно прогулы на кладбище ставят, а он на работу приполз. И надо же было именно в этот момент позвонить президенту! А ведь Марченко прочит на свое место этого забуддлыгу Кошкина. Небось, успел замолвить слово за своего любимчика. Да, Кошкин талантлив, Кошкин, может быть, гений, но разве можно доверять этому витающему в облаках совковому интеллигенту оборонное предприятие? Он же — ни денег выбить, ни выставку провести, ни готовый продукт продать! Все это делает Яковлев. В Росвооружении знают только Марченко и Яковлева. Это благодаря Вадиму Григорьевичу удалось пережить бред перестройки и разорение ельцинских реформ. Но никто спасибо не сказал. Марченко даже до приказа о благодарности не снизошел. Ни разу за десять лет!

Вадим Григорьевич сидел в парке, ожидая деловой встречи. В начале недели на рабочем столе зазвонил телефон, и мужской голос с легким кавказским акцентом предложил встретиться для удовлетворения обоюдного коммерческого интереса. Вадим Григорьевич поначалу отмахнулся: военными тайнами и ракетами не торгую. Кавказцы уже не первый раз пытались подобраться к заводу, но сразу исчезали по мановению волшебной палочки ФСБ. Но этот сразу сказал, что его интересует вполне мирная продукция, а выгоду обещал с шестью нулями. Поворчав, Вадим Григорьевич на встречу согласился, но подстраховался: неподалеку скучали два офицера ФСБ, курирующие предприятие. Как назло, кроме них троих в парке никого не было. Кураторы зачитывали до дыр газеты на соседних скамейках, а Вадим Григорьевич поминутно вытирал носовым платком пот, выступавший на лысине. Хорошо хоть микрофон ни к какому месту не приклеили. Внешне Вадим Григорьевич очень напоминал Хрущева и, зная об этом сходстве, даже любил копировать советского горе-реформатора, и по возможности не пропускал ни одного кадра кинохроники, где был запечатлен поклонник кукурузы. Но для данного момента подходящего выражения лица и даже позы найти не мог. “Партнер” либо опаздывал, либо засек опекунов, поэтому Вадим Григорьевич решил выждать еще минут пять и протрубить отбой.

И все же минуты через полторы на скамейку рядом с ним присел рано поседевший мужчина средних лет в темном костюме и черных лаковых туфлях. Небритое два-три дня лицо, темные, с блеском презрения ко всему окружающему глаза, гнутый кавказский нос, два симметричных округлых шрама на обеих щеках и полный рот золотых зубов, сияющих из-под всплывающей ухмылки. Выглядел он подчеркнуто независимо, на контрразведчиков бросил опытный взгляд и, цокнув по-восточному, покачал головой.

— Меня зовут Бекхан, я — чеченец, в федеральном розыске не нахожусь. А вот в контору вы зря доложили, это может осложнить наши взаимовыгодные отношения.

— Страховка не помешает, — прищурился Яковлев, — я, знаете ли, не менеджером в магазине женского белья работаю...

— Знаю, но теперь вам придется придумывать для них всякие отговорки, потому что у меня есть для вас предложение, от которого вы не сможете отказаться.

— Чего я только не слышал! Мне один цэрэушник дом в Калифорнии сулил и счет в швейцарском банке.

— Я предлагаю вам пока сто тысяч долларов. Для начала. А вообще-то речь пойдет о миллионе. Возможно и больше.

— И что вы хотите за такие деньги?

— Машину времени.

Яковлев внимательно посмотрел на собеседника, который глаз не отвел и никак не отреагировал на весьма показное на лице Вадима Григорьевича сомнение в его психическом здоровье.

— Плохо работаете, Вадим Григорьевич, если не знаете, что у вас под носом делается.

— Прошу запомнить: фантастические проекты — это не по нашей части, вот это я точно знаю, — и Яковлев, промакнув в очередной раз лысину, сделал вид, что собирается уходить. Время дорого.

— А в лаборатории Сергея Павловича Кошкина вы последний раз когда были? — властно положил ему руку на плечо собеседник, и опекуны тревожно захрустели газетами.

— Вчера, — не особо напряг память Вадим Григорьевич, неожиданно осознав, что испытывает на себе наглое, неотвратимое давление чужой воли и ничего с этим поделаться не может.

— Что-нибудь необычное видели?

— Да генератор какой-то на столе... Так. Ничего подобного там быть не может! Надо представить себе огромные затраты энергии, речь ведь идет о космических, вселенских мощностях, такое в лаборатории не спрячешь, тут даже специально построенного ангара может не хватить... — Вот это уже была хрущевская речь, еще про водородную бомбу добавить, чтоб у проклятых империалистов в зобу дыханье сперло.

— Вам знаком паровоз братьев Черепановых? — перебил просветительскую тираду Яковлева Бекхан.

— А что?

— Так вот, прежде чем появились современные тепловозы и электровозы, была сначала паровая самодвижущаяся телега крепостных мастеров братьев Черепановых. И ездила она на расстояние всего три с половиной километра.

— Вы хотите сказать, что на столе Кошкина стоит эта самая тележка... — Вадим Григорьевич вдруг вспомнил, что когда-то был комсоргом МГТУ им. Баумана.

— Да, и перемещается она во времени.

— Откуда вы знаете?

— Катался на ней, как случайный пассажир. А вот если узнают ваши друзья из ФСБ, которые сейчас пытаются щелкать фотоаппаратами, вы никогда этот прибор не увидите, богатым не станете, генеральным тоже... И вообще никем не станете.

Вадим Григорьевич помрачнел. Сдавлив пальцами виски, в которых незойливо застучала фамилия Кошкина, он, как первоклассник у незнакомого дяди, спросил:

— Вы точно не из разведки? Ну, какой-нибудь там... Может, Саудовской Аравии. Или Палестины... Хрен знает.

— Нет. Я вообще ниоткуда. Меня нет. Хотя вот мой паспорт, посмотрите и успокойтесь. Но для любых органов власти меня нет, хотя одновременно я есть. И у меня есть деньги. Представьте себе, что я умер уже два раза. Первый раз меня взорвали, второй раз пристрелили дуплетом. Я это четко помню, каждое мгновение боли. Но я жив. Хотя где-то в Чечне есть как минимум две моих могилы. Даже по телевидению передавали об устранении разведчиками известного полевого командира... — в темных глазах полыхнула злоба, золотой оскал подсветил ей.

— Вы же сказали, что вы ни в чем не замешаны?

— Именно так, Вадим Григорьевич, как не может быть замешан в чем-либо мертвец! В конце концов, даже с юридической точки зрения расстреливать меня неправомерно. Я понимаю, что для вас это звучит, как бред сумасшедшего, особенно, когда вы чувствуете, что я говорю неуверенно. Но как может говорить человек, у которого прострелена челюсть, и ему пришлось заново учиться ворочать остатками языка? Зато я теперь почти без акцента говорю по-русски. И знаете, прочитал много книг. Просто не вылажу из Ленинской библиотеки. А в технической тоже не один день штаны протирал.

— Похвально, — буркнул Яковлев, который вдруг почувствовал ростки мистического страха в душе и больше всего мечтал, чтобы этого разговора никогда не было.

— Не бойтесь. — Бекхан считывал внутреннее состояние Вадима Григорьевича, как сканер. — Я больше никого не хочу убивать, никому не хочу угрожать, кроме одного, быть может, человека... Я просто хочу вернуть себе самого себя. Хотя бы что-то одно: либо свою смерть, одну из двух, либо свою жизнь, потому что последние пять лет я не помню, я также хочу найти своего младшего брата, о котором ничего не знаю, я хочу понять смысл всего, что происходило, происходит и будет происходить.

— Тогда вам надо занять очередь в небесной канцелярии, запишитесь у секретаря. На последние вопросы ответы можно найти только там. — Вадим Григорьевич иронизировал, но уже понял, что избавиться от этого человека не получится.

— Может и так, господин Яковлев, но разве вас не волнуют те же самые вопросы? Хотя бы на ближайшую перспективу в свете предстоящей смены руководства?

— Значит, вы утверждаете, что на вашу судьбу повлияла машина времени, изобретенная посредственным советским инженером Кошкиным?

— Он не посредственный. Он талантливый, и вы это прекрасно знаете. А судьбы у меня нет! Как бы вам еще понятнее объяснить. Ну представьте себе, что вы сели в поезд, а там с вами случилось несчастье: вы ударились головой и впали в кому. А когда пришли в себя, то очутились на незнакомой станции, в районной больничке, куда вас сдали сердобольные проводники и пассажиры. Вы пришли в себя и не помните ничего, кроме того момента, когда теряли сознание. И еще лицо человека...

— Кошкина? — догадался Вадим Григорьевич.

— Ну вот, вы уже начинаете понимать.

— Что вы от меня хотите? Я не смогу вынести из лаборатории машину времени, паровоз Черепановых или как там она называется. Я даже паршивый конденсатор не стану выносить!

— Не надо, успокойтесь, — негромкий, но властный голос Бекхана заставил Владимира Яковлевича замолчать. — Примите меня на работу, каким-нибудь лаборантом. До войны я окончил машиностроительный техникум. Так что на лаборанта потяну. При этом платить буду вам я. За первый месяц сто тысяч долларов, за второй — тоже... А если все получится, то обещаю вам, что мы оба разбогатеем.

— У вас что, счет в швейцарском банке?

— Нет, у меня счет в лесу под Ведено. И я хочу найти пару схронов, чтобы получить оттуда свою зарплату. Страховые выплаты по двойному тарифу, за две смерти сразу.

— Но у нас есть предписание о проверке всех поступающих на работу, за вами все равно будут следить.

— Пусть; мне кажется, я вам ясно и четко сказал, что не собираюсь нарушать закон. Документы у меня в порядке. Ваших знаний хватит, чтобы разобраться с машиной Кошкина?

— У меня высшее техническое образование, но это не мое направление. Потребуется время...

— Я ждал пять лет, а последний год я искал. Поэтому я умею ждать. На ваше имя открыт счет в Промстройбанке, там оговоренная нами сумма.

— Но я еще не дал согласие? — Яковлев сам не знал, возражает он или нет, чужая воля парализовала его. В любом случае он рассчитывал на таймаут, а уж потом он разберется, что со всем этим делать. Но маленький червячок страха, поселившийся в его сознании, шептал ему: куда ты, Вадим, от этого человека не денешься. Да и кто знает, уже оправдывал свои будущие действия заместитель по общим вопросам, может, и не помешает хороший напарник, у которого четко определенные интересы, не входящие в противоречие с его собственными интересами.

— Я могу обратиться к другому человеку, но тогда проиграем мы оба, — спокойно заметил Бекхан.

Нужно было только определить грани сотрудничества — и, вытерев в очередной раз пот с лысины, Яковлев прощупал характер будущих отношений:

— Я должен быть уверен в своей безопасности и не потерплю, чтобы мне диктовали.

— Любого, кто будет угрожать вашей жизни, вашему благополучию и здоровью, я убью. — Бекхан сделал театральную паузу, чтобы Вадим Григорьевич, пряча глаза, мог оценить уверенное и необратимое звучание этой фразы. — Что касается “диктовать”, то мы с вами с этого момента партнеры, при этом, вы — начальник, а я — подчиненный. Если позволите, я буду вам только подсказывать, потому как посвящен в существо вопроса чуть больше вас.

— Хорошо, — облегченно выдохнул Вадим Григорьевич и поднялся со скамейки, — приходите завтра в отдел кадров.

— Сегодня, вы уже сегодня можете зайти в банк.

Вадим Григорьевич замер, определяя, диктуют ему в данный момент или нет, но вслух сказал:

— Хорошо, приходите сегодня.

— Да, и скажите этим... — Бекхан передумал употреблять обидное слово, — Скажите этим фээсбэшникам, что я родственник вашего студенческого друга, беженец, попросился на работу.

— Я найду, что сказать, — небрежно бросил Вадим Григорьевич и зашагал по аллее.

Бекхан покачал ему вслед головой так же, как сделал это в начале разговора. Один из опекунов поднялся вслед за Яковлевым, второй дождался, когда своей дорогой пойдет Бекхан, чтобы вести его. Но уже через десять минут он потеряет цель, причем будет абсолютно уверен, что объект буквально растворился в воздухе.

* * *

Вечером Кошкин пригласил в лабораторию Китаева. День он провел в раздумьях и сомнениях. Не знал, обижаться на Марченко или уж махнуть на все рукой, пусть все будет, как будет? Кроме одного: Дорохова и Мариловну Сергей Павлович решил у смерти выиграть. Чего бы это ему ни стоило. И пусть все парадоксы Эйнштейна и прочие научные казусы идут ко всем чертям. Но если план спасения Дорохова у него был, то с Мариловной было сложнее. Поэтому Кошкин выбрал поэтапное решение всех стоящих перед ним задач. Задачи, поставленные временем, со временем и решаются, особенно если берется за них человек решительный. Каламбур этот ему по-

правился, и, приглашая Китаева в лабораторию, Сергей Павлович старательно отгонял ироничное настроение. Улыбка была бы неуместна.

— Толя, давай попробуем воскресить твоего командира, — и, не давая Китаеву осмыслить сказанное, добавил, — необходимая аппаратура для этого имеется. Ничему не удивляйся, ничего не спрашивай. От тебя требуется немного: первое — не считать меня сумасшедшим, второе — когда я растворюсь на твоих глазах в воздухе, не впадать в истерику, не терять сознание и не вызывать милицию, третье — никого не подпускать к этому прибору до тех пор, пока я не появлюсь обратно. Думаю, что буду отсутствовать два-три часа. От силы четыре.

— Это секретная техника? — не стал спорить Китаев, потому как с сумасшедшими и одержимыми спорить бессмысленно.

— Ты готов мне помочь? — не ответил Кошкин.

— Я же говорил, за Данилыча — хоть грудью на амбразуру. Возьмите меня с собой, если это действительно возможно, в конце концов, я умею обращаться с оружием, а вы, скорее всего, нет.

— Вот как раз оружия там не надо. Я не раскидывать пули собираюсь, а остановить для начала хотя бы одну. Сделай доброе дело, ограничишься пока выполнением моей просьбы. Обещаю тебе, если только понадобится стрелять, резать, связывать, ломать челюсть — я обязательно позову тебя на помощь.

— Мне что? Просто сидеть здесь?

— Для начала надежно закрой центральный вход, проверь, закрыты ли запасные, а потом... Потом нужно будет сидеть и ждать. Я не знаю ничего, что было бы страшнее, чем просто сидеть и ждать. Так что потребуется немало мужества. Главное: кто бы ни появился, ни за какие коврижки не подпускай его к этому прибору, — Кошкин похлопал ладонью по генератору.

— Хорошо, — Китаев пожал плечами и отправился закрывать двери.

Прошло несколько минут, и Кошкин появился в своей лаборатории, чтобы увидеть самого себя плаксиво беседующего под бульканье армейской фляжки с Дороховым. Василий стянул с кульмана собственноручный чертеж и толковал Кошкину:

— Вот, смотри, я тут некоторые чертежи набросал. По траекториям и карте местности я точно вычислил, где мог находиться снайпер в обоих случаях. И до нашего появления в истории и после него. Он не был в доме, где мы накрыли боевиков, он сразу находился в зеленке. Скорее всего, в момент начала стрельбы во второй раз он находился как раз напротив дома, начал менять позицию вдоль дороги, оставаясь невидимым для наших бойцов...

— Я все равно в этих стрелках, точках и пунктирах ничего не понимаю. Верю на слово, — отмахнулся Кошкин позавчерашний. — Чего ты хочешь от меня, Вась? Чтоб я тебя с карабином, который ты, конечно, уже перетащил в сейф, что стоит и стола дежурного, отправил спасать твоего Китаева? Да делай что хочешь. Мне не то чтобы все равно, я просто почему-то очень устал. Знаешь, Вась, захотелось вдруг хоть немного пожить для себя, поехать к морю... Я не помню, когда последний раз видел море, я не помню, когда хотя бы задней мыслью не помнил о работе... — Еще немножко, и оба Кошкина заплакали бы от жалости к себе. При этом второй до мельчайшего поворота души вспомнил, как его крутило и мутило. И все же быстро сбросил и огорчил беседующих:

— Не помешал?

Следует признать, что младший Кошкин ничему не удивился.

— Я ждал чего-то подобного. Если ты не вмешиваешься в будущее, то будущее вмешивается в твое прошлое, — философски заключил он.

— Ни фига себе война, смерть фашистским оккупантам, — пропел Дорохов. — Я такое относительно себя уже видел.

— Чем обязаны? — иронично спросил Кошкин-младший.

— Тем, что тремя днями позже в этой лаборатории меня ждет Анатолий Китаев, а майор Дорохов похоронен со всеми воинскими почестями пять лет назад. Еще вопросы? Карабин СКС уже отрекламировал? — сдвинул брови на Дорохова. — Тоже мне, друг называется...

Пару минут тянулось молчание. Все трое то смотрели друг на друга, то пялились в пол.

— Выпьешь? — разрулил тишину Дорохов.

— Нет, и тебе, Вася, не рекомендую. Ты же хочешь по горам своей памяти прогуляться. Вот и пойдем вместе. А этот вчерашний пусть тут сидит и думает: зачем он тебя отпустил.

— У тебя есть какой-то свой план?

— Есть.

— Мне бы на секундочку Толяна повидать... — поканючил Дорохов.

— Вася, хватит импровизаций! — взмолился Кошкин. — Откуда я знаю, что произойдет, если я сведу двух погибших боевых товарищей. Не хватало только вас обоих потерять.

— Блин... — майор опустил на табурет, и стал усиленно растирать ладонями виски.

— Вот так, товарищ майор, и никаких диверсий.

— Что ты придумал, Сергей Павлович?

— Ничего особенного, ты проведешь меня к этой точке, — Кошкин ткнул пальцем в план Дорохова, — и будешь смотреть со стороны. Ничего не предпринимай. Ничего! Если тебя засекут — мне конец. И в прошлом останутся два Дороховых, а в будущем не будет одного Кошкина. Усек?

— Не совсем, но, надеюсь, что ты действительно все продумал.

— Ночь не спал, — уверил Сергей Павлович.

— Может, тебе сначала отдохнуть?

— Отдохну... в будущем, — многозначительно улыбнулся Кошкин. — Если доживем.

Младший Кошкин все это время молчал, но потом вдруг озарился мыслью, которую почти выкрикнул:

— Я понял! Смертью смерть остановить нельзя! Я об этом последние дни думал.

— Пару дней тебе не хватило, — кивнул старший.

— А любовь?

— Любовь? Любовь, брат, сложнее смерти... От нее жизнь. От любви и рождаются и умирают. Не знаю вот только, живут ли без нее.

* * *

Ночью в горах холодно. Даже летом. Кошкин сразу почувствовал это, его слегка потрясывало, и он пожалел, что не остограммился из фляжки Дорохова в лаборатории. Они не шли, почти крались: Кошкин за Дороховым — след в след.

— Только не лезь, пожалуйста, что бы ни случилось, — прошептал Кошкин.

Дорохов в ответ кивнул и прижал палец к губам. Сергей Павлович впервые увидел, как его друг становится воином. Как-то в один из вечеров майор ответил на его вопрос, как нужно себя вести на войне, коротко и просто: нужно научиться бояться без страха. В каждом шаге Василия сейчас пружинила опаска, и пружина эта в любой момент готова была разжаться в целый каскад движений, который завершится на последней фаланге указательного пальца правой руки. И все же он остушился, под ногой предательски выстрелила ветка. Оба замерли, по лицу Дорохова Кошкин понял, что снайпер засек их, и в любой момент может прозвучать выстрел.

В это мгновение Кошкин, не особо раздумывая, начал свою версию событий:

— Кто бы ты ни был, не стреляй, я пришел с миром, — не громко, но вполне уверенно сказал он, и Дорохов после этих слов лег в траву. — Посмотри на меня в оптический прицел, если темнота позволяет тебе сделать это, у меня нет оружия, но я принес тебе слова пророка.

Ответная тишина наматывала нервы на секундную стрелку. Казалось, недалекие в обступившей темноте горы тоже задержали дыхание.

Алейхан уже видел в оптический прицел силуэт, и палец его сливался с курком. Дорохов закусил губу.

— Если второй поднимется, я тебя застрелю.

В это время в невидимо плывущем облачном покрове на пару секунд мелькнул лунный просвет, этого было достаточно, чтобы Алейхан увидел в прицел глаза Кошкина. Это были серые усталые глаза инженера, которого он в своей жизни убил первым. Снова отчетливо услышал над ухом требование Бекхана: “Тебе уже семнадцать лет, а ты еще не убил ни одного русского!” Вздрогнул... И совсем нелепо смотрелся на нем костюм со сбившимся набок галстуком. А ведь подумал еще, что у русского инженера денег даже на костюм не хватает, и он едет туда, где его могут убить, чтобы прокормить семью. Зачем он вернулся? За Алейханом? Но Алейхан может убить его еще раз... И еще раз...

— Подходи медленно, — скомандовал вполголоса Алейхан. — Второму — лежать.

Кошкин шел с поднятыми руками. Именно в этот момент Алейхан услышал на дороге приближающиеся шаги отделения Китаева. Снайпер стремительно сменил позицию, чтобы иметь возможность держать под прицелом все цели, но и Кошкин по движению кустов определил теперь точное направление. Дорохов ловил оптикой темноту...

Солдаты Китаева молчали, но теперь даже Сергей Павлович слышал звуки, издаваемые плохо закрепленной амуницией. Расслабились ребята... Алейхан держал теперь на прицеле головного.

— Бисмилляхир-Рахмаанир-Рахиим, — сказал Кошкин в слепящую мглу, рассеченную узором ветвей, снайпер был где-то рядом, — Во имя Бога милостивого, милосердного, так должен думать всякий мусульманин перед всяким делом. И сейчас, целясь в человека, ты произнес эту молитву? И веришь, что убиваешь во имя Аллаха? Он просил тебя об этом? Или пророк? Может быть, эти солдаты не позволяют тебе ходить в мечеть? Или ты уверен, что убиваемый тобой не угоден Всевышнему? Ты решаешь за Всевышнего, кто Ему нравится, а кто нет? Бог создал и тебя, и того солдата напротив тебя не для того чтобы вы убили друг друга, но чтобы любили и молились перед Богом. И если он делает это не так, как ты, то пусть Аллах будет судьей, но не твоя слепая пуля. Читал ли ты когда-нибудь слова одного из его знаменитых сподвижников Абу Хурайры, приводимые Муслимом — одним из наиболее авторитетных собирателей хадисов. Он сказал: “Клянусь тем, в чьей деснице душа моя! Истинно доживут люди до времен, когда не будет знать убивающий, за что убил кого-то, а убиенный — за что был убит”. А теперь произнеси “Бисмилляхир-Рахмаанир-Рахиим” и выпусти смерть на волю... Ты же считаешь себя умнее Аллаха. Стреляй, и начнется бой, в котором погибнут многие и многие. И ты тоже...

— Ты говоришь, будто ты Джабраил, — глухо ответил со своей позиции Алейхан. — Я послушаю тебя и не буду стрелять. Пусть проходят, но теперь молчи, иначе они выстрелят первыми, а потом я посмотрю, какой ты знаток хадисов и мудрости Корана, какой ты русский Джабраил. Может быть, действительно, Аллах послал тебя с того света... — шепотом закончил Алейхан.

Отделение Китаева молча, но все-таки с шумом прошествовало мимо. Темнота поглотила сначала их силуэты, а потом и шаги.

— А теперь я могу убить тебя, а потом второго, — сказал Алейхан, ему очень захотелось добавить, что потом из дома выбегут Бекхан и его бойцы, и тогда никому не уйти от пули или ножа, но козыри он решил приберечь.

Дорохову многого стоило в этом случае промолчать, и не ляпнуть чего-нибудь типа: “как бы не так!”. Но Василий Данилович времени даром не терял. Пока внимание Алейхана было отвлечено на группу Китаева, он сантиметр за сантиметром, сведя дыхание до минимума, менял позицию. Теперь он на выстрел был впереди.

— Да, сейчас ты можешь меня убить, — согласился Кошкин, — если слова пророка для тебя ничего не значат, а пророк учил: тот, кто убивает, не вдохнет ароматов рая.

— Не тебе, неверному, говорить словами пророка! Вы отняли у нас рай на земле, вы хотите отнять у нас родину!

— Тогда для начала покиньте русские города, съезжайтесь все сюда и отпустите отсюда тех, кого вы предпочитаете держать в рабстве. Прекратите убивать для начала женщин и детей, или ты не знаешь, что говорил Мухаммад Абу-Бакру, идущему в поход: не войой со стариками, женщинами и детьми. Как вообще вы можете ссылаться на пророка, если многие из вас не брали в руки ни Коран, ни Сунну?

— Ты много говоришь, гяур!

— Вот какое слово ты знаешь! Но теперь пусть будет тебе знамение: сейчас я исчезну, как исчезают духи, выполнив свою миссию, а тебе советуую уходить отсюда, иначе ты погибнешь. Погибнешь именно в эту ночь... Я пришел предупредить тебя. Пусть сегодня смертей будет меньше. Поверь, с тобой говорит будущее.

— Если ты провидец, тогда скажи, где еще сейчас находится твоя смерть?

— Моя смерть не здесь, но если ты говоришь о шести боевиках и двух пленных в доме напротив, то советуую тебе еще раз не возвращаться туда. Через несколько минут никого из них не останется в живых.

Сердце Алейхана на миг замерло, страшный, могильный холод поселился в нем в это мгновение. Он вдруг действительно почувствовал близость и возможность своей смерти, и спросил себя: готов ли он к ней? Сам себя он не раз убеждал в этом, но убеждение растворялось в одном единственном образе, имя которому — Айза. Будет ли она ждать его на небе? И можно ли там вкусить земной, сжигающей душу страстью любви? О, Айза! Глаза ее темнее этой ночи, но в глубине их живут зовущие звезды! И что бы ни говорили приехавшие в Чечню за долларами и подвигами самовлюбленные арабы, в словах русского была истина. Как-то, еще до войны, он слушал потомков пророка из рода Курейшитов, что жили с незапамятных времен на Кавказе, неся учение пророка и совершая суд по законам шариата, и что-то созвучное было в их речах. Интересно, о чем они учат сейчас?

Отца и сына Салиховых, которых вспомнит Алейхан, убьют в ноябре 2001 года. Убьют те, кто называет себя воинами Аллаха и воюет за американские доллары, посягнув даже на потомков пророка.

Слова русского все еще звучали где-то внутри, но думать об этом сейчас Алейхан не мог, ему хотелось просто уснуть. Уснуть не тревожным сном лесного воина, а как в далеком детстве, когда дед рассказывал ему удивительную историю любви поэта по имени Меджнун.

Теперь ему действительно хотелось, чтобы русский растворился, как дым.

— Если ты сейчас не исчезнешь, я выстрелю.

— Прощай, — ответил Кошкин, и на том месте, где он стоял, сгустилась ночная тьма, и даже воздух вокруг не дрогнул, когда он исчез.

* * *

Отсидеваясь в бытовке, где стояли швабры, ведра и другой хозяйственный инвентарь, Бекхан удовлетворенно думал о том, что пока есть жадные и глупые русские, воевать с ними можно. Нет, речь не о трусах, потому что Бекхану доводилось видеть, как еще минуту назад пугливые солдаты-первогодки превращались в безумно храбрых, под перекрестным огнем поднимающихся с перекошенным от крика “ура” ртом и с остекленевшими от презрения к смерти глазами и бросающихся в рукопашную на бородатых джигитов. Да, были и те, что, попав в плен, ползали в ногах, ныли, как русские проститутки, когда вместо одного их трахают пятеро, молили о пощаде, обещали выкуп, но были и те, в глазах которых вместо страха было странное и непонятное горькое смирение. Не рабское смирение перед сильным, а смирение перед обстоятельствами, перед течением жизни.

После оформления пропусков и оформления документов в отделе кадров, после беседы с местным “кумом” из ФСБ, Бекхан собрался было ухо-

доть. Дело шло к концу рабочего дня, но, увидев, какой охранник пришел на смену, он остолбенел на последнем пролете лестницы. Потом повернулся на сто восемьдесят градусов и пошел обратно. Интуиция подсказала ему, что именно сегодня здесь должно что-то произойти. А интуиция Бекхана подвела редко. Не так давно он легко обходил расставленные спецназом ловушки и засады, не покушался на уловки особистов, знал, с кем из русских можно “работать”, а кого лучше сразу отправить на Суд к Аллаху.

Лицо Китаева Бекхан помнил последним всплеском сознания, угловым зрением помнил. И очень жалел, что ни за какие деньги он не смог бы пройти сюда с оружием. Теперь он неторопливо искал в полумраке что-нибудь, что могло бы послужить ему оружием. В тумбочке, которую следовало выставить в специально созданном для этого музее советской канцелярии, Бекхан нашел столовый нож. Он вряд ли содился бы для того, чтобы перерезать горло барану, даже напластать колбасу, но вполне мог быть воткнутым в мягкие ткани или между ребрами. С ним он и шагнул в коридор, когда понял, что тишина говорит об отсутствии ненужных свидетелей.

Спустившись со второго этажа, он обнаружил, что охранника на месте нет, а входная дверь закрыта на ключ. Это обстоятельство не огорчило Бекхана — пусть не будет путей к отступлению, в нужное время они покажут себя сами. Хуже было другое, он не знал, где искать бывшего российского офицера, и пошел, крадучись, вдоль многочисленных дверей, обратив все свое внимание в слух, только слегка прикасаясь к дверным ручкам, дабы узнать, заперта или нет дверь. Когда он поднялся на второй этаж, то вдруг почувствовал, что на лице его что-то меняется, причем меняется со знакомой болью, от которой Бекхан едва не закричал. Приложив ладони к щекам, с ужасом обнаружил, что с них исчезли шрамы, а изо рта пришлось выплюнуть грудой золотых коронок. Едва успокоилась боль, он позволил себе улыбку удачливого охотника, интуиция не подвела: именно сегодня он должен был попасть в это здание и оказался в нужное время в нужном месте. Сегодня он никому не позволит украсть у него прошлое, будущее, или смерть, если она должна его настичь, и любимого брата. Даже если сам Михаил выйдет с огненным мечом, чтобы остановить Бекхана, Бекхан не испугается.

На втором этаже он нашел, наконец-то, нужную дверь. При этом мысленно выругал себя, что сразу не обратил внимания на таблички, среди которых помимо аббревиатур и просто цифр были и прямые подсказки. С легкой руки Марченко на некоторых дверях иронично красовались надписи, перекочевавшие сюда из прифронтовой полосы времен Великой Отечественной. На двери, которую искал Бекхан, висела табличка: “хозяйство Кошкина”.

Ему показалось, он приоткрыл дверь совершенно неслышно. Китаев сидел на табурете, туно глядя на громоздкий прибор на столе. Но стоило Бекхану сделать шаг в лабораторию, разведчик вскопал, и табуретка оказалась в его руках.

— Ты? — спросил и ответил Бекхан.

— Ты? — спросил и ответил Китаев.

Некоторое время они стояли молча, потом Китаев сказал:

— Я же прострелил тебе челюсть. А Дорохов добил тебя.

— Я тоже так думал, — криво ухмыльнулся Бекхан, — лет пять над всем этим думал, но они опять что-то уже изменили, — и он удовлетворенно погладил себя по небритой, но совершенно здоровой щеке.

— Значит, все-таки она работает.

— Работает. Еще как работает. Но сейчас работать перестанет. — Бекхан уверенно двинулся на Китаева.

— Ничего, мы клин клином вышибем, — поднял над собой табурет Китаев.

— Послушай, — на минуту замер Бекхан, — неужели тебе нравится умирать несколько раз? Этот конструктор влез в святая святых! Он зубилом пытается править скрижали Аллаха! Пусть останется там, куда сунул свой нос! Или ты хочешь умирать еще и еще раз?

— А мы пьем не меньше трех, а умирать за други своя можно и больше. У нас только многоженство не поощряется и предательство. А умирать нам религия не запрещает.

— Нам тоже! — с этими словами Бекхан попытался прыгнуть под руку Китаева, но та с треском опустилась на его спину. Стянутый стальными уголками табурет не разлетелся, и потому удар получился страшный. Бекхан упал на четвереньки, но тут же получил ногой в челюсть и, сглатывая кровь из разбитого рта, отлетел обратно к двери, в которую недавно вошел. Нож по-прежнему оставался у него в руках. Хотел, было, его метнуть, но почувствовал неподходящую для этого легкость хлебoreза.

Китаев продолжал стоять над ним с табуретом в руке.

— Еще? — спросил он.

— Шакал, — выругался Бекхан, сплюнув кровавый сгусток.

— Ну на медведя я бы еще согласился, а шакал — это по вашей части.

Превозмогая боль и ненужную в бою слепую злобу, Бекхан сделал еще один бросок. Этот оказался более удачным, ему удалось ввести противника в заблуждение своей напускной слабостью. Ох, и доверчивые эти русские. Как дети. Нижней атаки Китаев не ожидал, табуретка опустилась на пол, пробив застарелый линолеум, а нож воткнулся в его голень. Другой рукой Бекхан попытался схватить Китаева за горло. Но это ему не удалось. Вскрикнув от боли, Анатолий резко отпрянул назад, и здоровой ногой успел-таки оттолкнуть Бекхана в грудь. Теперь оба они сидели на полу, готовые в любой момент броситься друг на друга. Но момент был не любой, момент был особенный.

В воздухе вдруг запахло озоном, как после сильной грозы, и на полу появились еще две фигуры. В той, что лежала в обнимку с карабином, Анатолий узнал своего командира. Рядом стоял с пультом в руках Кошкин с видом заклинателя змей. Бекхан на эту картину выругался то ли по-арабски, то ли по-чеченски.

— Ни фига себе — война! — изумился Дорохов.

— Вот, значит, за кем ты ходил в этот раз? — сказал Бекхан. — А брата моего вы, конечно, убили. В спину, наверное.

— Это по вашей части — в спину, — спокойно ответил Дорохов.

— Если снайпер твой брат, то он остался жив. Теперь все зависит от него, — тяжело вздохнул Кошкин и опустился на второй табурет, который Китаев не успел сделать оружием. — Я просто вернул того, кто не должен был там оставаться. Другой вопрос, откуда ты обо всем узнал?

* * *

Русские исчезли, как джинны. По воле Аллаха или действием шайтана? Кому из фаршитов — Ридвану или Малику они подчиняются? Иса их послал или Азазил? Что там говорил русский про смерть? Сегодня? Надо предупредить Бекхана, пусть уходят, наверное, федералы устроят засаду, или кто-то предал...

Оставшись один в наступающем сумраке рассвета, который смешивался с морозящей взвесью невысокого дождя, Алейхан не мог заставить себя встать на ноги и выбрать путь: или подальше отсюда, как советовал русский, или наоборот — метнуться к дому, вывести братьев. А если ничего не будет, и тогда Алейхана объявят трусом, которому приснился страшный сон, и он, как ребенок, испугался? Может, действительно это было видение? И пока он беседовал тут с тенями, выпущенными Маликом из ада в наказание Алейхану, разведка федералов прошла мимо, а сейчас жди налета?

Ответы на вопросы посыпались мелкими шагами по дороге. Русские уже окружали дом, вот-вот полетят в окна гранаты. Больше у Алейхана не оставалось времени, и он, не выбирая цели, выстрелил в окно, так, чтобы пуля, пробив лампочку, ушла в мягкую штукатурку потолка. И тут же, будто сшивая пространство огненными нитями, полетели со всех сторон и во все стороны трассеры.

— Пацанва голопузая! У кого очко без регламента, мать вашу! — выругался командир, приняв выстрел Алейхана за выстрел кого-то из своих солдат.

Страшный сон Алейхана продолжался. Он видел, как выскочил на крыльцо отважный Рагиб, но даже не успел выстрелить, рассеченный пополам длинной очередью из РПК. Потом услышал голос брата, который пытался перекричать сбивчивый стрекот смерти.

— Не стреляйте, у нас пленные! Или вы их убьете, или мы кинем вам их головы! Не стреляйте! Пленные!

Русский командир тоже стал кричать, чтобы солдаты прекратили огонь. Минуты через три все стихло.

— Эй! — крикнул Дорохов. — Моя бабушка говорила: полонен вскрикнет, а убит — никогда.

— Умная бабушка, — ответил Бекхан, — слушай своих поросят!

— Ефрейтор Ермоленко, хозяйственный взвод комендантской роты!

— Сержант Андросов!

С минуту Дорохов молчал, вспоминая, что еще говорила его бабушка в таких случаях, и вспомнил-таки!

— Бабушка предупреждала: не верь чужим речам, а верь своим очам! Да и приговаривала: не доглядишь оком, доплатишь боком!

— Скажи твоей бабушке, чтобы очки надела, а щенкам своим скажи, чтобы стрелять или ползать не вздумали. Я их сейчас на крыльцо выведу, если что — дырок в них будет, как звезд в небе.

— Сегодня облачно, звезд не было, — буркнул Дорохов.

— Я вывожу их!

На крыльцо вытолкнули двух идиотов. Во всяком случае, один точно был идиот, он улыбался, как блаженный. Обкуренный, что ли?

— Спереди любил бы, сзади убил бы, — вспомнил еще одну поговорку Василий Данилович.

— Ну что, посмотрел? Как товар? — Бекхан стоял за спиной у пленных. Карты были в его руках. Снайпера у Дорохова не было.

— Моя бабушка говорила: на торгу два дурака: один дешево дает, другой дорого просит.

— Скажи бабушке, что пару этих внучат я отдам за возможность уйти! И еще: ты скажешь мне, кто нас предал?

— На первое, может, и сговоримся, все равно я тебя в горах достану, вот-вот вертушки будут, а второму ты просто не поверишь.

— А ты меньше болтай, а то один внучек уже в штаны наделал, мне рядом стоять противно. Скажи бабушке, пусть быстрее памперсы русским солдатам готовит. Может, мне ему отстрелить кран, чтобы не текло?

— Стрелять — не думать!

— Тогда думай быстрее, я тут вашего усиления ждать не собираюсь. Могу и по частям их тебе продать. Так что давай машину — “таблетки” или штабного уазика хватит. Засанца я тебе здесь, как аванс, оставлю, второй поедет со мной. На десятом километре подберешь.

— А откуда мне знать, что ты мне его там по частям не оставишь?

— А ниоткуда. Но я тебе Аллахом клянусь!

— Слышал я ваши клятвы. Для тебя ж это, как бездомной собаке кость пообещать. Да и бабушка сказывала: много обещателей, да мало исполнителей. Ты мне тут своего одного оставь, а я его на десятый километр привезу.

Некоторое время Бекхан молчал. Он едва сдерживал злобу, и холодная взвесь мелкого дождя освежала его раскаленный лоб.

— Ты уже убил моего человека, не тебе ставить условия.

— А что мне было делать? Встречать его на крыльце хлебом-солью?

Эти слова несколько успокоили Бекхана. Если бы русские убили или захватили Алейхана, то майор из кустов непременно похвастался бы этим. Значит, надо принимать их условия игры. Пусть они думают, как им хочется, а Бекхан будет делать, как ему нужно.

— Тогда пусть зоркое око Аллаха следит, чтобы неверные не обманули его воинов, — и добавил еще что-то на чеченском.

Фраза эта была адресована Алейхану, но Дорохов понял ее по-своему.
— Даю честное офицерское слово, что с твоим человеком ничего не случится. Если только ты моего солдата не изувечишь до десятого километра.
— Подгоняй машину, — скомандовал Бекхан.

Теперь Алейхан лежал, уткнувшись лицом в мокрую зелень. В первый раз в жизни ему не хотелось стрелять. Он не мог объяснить этого себе сам. Всю жизнь он мечтал стать воином, прославиться во имя Аллаха, но проклятый русский заставил его усомниться: а нужна ли Аллаху проливаемая кровь? Жаль, не успел спросить в ответ: а нужна ли проливаемая кровь Иисусу, который сам принял муки от жестоких людей? Нет, глупая все-таки вера у русских. Кто ж будет уважать Бога, которого убили позорной смертью? Как можно спасти всех, принимая муки и смерть? Потом вдруг осенило: а в бою можно! Остался прикрывать отход своих товарищей, и умирай, сколько влезет. Но Бог — не воин! Он за одно желание распять Его должен был сжечь всю землю! И осекся, вспомнив слова русского: Алейхан за Бога решает? И сник, ответа не было. Книг не читал, больше дрался и стрелять учился. Алейхан вспомнил, что сказал ему Даман, когда он пришел к нему в дом с новым оружием. Покрасоваться, конечно, пришел, но Даман, словно и не заметил, тяпку точил, и, будто к тяпке обращааясь, сказал: “Убивать умеет каждый, но никто из людей не умеет воскрешать. Даже пророк не мог этого. Он всегда говорил, что он смертный и не совершает чудес. Грабить и убивать научиться легко, труднее научиться молиться и строить”. “Я буду защищать родину!”, — гордо ответил ему Алейхан, хотел сделать это с презрением, но сдержался: во-первых, это отец его любимой, во-вторых, он умеет воевать, он герой. “Ты же герой, Даман?” — позволил себе только напомнить. “Да, я ношу звание героя несуществующей страны. Герой Советского Союза.., — он горько покачал головой, точно сам над собой смеялся. — Нет больше такой страны, Алейхан. И никто не успел ее защитить, потому что враги были внутри. В самом сердце были враги. И у каждого человека внутри есть враг. И если тыпустишь его в свое сердце, то для Аллаха ты потерянный человек. Враг будет управлять тобой”. Больше ничего не сказал Алейхану рано поседевший Даман. Старший брат, выслушав рассказ Алейхана, отмахнулся: да у него Аллах за то, что стрелял в братьев мусульман, отнял разум! Не слушай его! Он вообще еще жив, потому что сам Джохар велел его не трогать. Почему? Одному Аллаху известно...

Из разговоров на родном языке Алейхан понял, что Бекхан оставляет русским самого молодого и немного трусливого Усмана. Русские, вроде, не юлили, подогнали “таблетку” из хоззвода, за рулем тот самый прапорщик, которого ждали для обмена. Пора было уходить, но Алейхан хотел дожидаться, когда брат благополучно сядет в машину, и они отъедут хотя бы на километр.

* * *

Китаев, услышав выстрелы, остановил отделение. Минуту он колебался, но потом дал команду: все в зеленку, рассредоточиться и на цырлах в обратном направлении! Старцев подождет. В конце концов, тут форс-мажорные обстоятельства. Не преминул еще удивиться: как им удалось не нарваться на засаду каких-то четверть часа назад? С досадой глянул наверх — светало. Небо, похожее на кусок грязного пенопласта, давило на брющем полете, и не дождь даже, а конденсат какой-то летел с него, точно каждую каплю дробили на миллионы частиц.

Прошло еще минуты две, когда по дороге, подпрыгивая на ухабах, проскочил неуклюжий уазик. Китаев узнал его, это была машина из обеспечения полка. Тут же выглянул из-за соседнего куста снайпер Назиров, шепотом доложил:

— Чехи в машине, но я без приказа стрелять не стал. Да еще сержант там сидел. Со склада. Я раньше его видел.

Старлей кивнул. Выходит, Данилыч нащупал их в каком-то доме уже после зачистки, но у них были пленные, и они договорились на обмен. В ди-

визии, конечно, по головке не погладят, но у войны свои правила. Стоит ли возвращаться обратно? А вдруг еще что? Китаев махнул бойцам: двигаемся в направлении батальона. Смотреть в оба!

Уже на подходе услышали голоса своих, традиционный мат сержантов. Пролетел штабной уазик, прохрипел следом БТР. Китаев уже хотел, было, дать команду выходить на дорогу, чтоб свои с перепугу не подстрелили, но вышел на небольшую поляну и замер. В центре ее стоял на коленях молодой парень и совершал намаз. Рядом лежала СВД с несколькими зарубками на прикладе. Увидев Китаева, он даже не попытался к ней потянуться. Что он, на mine сидит? Ловушка какая-нибудь? Взгляд чеченца был спокоен, словно к нему вышел не враг, а ежик какой-нибудь. Узкое лицо было бледным и возвышенно-задумчивым, жидкая борода едва прикрывала щеки и подбородок. Китаев передернул затвор и сел напротив.

— Я не стал в тебя стрелять, как просил меня русский инженер. Он сказал, если я не выстрелю, то и в меня не станут стрелять.

— Логично, но не обязательно, — ответил Китаев. — Ваших же отпустили? Почему остался?

— Не знаю. Я воюю давно, но, мне кажется, так может продолжаться целую жизнь. Я мог бы тебя убить сегодня два раза: первый раз, когда ты шел туда, второй, когда ты возвращался обратно. Я спрашивал у Аллаха, что мне делать, но Он не ответил. Он хочет, чтобы я понял это сам.

Китаев вдруг увидел и поверил, что перед ним действительно не воин. Он закусил губу, раздумывая как ему поступить в такой ситуации. На поляну выкатился вездесущий Назиров с винтовкой наперевес. Хотел что-то спросить, но Китаев отрезал:

— Все нормально, дуйте к нашим, идешь за старшего. Если от майора Дорохова команд не было, возвращаемся к выполнению задания и бегом к Старцеву. Я догону.

Раскосый снайпер пожал плечами: наше дело выполнять и также бесшумно исчез в мокрой зелени.

Русский старлей и двадцатилетний чеченец смотрели друг на друга. Глаз никто не отводил, и думали они об одном и том же: кто или что заставляет их убивать друг друга? Мутно-серый рассвет, такой же нелепый и грязный, как и вся эта война, плыл над их головами. Небо Ичкерии или небо империи? От серости и сырости зелень вокруг такая же неясная, как на долларовых купюрах. С чего это о валюте подумалось? Оттого ли, что вся кровь на них здесь замешена? И кто остановит эту войну, если восьмилетний чеченец, что попросил у Китаева патрон, повертев его в руках, сказал ему: “Спасибо, вырасту — убью тебя этой пулей”. “А я уже никого этой пулей не убью”, — ответил Китаев. Он тогда вспомнил рассказ деда. Во время штурма Берлина меткий фриц сжег наш Т-34 фаустпатроном на глазах взвода, которым командовал дед. Выстрел был сделан из окна первого этажа полуразрушенного здания. Взвод деда ворвался в дом, и в пустой комнате, посреди обломков мебели и кусков штукатурки бойцы увидели трясущегося от страха паренька лет двенадцати. Он плакал и шептал что-то про своего любимого Гитлера. Дед сказал, что никогда до и после этого не видел в глазах одновременно столько страха и решимости умереть. Пацан был уверен, что русские его сейчас расстреляют. И расстреляли бы, будь ему хоть на пару лет больше. А так... Снял бывший донской казак с себя ремень, стянул штаны с этого гитлерюгенда и давай охаживать по голой заднице. И вот тогда немецок совсем по-другому завыл, по-детски. И звал уже на помощь не Гитлера, а маму-мutter.

— Так ты говоришь, появился русский инженер и?..

— Он предсказал, каким будет этот бой. Я не выстрелил в тебя, когда ты шел со своими солдатами по дороге. Потом он исчез. Растворился в воздухе, как джинн. С ним был еще один. Он тоже исчез.

— Фантастика какая-то. Откуда ты знаешь, что он инженер?

— Я сам убил его. Они ставили новую вышку...

— А ты решил, что лучше жить без электричества?

— Он часто приходит ко мне. Это был единственный человек, которого я убил не в бою.

— Тогда зачем?

— Брат приказал.

— А если бы брат приказал стрелять в ребенка?

— Я не зверь. Поэтому ты сидишь здесь живой и думаешь, что можешь взывать к моей совести. Ты уверен, что ни одна твоя пуля, когда вы врываетесь в наши села, не попала в женщину или ребенка? А может, бомбы ваших самолетов умные и гоняются только за вооруженными мужчинами?

— Мы не штурмуем роддома, не прикрываемся беременными женщинами, не отрезаем головы восемнадцатилетним парням и не превращаем людей в рабов, — опустил голову Китаев.

Снова зависло молчание.

— Я отпущу тебя, — решился, наконец, Китаев. — Но без оружия. Я не буду брать с тебя клятву, что ты не будешь больше воевать, это бессмысленно.

— Я тоже не буду брать с тебя клятву, что ты не будешь воевать. Это бессмысленно. Но я хочу, чтобы ты понял, что я не трус. Поэтому я остался. Я просто устал убивать.

— Я понял, что ты не трус. Знаешь, я сам себе не поверил бы еще пять минут назад, если б кто-нибудь мне сказал, что я отпущу боевика.

— А я еще пару часов назад не поверил бы, что не выстрелю в такую прекрасную мишень, как ты.

— Уходи, — сказал Китаев, — надеюсь, мы больше никогда не встретимся.

— На все воля Аллаха, — ответил Алейхан, поднимаясь.

На мокрой серо-зеленой траве осталось лежать любимое оружие.

Он пошел в сторону, откуда только что пришел Китаев. Под одним из кустов по ходу движения машинально поднял плоский картонный прямоугольник. Это было новое служебное удостоверение Кошкина. “Инженер-конструктор”, прочитал Алейхан, минуту постоял, но возвращаться к старшему лейтенанту не стал. На дату выдачи удостоверения Алейхан не обратил внимания. Сунув его в карман, он побежал в сторону от дороги.

* * *

Бекхан привязал русского сержанта к дереву. И даже подмигнул ему.

— Что, лапоть, будешь жить? Повезло тебе. Но если ты еще раз попадешь мне в руки, то я этими руками обязательно буду держать твою голову. Отдельно от туловища. Понял?

Сержант промолчал.

— Хорошо, что ты не обоссался, как твой напарник, а то от вас русских и так пахнет псиной.

Больше Бекхан не разговаривал. Кивнул четверым спутникам, и они быстрым шагом стали подниматься в гору. Бекхан знал, что Дорохов его не обманет, но ждать здесь вертолетов не собирался. Усман был ему больше не нужен. Усман попробовал наркотики, Бекхан видел руки этого соплика с метками смерти. Усман больше не воин. Теперь он вообще больше никто. Он забыл, что наркотиками надо кормить русских свиней, чтобы у них совсем не осталось мужчин. Усман боялся смерти, попробовал героин и думал, что станет асасином. А стал ишаком! Можно было бы зарезать русского сержанта, но тогда майор будет гнаться за группой до тех пор, пока не сотрет подошвы своих сапог, а если сотрет, то погонится босиком. Этот офицер из тех служаек, что кладут свою душу не за страх, а за совесть. Таких любят солдаты... и снайпера. Нет, есть другой план: пусть русские привяжут на это место Усмана, обложат его со всех сторон и ждут, что Бекхан придет за своим человеком. Дождутся... когда Усмана начнет ломать. В такой ситуации не пожертвовать слабаком, тем более из другого рода, было бы неразумно.

Бекхан вел своих людей в горы, где его ждал Руслан. Хотелось принести с собой побольше оружия и обмундирования, но вот — не получилось. Ничего, зато есть еще деньги. На них можно купить у продажных гяуров це-

лый танк. Но пусть пока полежат... Руслану идут деньги из Аравии, а у Бекхана тоже должна быть своя сберкасса. И не одна. В конце концов, их род собирал эти деньги не только на войну с кафирами, а точнее — вообще не на нее. Сколько русских, ингушских и армянских домов продали! Вместо этих халуп виделся Бекхану дворец на берегу моря, и ради этого дворца он готов был бежать вверх по этому склону бесконечно. А еще ради этого дворца он продавал не только отобранную недвижимость, но и тела погибших воинов. Русские не знают цену мертвым. Их покойников выкупают только матери с бесцветными, выплаканными глазами, с которых нечего взять, кроме собранных сослуживцами мятых рублей, в лучшем случае — цену проданной хрущевки или дома на окраине рабочего поселка. А чеченцы уважают своих покойников больше, чем живых. Перед покойником у родственников две обязанности: похоронить до обеда и отомстить, если он убит. Русские за одного живого пленного десять убитых чеченцев готовы дать. И тогда главное, чтобы эти люди оказались из другого тейпа, а уж тейп их всегда выкупит. В этом нет ничего предосудительного, нормальный бизнес по-кавказски.

Подумав об этом, Бекхан покосился на сродного брата Ибрагима, который шел рядом и пытел под тяжестью двух автоматов (один — Усмана) и гранатомета. Ибрагим был из бедной семьи и воевал, рассчитывая разбогатеть. Поздно спохватился. Надо было делить дома русских, когда их еще из них не выжили, а он играл в благородного, даже позволил переночевать в своем доме хирургу из районной больницы, который бежал в Ставрополь. А потом спохватился и перепрофилировался из водителя большегрузных машин в специалиста по тяжелому вооружению и минированию. Воевал без рвения, но был исполнительен и надежен. Правда, Бекхана несколько беспокоило, что Ибрагим знает, где они с Алейханом сделали тайник. Тогда подумалось: пусть прикрывает от лишних глаз, а теперь думается — не будут ли его глаза лишними? Неразговорчивый и сдержанный Ибрагим ни разу не спросил, что братья прятали в землянке. Его устраивали триста долларов и трофеи, которые он ежемесячно отправлял семье, но как долго такое положение вещей будет его устраивать? По себе Бекхан знал, что жить хочется только лучше и лучше, и он предпочел бы не воевать сейчас с русскими, а нанимать их в качестве дешевой рабочей силы, или вообще покупать за бесценок рабов. Только вот работу для них осталось придумать. Дом у моря в воображении вырисовался до мельчайших деталей, а из чего потом делать деньги, чтобы превратить дом во дворец, Бекхан не знал. Единственное, что он умел — убивать.

Услышав в небе гул вертолетов, Бекхан остановился. Они оказались рядом раньше, чем он рассчитывал. А нужно было еще дождаться Алейхана. Место было назначено заранее.

* * *

До 8 часов вечера Грум выкурил полпачки сигарет и переживал только о том, что салон новой машины быстро пропахнет табаком. После восьми он позволил себе прикурить одну сигарету от другой, потому что ни один из ведомых объектов за воротами КПП не появился. Ни этот задумчивый инженер, ни кавказец с откровенно хищной мордой. Попиликав на цифрах мобильного, он услышал усталый голос Русского.

— Вова, это я, тут нерусский никак не обозначился, и твой клиент появляться не хочет.

— Вздор какой-то! Я ему сейчас позвоню... Черт! У меня нет его рабочего телефона! Там же, блин, сплошные секреты. Ты думаешь...

— У нас ты думаешь, — поправил Паткевич.

— М-да... Вадик, а как этот... нерусский туда попал?

— На работу устроился.

— И ты никого из наших людей не ввел туда следом?

— Да он только сегодня оформляться стал. Кто ж знал?!

— А-а-а, блин! У тебя есть план?

— Да, лобовая атака, стоимость — пару штук зеленыю.

- После твоей сегодняшней покупки я ничему не удивляюсь.
- Тебе жалко?
- Нет, извини.
- Ладно. Ну так делать?
- Делай.

На параллельной улице, где располагалась промышленная зона еще не загнувшейся от рыночных к ней отношений автоколонны, Грум нашел все необходимое в виде самосвала марки “КрАЗ” и малорослого, слегка подда- того водителя, который, матерясь, заполнял в кабине путевку.

— Братан, — окликнул снизу Грум, — красные раздвижные ворота на соседней улице знаешь?

- Это у ракетчиков что ли? А че?
- Твой зверь пробить их сможет?
- Как два пальца облизать!
- Ну так давай, пробьем.
- Ты, случайно, не чирикнутый?
- Тебе, случайно, не все равно? Я бабки плачу. Закосишь под пьяно- го. С рук сойдет.

— Да ты че?! На фиг мне такие приключения? Меня ж с работы выпрут!
 — Штуку баксов, — отрезал Грум.
 — Не-ее... Че я потом начальству скажу? Вдруг охрана стрелять начнет.
 — Ну ладно, я думал “КрАЗом” сподручнее, там, в переулке, “КамАЗ” стоит, водила за две штуки согласился, боится только, что кабина отсте- гнется ... — и Вадим сделал вид, что уходит.

- Две штуки? — переспросил вслед водитель.
- Ага, — не оборачиваясь, подтвердил Грум.
- Это... А если меня судить потом вздумают?
- Не суди, и не судим будешь! Отмажем, — остановился Вадим. — Вы- гонят с работы, обещаю, что без работы не останешься. А зарплата еще боль- ше будет.

- Врешь ведь?
- Я никогда не вру, мне это незачем.
- Ну, смотри, — водитель погрозил невозмутимому Груму пальцем, от- чего тот чуть не улыбнулся третий раз в жизни.

В ста метрах от цели “КрАЗ” замер, урча перед стартом. Растрепанная голова водила вновь высунулась в окно, он поманил Грума рукой и, выти- рая со лба пот, потребовал:

- Давай деньги вперед. Так не поеду.
- Грум слегка испепелил его взглядом, плюнул под ноги.
- Ладно, стой здесь, через десять минут буду.

И в этот раз Паткевич позволил себе малость поволноваться из-за того, что придется рвать движок новой машины. Но, с другой стороны, была оп- равданная возможность отвести душу. “Эмджи” рванул с места так, словно ему, а не “КрАЗу” предстояло пробить ворота. Вписавшись в поворот под прямым углом на скорости, близкой к ста километрам в час, Грум оставил изумленного напарника-подельника с открытым ртом.

— Такие вместо водки чистый адреналин хлещут, — резюмировал тот, вспомнив приговорку автопарковских.

* * *

Горы протолкнули, страхнули со своих вершин серую промозглую серя- тину. На востоке, где, казалось, еще минуту назад должна была разразиться гроза, а из темно-фиолетовой гущи посыпаться стрелы молний, вырвался ос- лепительно яркий луч солнца. Он словно пробил дорогу ветру, и в течение получаса видимая часть неба очистилась. Запоздало проснулись птицы, и лес наполнился звуками жизни. Алейхан воспринял это, как знамение.

Больше двух часов он шел на восток, в сторону Дагестана, а не на юг, в сторону Грузии, где его должен был поджидать Бекхан. Алейхана ноги са-

ми несли к уютному тихому жилищу Дамана. Он прекрасно понимал, что теперь становится изгоем для всех: на первом же блокпосту его, появившись он там, если не сразу поставят к стенке, то профильтруют по полной программе, и вся жизнь закончится где-нибудь на кошмарной зоне в средней полосе России, если же свои узнают об отступничестве — то уж точно — в лучшем случае расстрел. И заступничество брата, что ходит в друзьях у Гелаева, вряд ли поможет. Поэтому Алейхан испытывал два чувства. Чувство страха, похожее на то, что может испытывать изгнанный из стаи волк, и другое — похожее на величайшее душевное облегчение. Последнее подпитывалось неясными надеждами и туманными видениями новой жизни. Нет, волчья судьба с постоянной беготей по лесу за кровавыми вожжаками, которые забирают себе лучшие куски добычи, эта тошнотворная боязнь красных флажков и открытых пространств, и смутная надежда стать вожжаком, чтобы, опьянев от ночных вылазок и сомнительных побед, наступить на мину, — нет, такая жизнь больше не манила Алейхана.

В древней полуразрушенной башне на окраине аула Алейхан перевел дыхание. Пытался обдумать, что сейчас скажет Даману, как подойдет к Айзе, но ничего не получалось — в душе, в сознании — полное смятение, ветер, который дует во все стороны.

Даман, как всегда, с утра работал на своем огороде. Рабов у него не было, хоть не раз предлагали. Бекхан даже хотел подарить ему раненого русского контрактника — подлечишь, твой будет. Но Даман наотрез отказался. Жена, мать Айзы, умерла два года назад от рака груди, новую женщину Даман в дом так и не привел. Еще одна странность седого героя...

Увидев Алейхана, да еще и без оружия, Даман воткнул лопату в скудную землю и замер, пытаясь взглядом прочитать смятение на лице воина. Алейхан выдержал взгляд и, подойдя ближе, сказал:

— Мир тебе, Даман.

— И тебе мир, Алейхан, если ты его действительно несешь, — странно ответил отец Айзы.

— Я ушел из отряда, решил — больше не буду воевать. Ты знаешь, почтенный Даман, что я давно люблю твою прекрасную дочь, но сейчас у меня нет сватов, чтобы они пришли в твой дом. У меня нет калыма...

— Постой, — прервал Даман, — разве я говорил тебе хоть раз о калыме. Если ты пришел просить у меня руки моей дочери, спеси сначала у нее. Я думал, ты меня знаешь. Меня не интересуют деньги, меня не интересуют отары овец, меня, в этом случае, не интересует даже мнение Аллаха, меня интересуют только покой и счастье моей дочери. Я хочу увидеть здоровых и жизнерадостных внуков, Алейхан. Сможешь ли ты понять это?

— Прости, отец, — тихо сказал Алейхан и с огромным трудом сдержал подступившие к глазам слезы.

Мудрые глаза Дамана уловили минутную слабость молодого человека, он положил руки ему на плечи.

— Это неправда, что мужчине нельзя плакать. Я не знаю, как по-другому можно очистить, облегчить душу. У христиан это называется катарсис. Знаешь, я плакал, когда умерла моя Сана. И мне было наплевать, что скажут об этом другие мужчины. Требуется больше мужества, чтобы оставаться самим собой, чем играть по придуманным кем-то глупым правилам. — Даман отпустил плечи Алейхана и повернулся в сторону дома. — Айза, дочка, выйди на улицу, к тебе пришли.

И Айза вышла. Черные алмазы глаз только раз сверкнули в сторону Алейхана, который потерял дар речи, ибо особенно прекрасной казалась она ему в этот решающий час. И стояла она, склонив голову, опустив руки, стройная, в облегающем темном платье, черная прядь волос на мраморном челе. Воистину, велик Аллах, дыханием которого живет красота в этом мире. И хотелось легким движением сорвать с нее платок, чтобы густые, черные, как ночь в горах, волосы, опустились на хрупкие плечи.

— Айза, доченька, Алейхан решил уйти от войны, он просит твоей руки, — вкрадчиво спросил Даман.

Айза еще больше опустила голову.

— Я знаю, что он тебе нравится, и если ты согласна, то я хотел бы, чтобы вы уехали. Уезжайте куда-нибудь подальше от этой грязной бойни. Хочешь к тете Радиме в Красноярск? Там Сибирь, холодно, но там красиво и спокойно. Если Алейхан останется здесь, его либо заставят продолжать воевать, либо убьют.

При этих словах Айза вздрогнула, подняла глаза на отца.

— У меня есть деньги, я отдам их вам, на первое время хватит. Тебе надо учиться, ведь ты даже не закончила школу. Не верь тем, кто говорит, что женщина не должна учиться! Твоей матери институт не мешал быть хорошей женой и настоящей матерью. Ты знаешь, до конца жизни она учила детей...

Здесь в разговор вступил Алейхан.

— У меня тоже есть деньги. Много. Там — в лесу, — он кивнул на склон ближайшей горы. — Половина там моя. Мы можем уехать в Турцию. У меня есть загранпаспорт, есть связи в Аджарии. Уедем через Аджарию. Можем уехать в Эмираты. Можем даже в Японию... Куда скажешь?! Я люблю тебя, Айза, люблю так, что жизнь моя без тебя может быть только мучением.

— Я боюсь оставлять отца, — тихо ответила Айза.

— Не бойся, дочка, — обнял ее Даман, — ты же знаешь, у меня есть бумага от самого Джохара, а для русских у меня есть орден. Я не могу бросить здесь могилу твоей матери. Когда все кончится, вы вернетесь.

— Это еще очень долго не кончится, — Айза посмотрела в глаза отца, и он промолчал, знал, что она права.

— Куда бы ты хотела поехать?

— Помнишь, ты мне рассказывал про Ленинград, что он красивый, мосты и дворцы...

— Теперь он называется Санкт-Петербург.

— Поедем туда! — Алейхан мог сейчас задохнуться от наступающего счастья. — Я сегодня же пойду и принесу свои деньги!

— Не ходи туда, Алейхан, — попросил Даман, — не надо. Эти деньги вряд ли принесут вам счастье. Да и кто позволит тебе их забрать?

— Я заберу только свою долю. Бекхану сейчас не до меня, он идет на юг, на соединение с отрядами Руслана, там они планируют какую-то крупную операцию.

— Ты думаешь, Бекхан не будет тебя искать?

— У него на хвосте очень настырный русский майор. И ему еще надо вызволить Усмана.

— Плевать ему на Усмана, а вот тебя он будет искать до конца жизни. Не ходи, Алейхан. Деньги нужны, но это не самое главное. Главное сейчас — не терять времени.

— Я не могу быть нахлебником, — твердо возразил Алейхан, — и я хочу, чтобы наша поездка была не хуже, чем свадебное путешествие.

Даман в ответ только покачал головой.

* * *

Погода переменилась, становилось жарко. Уже больше двух часов Бекхан ждал Алейхана. Нервничать начал даже Ибрагим. Неужели русские смогли его захватить? Бекхан отгонял эту мысль и проклинал себя за то, что выставил чересчур горячего брата в охранение. Ведь это он предупредил выстрелом, что дом окружают. Почему не сделал этого раньше? Мало ли какие были вокруг обстоятельства. Так или иначе, Алейхана не было, и нужно было менять все планы.

— Будем возвращаться, — объявил остальным Бекхан. — Вернемся сначала на базу, потом узнаем, что могло случиться с Алейханом.

В этот момент у Бекхана была только одна мысль: если Алейхан попал в плен живым, его можно обменять или выкупить. Поэтому он решил идти к заветной землянке.

Никто из бойцов не возражал. Да и не стали бы. Последнему, кто осмелился возражать командиру, Бекхан сделал лишнюю дырку в голове, чтобы из нее улетучились дурные мысли. Правда, рассчитал верно, за убитого некому было мстить.

Когда они уже подходили к базе, которую предусмотрительный Бекхан приказал сделать еще до начала войны, прошло несколько часов. Начинало темнеть. Усталость и нервное напряжение заставляли всех молчать. На подходе к лагерю Бекхан в полголоса отдал распоряжения: Ибрагим страхует Бекхана на случай засады, остальные залягут и возьмут лазы под перекрестный огонь. Свидетели в землянке ему были не нужны.

Велико было удивление Бекхана, когда он по дальнему лазу тихо, как кошка, приблизился к землянке и увидел там Алейхана, который укладывал в спортивную сумку пачки долларов. На врытом в грунт столе горел фонарь. В зияющем своей беззащитностью тайнике еще оставались деньги и документы. Зато не осталось никаких мыслей в голове у Бекхана, только затаилось нехорошее предчувствие, похожее на то, которое испытывает старый пес, наблюдающий щенка, крадущегося к его миске с мясом.

— Что ты здесь делаешь, брат? — слова из Бекхана вышли как по лезвию кинжала.

Алейхан вздрогнул и обернулся. Он был настолько занят своими подсчетами, что его уникальный слух не включился на приближающуюся опасность.

— Бекхан? Я все тебе объясню...

— Объясни. Начни с оружия, где ты его оставил? — Бекхан сел на лавку, поставив у ног “калашникова”.

— Бекхан, сегодня мне было видение... Ты можешь мне не поверить. Но мы все должны были погибнуть. Я решил, что больше не буду воевать...

— Поэтому ты пришел забрать наши деньги?

— Нет, брат, я беру только свою долю.

— И ты хочешь, чтобы я этому поверил? Ты пришел сюда один, как вор, ты бросил оружие, как последний трус, бросил нас, и ты хочешь, чтобы я поверил? — Бекхан накалялся, как бывало с ним в последнее время. — Что я сделал тебе плохого, Алейхан, чтобы ты так поступил со мной? Ты не подумал о том, что я мог вернуться сейчас туда в поселок и начать бой, думая, что ты убит или попал в плен?

— Бекхан...

— Молчи, щенок! Я научил тебя самому главному, я научил тебя быть мужчиной, быть воином! И теперь ты предаешь меня! Наверное, уже мечтаешь о русских телках в Сочи! Курортный сезон начался. Но мы могли бы поехать отдыхать вместе. За что ты так со мной? Ведь я отдавал тебе последнее! Я нес тебя на руках, когда тебе прострелили ногу! Ты собрался отдохнуть? Устал? Почему ты не позвал брата?

— Бекхан, мне не нужны русские телки, мне не нужны Сочи, я собираюсь жениться на любимой девушке...

— А о моей семье ты подумал?! — в этот момент сознание Бекхана помутилось от злости и обиды, схватив автомат, он с размаху ударил Алейхана прикладом в лоб.

Тот отлетел к дальней стенке и осел в углу, потеряв сознание. Но Бекхан еще несколько раз ударил его, тряс за грудки и все время кричал. Потом снова отшвырнул Алейхана на скамью. Из куртки его выпал красный прямоугольник. Удостоверение, очень похожее на те, что таскают с собой вездесущие чекисты. Бекхан поднял его и раскрыл. С фотографии три на четыре смотрел мужчина средних лет в штатском. Подумрак землянки не позволял рассмотреть его лучше, хотя Бекхану показалось, что он видел это лицо раньше. Больше всего его удивила дата выдачи удостоверения. Две тысячи первый год... Подделка?.. Алейхан предался русским? Не может, не должно быть! Теперь Бекхан не мог верить никому. Что? Позвать Ибрагима и начать пытаться родного брата, чтобы позор упал на весь род? Нет, только не позор. Струсил Алейхан или предал, решил ли в одиночку откупиться от федералов — лучше ему навсегда остаться в этой землянке, а в памяти остальных он будет жить отважным снайпером, о котором будут рассказывать

мальчишкам. Бекхан передернул затвор, но потом отложил автомат в сторону, достал дедовский еще кинжал, которым гордился. Кинжал, что резал и протыкал кафиры еще в ту, далекую войну, закончившуюся, по мнению навивных историков, в ауле Гуниб. Кинжал, который дед смог спрятать во время депортации... Кинжал, которым Бекхан хотел сейчас убить брата, и удерживало его руку только одно сомнение: он не знал, хочется ли ему, чтобы Алейхан пришел в себя. Так и замер он, вскинув руку, глядя на лезвие, по которому, предваряя кровь, текла арабская вязь: Бисмилляхир-Рахмаанир-Рахим...

* * *

Так и замер он, вскинув руку с нелепым, но все же опасным кухонным ножом, обретая новую память и еще до броска убивая ненавидящим взглядом русского инженера Кошкина, удостоверение которого носил в кармане все эти годы. Замер одновременно и в прошлом и будущем. И Сергей Павлович правильно оценил растяжимость этого решающего мгновения, в котором переплелись судьбы прошлого и будущего, и, в сущности, не было настоящего, потому что оно уже произошло, и ход его был другим. Нет, это не Кошкин менял посредством своего изобретения настоящее, прошлое или будущее, если здесь и присутствовало движение человеческой воли, то оно являлось всего лишь усилением векторной тяги высших сил, нисходящих отсюда, где давно уже был решен исход главных событий. Но он был единственным, кто оценил эту минуту верно, ибо две пули одновременно прервали безумный и отчаянный рывок Бекхана, и столкнулись в его сердце, расплющив друг друга, что по теории вероятности может случиться раз в миллион лет на одной из миллиардов планет. Столкновение пуль выпрямило Бекхана, лицо его не искривилось от смертельной боли, наоборот, осветилось торжествующей улыбкой, словно он только что узнал что-то самое важное в этом мире.

— Аллаху акбарэ, — был последний выдох Бекхана, но не потому, что акт его смерти был освящен глубокой верой, просто угасающее сознание подвело черту своей деятельности именно этой фразой.

Медленно оседая на пол, он одновременно исчезал, растворялся в застоявшемся воздухе лаборатории, который пришел в движение от незнакомого запаха сгоревшего пороха и оружейной смазки.

— Я не помешал? — сухо осведомился Грум, пуля которого догнала Бекхана в спину, дабы обозначить свое неожиданное присутствие, и замолчал, пораженный увиденным. Даже забыл опустить пистолет.

На полу, где только что лежал Бекхан, осталась лишь маленькая красная клякса — удостоверение Кошкина. И ни одной капли крови. Вот, пожалуй, это и был тот ненаучный, мистический момент, когда время, несмотря на все открытые и неоткрытые, действующие, теоретически обоснованные и необоснованные законы физики, остановилось.

Сергей Павлович первым пришел в себя.

— Зря вы стреляли, все должно было решиться там, а не здесь. Я даже представить себе не могу, какой ворох причинно-следственных связей мы в очередной раз нарушили. Я не берусь и приблизительно предполагать, что может стать с человеком, которого убили в несовершенном будущем.

— Но он мог убить тебя! — начал оправдываться Дорохов, что продолжал лежать на полу в обнимку с карабином.

— Хорошо, что следов не осталось, — добавил Китаев, который до сих пор был разгорячен схваткой с Бекханом.

— Что значит несовершенное будущее? — вновь проявил себя Грум.

— А вы, позвольте спросить, кто будете? — прищурился на Паткевича Кошкин.

— По просьбе Владимира Юрьевича Рузского я слежу за тем, чтобы вы не порезались случайно кухонным ножом, а также оберегаю вашу персону от всяких возможных неприятностей, — доложил Грум. — А теперь все-таки ответьте на мой вопрос: что значит несовершенное будущее?

— С моей точки зрения — это будущее, решение главных событий которого еще не определилось в прошлом.

— Как здесь может происходить будущее? Что может быть вообще, кроме настоящего?

— Как, к примеру, вон тот табурет, — Кошкин кивнул на “оружие” Китаева. — Вам только кажется, что он присутствует здесь — в настоящем.

— Не понял? — Грум догадался, что пора спрятать пистолет.

— Чтобы убедиться в его реальном существовании, в том, что это, скажем, не оптический обман или мираж, вам придется подойти к нему и дотронуться, а значит — затратить несколько секунд, которые отделяют вас от него. А это, согласитесь, уже будущее. Через несколько секунд — это уже будущее.

— Черт! — оценил короткий научный экскурс Вадим Паткевич. — Но вы все же не волнуйтесь на счет пальбы. Когда одного урода хотят убить сразу два человека, а он находится на линии их огня, вряд ли ему удастся укрыться или увернуться, хоть в настоящем, хоть в прошлом, хоть в будущем. А эти люди вам ничем не угрожают? — осведомился Грум, с показным безразличием осмотрев Дорохова и Китаева.

— Это охранники, они здесь работают, — поспешил сообщить Сергей Павлович.

— Тогда позволю себе откланяться, — вспомнил Грум красивую фразу из какого-то одного или сразу из нескольких фильмов. — У вас тут даже мобильный не берет. Да, там, на выходе, небольшой кишин. Вздорный алкаш на “КрАЗе” вынес ворота. А в кабине у него нашли две тысячи долларов. Бывает же. Так что будьте осторожнее, — более Груму присутствовать здесь не полагалось, и он, красиво повернувшись на месте, так что черные крути от каблук оставались на кафеле, вышел из лаборатории.

После того, как шаги его стихли на лестнице, Кошкин обратился к своим войкам:

— Я думаю, вам есть о чем поговорить, а я очень устал, хочу спать. Завтра днем прошу вас обоих быть здесь. В полдень. Находиться рядом с этой машиной становится опасно, а мне нужно... нет, я просто обязан завершить еще два важных дела и выполнить одно обещание. Так я могу на вас рассчитывать, господа офицеры?

— Так точно, — ответили оба и наконец-то пошли навстречу друг другу, раскрыв объятия.

Уже на пороге, Кошкин остановился и, оглянувшись, предупредил:

— Я не думаю, что это чистый хеппи-энд, Лена мне всю жизнь вдалбливала, что таких в русской литературе не бывает, а жизнь, не зря говорят: как по книжке.

И все же сегодня Кошкин уходил победителем. Впервые за последние месяцы он почувствовал, что жизнь имеет смысл, а у побед еще может быть настоящий, нефальшивый вкус.

* * *

Вадим Григорьевич Яковлев шел по коридору второго этажа лабораторного корпуса, поминутно прикладывая к потной лысине большой клетчатый носовой платок. Потел он и от жары, и от нервов. А нервничать было от чего: у него под носом кустарно мастерят “паровоз времени”, вчера он позвонил в банк, и ему подтвердили, что на его имя открыт валютный счет, на котором покоятся сто тысяч долларов. Новый лаборант, что так рвался к производству российского оружия, на работу сегодня не вышел, ночью пьяный водитель “КрАЗа” соседнего автопредприятия напрочь вынес ворота КПП №1. Утром же в кабинете зазвонил телефон, и взволнованный мужской голос попросил его о встрече. На просьбу представиться — назвался Александром Ермоленко, владельцем автосалона “Хайстар”. Что-то подобное вроде слышать приходилось. Но более всего насторожил Вадима Григорьевича ответ господина Ермоленко на вопрос о причине встречи. Тот сбивчиво и

путано заговорил о чеченце, с которым Яковлев встречался в парке, а также сообщил, что сам видел, как этот человек возглавлял банду чеченских сепаратистов и даже был у него в плену. Тут было над чем подумать. И теперь, во-первых, Вадим Григорьевич, понял, что игра намного шире, что кроме фээсбэшников за ними в парке следил еще кто-то, и как бы не пришлось объяснять появление ста тысяч долларов компетентным органам, а, во-вторых, все это как-то упиралось в “машину времени” Кошкина.

Теперь он шел в лабораторию, дабы лично лицезреть этот агрегат, но был неприятно удивлен и одновременно раздражен, увидев там двух мирно беседующих охранников.

— У вас тут что — производственное совещание? — начальственно осведомился он.

Но те даже не соизволили встать с табуреток, а старший спокойно ответил:

— Нет, Вадим Григорьевич, мы тут выполняем поручение главного конструктора направления Сергея Павловича Кошкина.

— Какое еще поручение?

— Побить здесь и не допускать сюда посторонних.

— Ни в одном помещении этого здания я, как заместитель генерального конструктора, не могу быть посторонним, — даже сам Яковлев почувствовал, что лысина у него краснеет.

— Да, — согласился охранник, — вы заместитель генерального конструктора по общим вопросам.

— И?

— И, — опять согласился Дорохов, — общих вопросов у нас к вам нет, как, впрочем, и частных.

— Вы меня что — как это говорят — подкальваете?!

— Да что вы, Вадим Григорьевич, мы просто выполняем поручение Сергея Павловича.

— У вас что — нет своих непосредственных служебных обязанностей?

— Сейчас нет, закончились вчера в ночную смену, но охранять чистоту эксперимента нам вроде как никто не запрещал, а если внимательно прочесть должностные обязанности, то и предписано.

— Какого эксперимента?! Какую чистоту?! Тут вам не баня! Здесь научное учреждение закрытого типа!

— Вот именно.

Далее Вадим Григорьевич предполагал перейти на соответствующий данной ситуации крик, чтобы урезонить распоясавшихся солдафонов, позволяющих себе высокомерно ироничное отношение к начальству. Но в этот момент в спертом воздухе лаборатории резко запахло озоном, будто недавно здесь разразилась гроза, и прошел дождь, а кульминацией этого неатмосферного катаклизма стало явление Кошкина с пультом дистанционного управления (банальным инфракрасным излучателем) в руках, будто он срочно и неожиданно оторвался от просмотра любимых телепрограмм. Пришлось еще раз промокнуть лысину платком.

— Сергей Павлович? Что тут у вас за цирк происходит? Что за несанкционированные эксперименты и опыты?

— Здравствуйте, Вадим Григорьевич, — невозмутимо ответил Кошкин, по лицу которого блуждала неуместная блаженная улыбка, словно он только что прибыл из рая. — Во-первых, эксперименты санкционированные, во-вторых, секретные, в-третьих, я попрошу вас удалиться. Уж извините. Получите сначала эту самую санкцию на присутствие здесь у Марченко, или, на худой случай, у президента.

— М-да! Полный бардак! — резюмировал Яковлев, поворачиваясь на сто восемьдесят градусов. — Полнейший!

Упоминание президента привело его в полное расстройство и замешательство. Должность генерального в исполнении Вадима Григорьевича становилась фантастичнее, чем изобретение Кошкина. Но, проиграв тактическое сражение, Вадим Григорьевич мгновенно принял решение поменять стратегию. Вечером на встрече он вытрясет душу из этого автомобилиста Ермолен-

ко. Он узнает все! Нужно еще разобраться, какой интерес проявляют подозрительные чеченцы к оборонному предприятию? И президенту это будет не безразлично, контртеррористическая операция, что называется, в полном разгаре. Войдя в свой кабинет, он ринулся к столу и снял телефонную трубку.

— Здравствуйтесь, это Яковлев. Я вчера вам звонил по поводу счета... Какого? Ну, на мое имя, сто тысяч долларов. Я хотел бы знать, когда я могу их снять? Что значит — нет такого счета? Вчера был... Что значит — отозвали? Кто отозвал? Какая может быть тайна вклада, если он был открыт на мое имя? Да вы знаете, с кем вы...

* * *

В первый раз в жизни Ермоленко решил сражаться. После ухода Бекхана он метался по кабинету, швыряя рекламные буклеты и канцелярские принадлежности, и остановился только после того, как разбил в порыве гнева дорогую пепельницу. Пепельницу, как и переведенные на личный счет какого-то типа сто тысяч долларов, было жалко. Глядя на осколки, Ермоленко осознавал, что психовать бессмысленно. Убытки будут расти, а толку будет мало. И тогда он “упал” на телефон и стал собирать информацию. Это было не просто, но ему все же удалось узнать, кто такой Вадим Григорьевич Яковлев, которому он пожертвовал выручку автосалона за два последних дня. А служба безопасности аккуратно отследила маршрут Бекхана до парка и далее. Страсть к деньгам оказалась сильнее страха. И он решил сражаться за свои деньги. Уже вечером он отозвал из Промстройбанка платежку на имя Яковлева, а утром добился встречи с этим человеком. Два обстоятельства не давали ему покоя: интерес Грума во всей этой кутерьме, а также исчезновение Бекхана, которого аккуратно сопроводили до ворот “ящичка”, из которых он уже не вышел.

Ермоленко сделал несколько звонков, в том числе беспокоил свою крышу, намекнув, что есть некоторые силы, пытающиеся его шантажировать и занять под это дело приличную сумму из общего котла. Заручившись бандитским подкреплением, он почувствовал себя увереннее и вызвал к себе начальника охраны, который, собственно, и был протезирован на это место покровительствующей группировкой.

Мастер спорта по боксу, а по совместительству ээка с пятилетним стажем Верхотурцев как всегда развязно плюхнулся в кресло напротив, закинув ногу на ногу. Такие манеры не раздражали Ермоленко, потому как они и были манерами, а свою работу Верхотурцев и его бригада выполняли неплохо, даже если от нее за версту отдавало свежими сроками. Правда, и платить им приходилось соответственно. Но главную часть своей прибыли они брали с перепродажи угнанных у лохов машин.

— Петр Матвеевич, — уважительно начал Ермоленко, так уж они величались с самого начала.

— Слушаю, Александр Максимович, — в тон ответил Верхотурцев.

— Нам, вероятно, придется начать маленькую, а может и большую войну... — издали подступал Ермоленко.

— А че, надо так надо, не в первый раз. Я вам, Александр Максимович, вообще удивляюсь. Надо было этого хамовитого чечена тут на куски порвать. Он же не железный. Они щас припухли. Так что без особых последствий. Да и Грум тут зря выпендривался. С ним, конечно, мало кому стрелы набивать вздумается, но и он не на танке ездит.

— На нашем “эмджи”, — театрально вздохнул Ермоленко. — Но дело не в нем. Я хочу, чтоб вы собрали всех ребят, да и подкрепление обещано. Чечен, если объявится, нужен мне живой, но связанный. Мне с него сначала поиметь кое-что надо. Я, кстати, не удивлюсь, если он среди живых не числится.

— Свяжем и живого, и мертвого, — заверил Верхотурцев, — а если надо, то и в двух экземплярах.

Начальнику охраны понравилось собственное остроумие, но он не позволил себе хохотнуть. Не принято.

— Угу, — кивнул Ермоленко. — Сегодня вечером у меня важная встреча с одним чиновником, вы там попасите нас незаметно. На всякий случай. Верхотурцев просекал ходы на два вперед.

— Из “ящика” что ли? На которого чечен выползал?

— Точно.

— Сделаем, прессовать будем?

— Если потребуется. Но пока не стоит горячиться.

— Да, я вам забыл еще сказать, — вот тут Верхотурцев не сдержал победной улыбки, — в этом ящике еще одна знакомая вам личность работает.

— Что за личность? — насторожился Ермоленко.

— Да деваха молодая, красивая. Я у вас раньше фотографию видел, где вы с ней. Вы уж извиняйте, в сейф забыли кинуть, ну я и глянул. Видать, от жены прячете...

На последние слова Верхотурцева Ермоленко не обратил внимания, он вдруг ушел в себя.

— Варя? Она ж институт так и не закончила. Что она там делает?

— Хотите — пробьем?

— Пробейте, Петр Матвеевич. Аккуратно.

— Сделаем.

У Ермоленко в душе пронесся ностальгический ветерок. Образ тихой и прекрасной Вари заслонил на минуту стройные ряды полей на счетах. Подумалось, а почему бы ни взять ее на содержание? Каждый порядочный бизнесмен имеет любовницу.

Вечером Ермоленко встретился с Вадимом Григорьевичем в ресторане “Париж”. Здесь можно было не только отведать французскую кухню и оставить несколько зарплат врача или учителя за бокал вина, но и полюбоваться точной миникопией Эйфелевой башни, а также уединиться в отдельный номер для приватной беседы. Так и сделали Ермоленко и Яковлев, чтобы подальше от посторонних глаз провести пристрелочную беседу. Долго они ходили вокруг да около, подороже продавая информацию и нащупывая возможность союзнических отношений. Но к десерту, когда после бутылки арманьяка 1914 года они перешли на божоле, разговор стал конкретнее и даже, если это возможно между двумя такими людьми, теплее.

— За что вам хотел заплатить Бекхан? — спросил Ермоленко.

— За то, чтобы я его устроил к нам на работу.

— И?

— Он начал с прогула.

— Я уверен, что он искал у вас нечто весьма важное.

— А то, для меня это уже не секрет. Но для всех остальных — государственная тайна.

— Хм, сколько стоит?

— Ну, знаете ли, может, у вас жучок под столом.

— Да это вы, милейший Вадим Григорьевич, водите за собой на стрелку офицеров ФСБ. А я бизнесмен, я готов вкладывать деньги. К примеру, в наш союз. За мной, знаете ли, тоже люди стоят.

— Догадываюсь, — показал на пальцах братковскую козу Яковлев.

— А что? Это настоящие хозяева страны, а не продажные чиновники. Эти, если обещают, делают. Они пустых звуков не издают. И я тоже. Вот, — Ермоленко достал из-под стола кейс, — здесь, Вадим Григорьевич, ваши деньги, сто штук, и не на бумаге, а наличкой. Я отдам их вам, как вклад в наш долговременный союз. Но!.. Никаких лиц кавказской национальности! Никаких подстав. Работаем честно на общую выгоду. Думаю, ваша военная тайна, стоит такого предложения.

Яковлев не удержался и щелкнул замками чемоданчика:

— Меня, знаете ли, со вчерашнего дня пытаются обмануть. — И умолк, пораженный красиво упакованными пачками. Такое ему доводилось видеть только в кино.

— Хотите, чтоб не возиться с крупными суммами, я оформлю на вас хорошую тачку из своего салона? Вам бы очень пошел “линкольн-навигатор”.

Такой солидный черный вседорожник. Сказка! — владелец автосалона выдержал многозначительную паузу. — Так что от вас было надо Бекхану?

— Машину времени, — испытующе посмотрел на собеседника Яковлев и пригубил вино.

— Шутите? — даже ухом не повел Ермоленко.

— В том то и дело, что нет, — ответил, выдержав паузу Вадим Григорьевич. — Так сказать, опытная модель. Паровоз братьев Черепановых представляете?

— Не очень.

— Ну тогда, скажем, первый автомобиль. Паровой был. Ползал кое-как, но все же ползал. Ну а теперь представьте себе то же самое относительно времени.

— Черт! Неужели такое возможно? Не, — точно испугался, усомнился Ермоленко, — лабуда, наверное...

— Проблема в том, что изобретение уже на контроле правительства.

— А при чем здесь Росвооружение? Что, на машине времени воевать можно?

Яковлев едко ухмыльнулся:

— Не умеете вы мыслить масштабно. Даже если не удастся создать в ближайшее время мощный агрегат, то и маломощная машина представляет собой ужас для противника. Вы ж были в горячей точке?

— Ну? — этого Ермоленко вспоминать не любил.

— Во-от! Сидите вы на каком-нибудь блокпосту, а на вас совершают нападение. Вы сообщаете в штаб. И тут вылетает с базы вертолет, на котором стоит этот агрегатик. Догадываетесь дальше?

— Нет.

— Прилетает он сразу на полчаса раньше, чем произошла заварушка, и от нападающих еще до боя остаются рожки да ножки. Вот вам и настоящий превентивный удар.

— Ё-моё! Так такую штуку и на ракету приспособить можно. С ядерной боеголовкой. Ё-моё, — уже не скрывал восторга Ермоленко, — это ж какие бабки! Ну теперь понятно, чего этот чечен так тут вертится. Вадим Григорьевич, это надо быстро и по-тихому поджимать под себя. Любыми путями. Вы можете на меня рассчитывать по полной!

— Я вообще удивляюсь, Александр Максимович, что наш город еще не заполонили агенты ЦРУ. Эх, если бы вы знали, какой тюхля додумался до этого изобретения!

— Лох?

— Полный лох! Из этих, знаете, сознательных, с повернутым патристическим сознанием.

— Меня еще в армии от них тошнило... — зло выдавил Ермоленко, но тут же переменялся: — А не подскажите, Вадим Григорьевич, что в вашем ведомстве делает девушка по имени Варя Истомина?

— Не припомню, — наморщил лысину Яковлев.

— Ну, такая черноволосая, стройная, глаза горят!

— Одна такая моет каждый вечер мой кабинет. Точно! Ее Варя зовут!

— Моет кабинет? — то ли спросил, то ли получил огромное удовлетворение от ответа Ермоленко. Идея о содержанке-любовнице вновь посетила его коммерческие мозги.

— А деньги вы, Александр Максимович, — улыбнулся Яковлев, — верните лучше обратно в Промстройбанк, мне так спокойнее. С таким чемоданом по городу ходить, роту охраны надо.

Образ Вари в сознании Ермоленко снова заслонила полевой командир. Злоба и стыд за свое малодушие были сильнее всех других чувств. Теперь, думая о Бекхане, Ермоленко позволил себе едкую парфразу: "Свинопас, говоришь? Вот мы тебя и выпасем, свинья".

Они вошли во двор в строго рассчитанное время. Показания Амалии Гвидоновны были точны. У подъезда Мариловны топтался худощавый парень, одетый не по сезону. Кожаная куртка под июньский тополиный пух никак не подходила. Зато хорошо сочеталась с армейскими ботинками. Он нервно переминался с ноги на ногу и озирался по сторонам.

— Он, — уверенно сказал Кошкин.

— Пойдем, поглядим, что за фрукт.

Чем ближе они подходили к незнакомцу, тем больше менялся в лице Дорохов.

— Ни фиги себе война! — оценил он ситуацию. — Знал, что земля маленькая, но чтобы настолько!..

Сергей Павлович вопросительно посмотрел на друга.

— Это Усман Джабраилов. Мне его Бекхан оставил в качестве гарантии, — вполголоса пояснил Дорохов. — Навсегда оставил. Не нужен он ему был. Кому наркоманы в армии нужны? Мы потом его отфильтровали по полной. Наверное, под амнистию попал. Как его сюда-то занесло?

В это время парень повернулся и тревожно замер, впившись взглядом в глаза Дорохова.

— Ну, здравствуй, Усман, — прищурился Василий Данилович, — что, совсем худо жить стало, старушками промышлять начал?

— Ай!? — Усман аж подпрыгнул. — Ты откуда, майор? — и попятился. — Ты... Как ты узнал?! — в руках его появился обрезок арматуры.

— А вот железом махать не надо, — вкрадчиво попросил Дорохов, — а то я тебя вместе с твоей палкой переплавлю, сукин ты сын.

Усман продолжал пятиться, а Дорохов наступать. В какой-то момент изъеденные героинном нервы Усмана лопнули, он кинул в Дорохова арматуру и, резко повернувшись, побежал. Дорохов кинулся следом, а Кошкин в растерянности остался стоять у подъезда.

— В одном Амалия Гвидоновна была не права: этот точно Достоевского не читал, и мук совести у него не будет, — вслух подумал Сергей Павлович и приветливо глянул на окна доктора медицинских наук. Седая носатая головка приветственно покивала ему: мол, молодцы ребята, подозрительного типа прогнали.

Спустя пять минут вернулся запыхавшийся Дорохов.

— Никогда бы не поверил, что наркоманы так бегают. Запрыгнул гад в маршрутку, а я не успел. Тачку ловить бесполезно. Может, в милицию ориентировку дать? Он ведь другую жертву найдет.

— Это ты себе в прошлом посоветуй, — охладил его пыл Кошкин. — Ничего, Вася, у него теперь все не так пойдет. А мы, считай, провели самое безболезненное хирургическое вмешательство. Пошли, пока Мариловна не появилась, а то будем чай до второго пришествия пить. Нам теперь нашу бабульку вернуть самое время, если она там с ума не сошла.

— У-ё, — поежился Дорохов, — ты ж боялся в будущее.

— Да уж, — признался Сергей Павлович, — но мы, как говорится, на минуточку и недалеко, будем посекундно проверять. Типа как по секторам.

— Прочесывать, — подсказал майор запаса.

— Ого! — воскликнул адвокат Михаил Маркович Бирман, рассматривая содержимое большого конверта, который получил позавчера из рук нового и странного клиента.

По предписанию того самого клиента в условленное время, когда в кабинете адвоката не раздавался контрольный звонок, и был вскрыт этот конверт, в котором оказались фотографии, аудиокассеты, расписки, видеокассета и две тысячи долларов гонорара, что причитался Михаилу Марковичу за предстоящие заботы о содержимом пакета.

На снимках сержанты и прапорщики российской армии находились в кругу боевиков. По всему было видно, что они не в плену, а заключают сделки. На кону стояло обмундирование, патроны, автоматы, гранаты и даже гранатометы. К фотографиям прилагались расписки. Красным маркером было выделено на фотографиях только одно лицо, а на расписках — звание и фамилия: “мл. с-нт. Ермоленко”. Видимо, круто держали этого парня боевики за одно место, раз он оставлял им такие компрометирующие бумаги. По-привычке Михаил Маркович заглянул в городской справочник “Деловые люди” и не ошибся. “Ермоленко А. М., директор автосалона “Хайстар”, владелец автозаправочных станций, соучредитель...” И т. д. И т. п. Особо отметил себя адвокат, что сей удачливый молодой бизнесмен является залем известного рыбного магната. Данное обстоятельство несколько настораживало и сулило непредсказуемые последствия, но, в сущности, никто не мешал Михаилу Марковичу честно отработать полученные деньги, выполнив поручение, и остаться в тени. Другой вопрос, сколько можно было получить с противоположной, не менее заинтересованной стороны, используя при этом подставных лиц.

— Надеюсь, тут засняты не пытки пленных российских солдат, — брезгливо поморщился адвокат, вставляя кассету в видеомагнитофон.

На экране телевизора адвокат увидел мусульманское кладбище и своего клиента рядом с одной из могил. Клиент с ухмылкой объяснял, что это его могила, потом перешел к следующему надгробию и заявил, что это тоже его последнее пристанище, а в конце попросил найти его третью могилу. Такие мистические загадки Михаилу Марковичу были не по душе. Он был лучшим и самым высокооплачиваемым в городе адвокатом, а не охотником за приведениями. Далее на видеокассете следовала хроника жизни боевиков, сцены обмена пленных и убитых, мелькало там означенное красным маркером лицо младшего сержанта. На аудиокассете был записан разговор клиента с тем самым лицом, но уже в роли бизнесмена. Следовало разбавить странную задачу клиента рюмкой коньяка, и Михаил Маркович не преминул это сделать. А после второй он решил не искушать судьбу попыткой из одного гонорара сделать два и взялся за телефон. Набрав номер, адвокат тяжело вздохнул и, стараясь выжать из себя тон огорченного человека, коротко сказал собеседнику.

— Андрей Викторович, у меня для тебя интересные материалы. Приезжай. Нет, журналистам я не звонил. Да, и сделай так, чтоб мое имя в связи с этим нигде не всплывало. Ссылайся на каких хочешь информаторов. Жду.

Положив трубку на рычаги, Михаил Маркович откинулся в большом кресле, покусывая губы и щурясь на содержимое пакета. Так легко еще никогда не удавалось заработать две тысячи долларов, и это ему, как прагматичному трезвомыслящему юристу, не нравилось.

* * *

Едва ли можно не испытывать тихого ужаса в городе, наполненном давящей со всех сторон тишиной. Где каждый шаг на пустой улице отзывается эхом, как выстрел в горах. Окна любого дома, как глаза слепца, и манекены на витринах, как самые подходящие жители. Ни капли мусора, потому как его не успели еще ни уронить, ни убрать... И небо, которое больше похоже на вывешенную над крышами фотографию облачной пелены, кою забыли мало-помалу двигать для оживления общей картины.

— Слушай, Сергей, для воров твоя машина тоже мечта, сунул на секунду вперед и поседай магазины и банки, — голос Дорохова полетел по трубе пустой улицы.

— Я вот о другом думаю, лишь бы у Мариловны инфаркт не случился. А то прахом пойдут наши старания.

— А почему бы нам сразу не появиться у подъезда или у дверей нужной квартиры?

— Скажи спасибо, что попадаем в пределах трехсот метров. У меня же в руках не снайперская винтовка с оптическим прицелом. Хоть и говорят,

что в науке не принято что-либо делать на глазок, но это только говорят. Куча открытий были сделаны методом тыка.

— А я думал методом тыка только детей делают и напряжение в розетке проверяют.

— Понимаешь, Вася, если верить фантастическим романам, а им стоит верить хотя бы потому, что в них были предсказаны сотни открытий, то будущее, кроме неизменяемого общего направления, имеет вариативный ряд решений. К примеру, вот ты покурил, а мог и не курить именно в этот определенный промежуток времени, и это уже вариант развития будущего, включающий в себя миллионы возможных последствий, начиная от твоего здоровья, кончая общим загрязнением атмосферы.

Лицо Дорохова обиженно вытянулось.

— Ну ты сейчас меня заводской трубой выведешь, которая дымит и небо застит.

— Да нет, я просто тебе на пальцах объясняю.

— Но тогда получается, что от Бога мало что зависит?

— Я же тебе сказал: главное — то есть точка прибытия — неизменна, а вот варианты движения к ней могут быть самыми разными. Это уже складывается из участия человеческой воли. А сумма созидательных и разрушительных действий индивидуумов, населяющих нашу планету, это уже сложение картины главного, большого варианта. Проще говоря, Бог наделяет человека свободной волей, об этом ты, надеюсь, слышал, именно в этом проявляется божественная природа человека. А вот качество использования этой индивидуальной воли — есть собирательная сила, формирующая будущее. Но, по сути, конечной точки нет, она замкнута на какую-то первичную точку. Получается кольцо. Не спираль, как думают многие. А кольцо. Оно, как башня, может строиться только вверх. Это наше сознание может двигаться, взбираясь по стене этой башни по спирали, как по винтообразной лестнице, а стена, собственно, и есть история. То есть, здесь нужно мыслить не отрезками, прямыми, или даже лентами Мебиуса, а объемно, хотелось бы сказать — трехмерно, но, получается, наш умишко просто не способен к более многомерным решениям и картинам.

— Понятно — что ничего не понятно. А кольцо, то бишь башня, бесконечно в обе стороны?

— Смею предположить, что башня в огромных пространствах вселенной тоже замыкается кольцом. То есть нам не заметно, как она наклоняется по типу пизанской, потому как на миллионы световых лет зрение наше не простирается. Ну, и так до той самой бесконечности. С ростом времени растет вселенная. Между прочим, это и ты понял после своего первого похода в прошлое, философствовал тогда о времени, как о фигуре, которая недоступна человеческому воображению. Ну что, угловато, но, по-моему, доступно объяснил.

— Доступно. Если твои башни во все стороны начать укладывать, окосеть можно. — Дорохов поиграл бровями, проверяя, не окосел ли, и безнадежно вздохнул. — Воздух здесь какой-то... Вроде и свежий, но привкус у него странный. Скорее, безвкусный.

— Откуда тут взяться вкусу? — обвел рукой гулкую пустоту Кошкин. — Соседи капусту не тушат. Рыбу не вялят. Нет тут соседей.

— Ты только Мариловне про ее убийство не рассказывай.

— Да уж сам знаю, лишь бы у нас еще кто при памяти не оказался, а то и в отделе кадров могут с легкой руки порадовать. Любит у нас народ бразильские фильмы и отечественные некрологи. Честно говоря, не представляю — какие могут быть последствия у такой вилки времени? Слепой котенок лучше ориентируется в пространстве...

Они вошли в подъезд и замолчали. Шаги в мертвом доме звучали будто аккорды абстрактной пьесы. И кульминацией ее стала дверь Мариловны, что распахнулась навстречу, когда они были на последнем пролете.

— Господи! Да наконец-то! Уже и не чаяла живую душу увидеть! Сереженька, Вася! Это ж какая атомная война приключилась? — и прямо на пороге старушка зашла навзрыд, повиснув на крепких руках подоспевшего во время Дорохова.

Кошкину оставалось только гладить ее по руке и причитать, что все нормально, все позади, домой поедем...

— Сходила за пенсией, — пробурчал Дорохов.

— Так ведь вспомнила! — причитала Мариловна. — Вспомнила! Деньги взяла и сразу в магазин. Купила чего надо и — домой. Там же сериал любимый начался. Телевизор включаю — пусто! А потом уж, на второй, кажись, день дошло, что на всей улице пусто. Беда-то какая! думала, с ума, старая, съехала. Уж не чаяла никого увидеть. А потом, мнила, умерла я, и это ад для меня такой специально придуман. На улицу боялась выходить. Чего же это такое?..

— Ничего, Мариловна, ничего, милая, теперь — все позади. Заблудилась ты у нас чуток. Ты ж сама с собой не разговаривала?

— Заговоришь тут!

— Ну ладненько, сейчас домой отправимся... — сказал Кошкин и поймал себя на мысли о том, что, в сущности, Мариловна и так дома. Ему стало неудобно, даже тряхнуло все тело: а вдруг они все втроем застрянут тут?

— Ага, Сереженька, ага, подожди малехо, я только пенсию возьму, зря что ли мучалась?

— Нет, Мариловна! Ни в коем разе! Отсюда мы ничего брать не будем. В нашем времени она тебя на том же месте ждать будет, и даже потраченное в магазине на месте останется.

— Да шут с ней, с пенсией, — успокоилась вдруг Мариловна, — но чтоб я еще хоть раз на твоей машине путешествовать намылилась!.. От такой тишины и похоронный марш любимой песней станет. Мы точно домой попадем?

— Точно, — Сергей Павлович отбросил всякие сомнения, иначе становилось жутко и страшно, хуже, чем в детстве заглянуть в приоткрытую дверь морга.

— Ну тогда я тебе покажу чего: может, для науки твоей это важно будет, — и она поманила Кошкина пальцем в глубь квартиры.

Тот послушно, но осторожно направился следом.

Мариловна сначала подвела его к радиоприемнику, который висел на кухонной стене. Включила его на полную мощность и приложила палец к губам, словно сейчас будут передавать сводки Совинформбюро. Спустя минуту Сергей Павлович стал различать легкое потрескивание эфира, а уже потом, ему показалось, будто он слышит отдаленные голоса. Правда, возникало чувство, что голоса эти живут не в динамике, а где-то рядом с ним, а репродуктор выполняет роль лампочки, на которую летят ночные бабочки и мотыльки. Как ни силился он разобрать этот тихий говор, но получалось только додумывать, угадывать значение слов. Голоса же были и мужскими, и женскими, и детскими, и никак не походили на размеренную речь дикторов и запальчивые уловки уличных репортеров. Мариловна спросила взглядом: слышишь? Кошкин кивнул: слышу.

— Чего это? — спросила старушка.

— Ума не приложу, — признался Кошкин, — возможно радиоприемник в этом случае является слабым ретранслятором каких-то неизвестных физике волн. Не знаю, Мариловна, но это действительно странно, удивительно и жутко.

— Во-во, и я о том. Может, это вообще не из нашего мира?

— Кто знает? — пожал плечами Сергей Павлович и выкрутил до минимума регулятор громкости.

— А пойдем еще? — поманила рукой в комнату Мариловна.

Там она подвела его к стене, где висели в картонных и деревянных рамках старые черно-белые фотографии. Кошкин сразу отметил, что их стало больше. Историю каждой из них он знал весьма подробно. Когда Мариловна удавалось заманить Сергея Павловича на домашние блинчики да поболтать, она обязательно приносила за стол одну из фотографий, оживляя изображение подробнейшим рассказом. Вот, к примеру, с подписью "Крым 1949". Мать получила за самоотверженный труд на ферме путевку и повезла семью к морю. Маше тогда было уже почти восемнадцать лет. Старший

брат служил на Дальнем Востоке, средний — в Германии, куда не дошел, не доехал... И тут Кошкин осекся, вспоминая рассказ Мариловны. На снимке рядом с мамой Маши Рассохиной стоял молодцеватый мужчина с орденской колодкой на груди. Лихо закрученные усы, а ля Буденный, наигранно суровый взгляд. Значит, в этом мире он все-таки дошел!

— Отец, — с дрожью в голосе подтвердила догадку Мариловна.

Был он и на других фотографиях вплоть до семидесятых годов. То с женой, то с Машенькой, то в обществе сыновей, то все вместе... До тех самых пор, пока старший Павел не спился, не шагнул в пьяном бреду под поезд, оставив жену и двух дочерей на попечение престарелой матери и младшей сестры. Сердце матери не выдержало...

— Это, Мариловна, вариант времени, когда твой отец остался жив.

— А нельзя мне, Сережа, пожить в этом времени? — подбородок старушки дрожал.

— Можно, милая, но ты здесь будешь одна. Все будут там, где прошла колея истории человечества, — опустил голову Кошкин.

Дорохов шепнул какое-то ругательство, а вслух сказал:

— Хороша колея, когда на обочину миллионы выбрасывает. Да по такому дерьму кто ж колеи прокладывает?

— Мы. Какую проложили, такая и есть, — упрекнул человечество Сергей Павлович.

Он подошел к Мариловне и обнял ее за плечи:

— Прости меня, лучше бы я ракеты делал. Больше пользы.

— Ты так не говори, — погладила его по щеке Мариловна, — не говори так. Нешто ты виноват, что Гитлер родился. Ты же не отец ему! А машина твоя... Я вот помню, малая еще совсем была, когда первый трактор в колхоз пришел. Смотрели на него, как на зверя заморского, рычал он. На фига, думали, нам такая каракатица? Так и гадали, пока он первую межу не провел.

— В том-то и дело, что я не знаю, где поле для моей машины. Вслепую я немало еще человеческих судеб перепашаю. — Кошкин нервно покусывал губы, поглядывая на фотографии.

— Опять же, думаю, — утерла слезы Мариловна, — не всяким трактором не всякому полю поможешь, — и завернула тут длинную байку, что всем пришлось присесть на скрипучие стулья, ибо остановить воспоминания Мариловны было невозможно, а в этой ситуации еще и не деликатно.

Приземлились мужики крепко и вынуждены были сначала с напускным, а потом и с живым интересом прослушать историю о том, как во время войны в деревне, где жила Маша Рассохина (Мариловна в юности), девушка по имени Татьяна проводила на войну любимого парня — Андрея. Свадьбу сыграть не успели. Было это в начале сорок второго. И попал он во вторую ударную армию предателя — а тогда бравого, но интеллигентного по виду генерала Власова. И канул парень где-то в Мясном бору, во время неуспешного наступления. И ни похоронки на него, ни другого какого свидетельства. Татьяна ждала его, потому что любила. О такой любви, как у них была, книги пишут. Уж и сорок пятый прошел, и сорок шестой, а она все ждала. Тем, кто с фронта вернулся — раздолье! Девок и вдов вокруг, хоть промискуитет объявляй! Промискуитет — это Мариловна от учителя истории запомнила. Безрукий он был, и парни в классе все потешались вопросом: как он в туалет ходит по малой нужде, кто ему хозяйство в нужном положении держит? Кружку со спиртом он, к примеру, сам зубами брал и в себя, как божью росу, опрокидывал. Зато рассказывал всегда без всяких бумажек и учебников, а слушали его, разинув рты. Эх! Много мужиков война покалечила, кому не тело — так душу! Быстро эту войну забывать стали.

У Дорохова заходили желваки, про войну он тоже мог кое-что рассказать. Но Мариловна рассказывала про любовь.

И хоть выбор у парней был, и медали на груди звенели, многие из них сватались к Татьяне, но всегда получали отказ. А она писала письма во всякие военные инстанции, надеялась разыскать след своего Андрюши, а когда отпуска снова разрешили, насобираала денег, взяла платья красивые и поеха-

ла туда, где полегла вторая ударная армия. Пусть с весны сорок второго по весну сорок восьмого много воды утекло, но Таня привезла оттуда горсть седых волос. На каждого непохороненного солдата — по одному. Но это она уже потом, много позже, рассказывала. А тогда ей товарищи из соответствующих органов посоветовали уезжать оттуда и никому не рассказывать о том, что видела. Потому можно считать, что Татьяна была одним из первых красных следопытов. Она после возвращения полгода письма писала по адресам, которые в солдатских нагрудных гильзах нашла. А про своего Андриюшу так ничего и не узнала. Замуж она вышла только в 1954-ом, когда ей уже тридцать лет было. Аккурат в это время Хрущев с Маленковым тягались.

Замуж вышла за хирурга из районной больницы и переехала в город. Не по любви шла, а от одиночества. Хирург же — Владимир Иванович — славился своими добрыми золотыми руками и тем, что спас на войне не одну сотню солдатских жизней, а жену у него случайной пулей убило. Шибко он по ней тосковал. Наверное, запил бы, да работы всегда у него было много, со всего района к нему больных везли, даже Мариловне случилось у него чирьи удалять, вот и позволял себе сто грамм после операции. Пусть каждый день — но только сто грамм. Железно.

И ничего бы Мариловна про эту историю не узнала, если б не повстречала совсем недавно в областном центре эту самую Татьяну. Ей уже под семьдесят. Рассказала она Машеньке свои печальные старые новости. В 1975 году поехали они с мужем в Прагу по туристической путевке от совета ветеранов. Да там, в самой что ни на есть Праге, в одном из многочисленных кафе, встретила она своего Андрея. И — никакой лирики! Андрей весной сорок второго отдал со своего плеча гимнастерку и шинель генералу Власову, которому в окружении захотелось выглядеть рядовым. Но когда в плен он сдался, узнал в лагере Андрея и чуть не силой затащил его в русскую освободительную армию, которую тот для службы у Гитлера создавал. Вот до чего добро Андриюшу довело. А в сорок пятом, хоть и стала помогать эта армия восставшим пражанам, но наши их не помиловали. Кого в петлю, как Власова (иуде иудина смерть), кого к стенке, а кому большие сроки в лагерях. Андриюшу спрятали одна сердобольная чешка. А потом выдала за своего мужа, который у нее погиб. Правда, пока не выучил язык, прикидывался немцем от контузии.

И что? И Татьяне и Андрею по пятьдесят лет. Ему никакого пути на Родину нет. Чем быть предателем Андреем, лучше быть краснодеревщиком Чеславом. У Татьяны трое детей, у Андрея-Чеслава двое.

— И ничем бы твоя машина времени им не помогла, Сережа, — оборвала вдруг Марья Гавриловна.

— Да, пожалуй, — согласился Кошкин. — Даже если б свадьбу успели сыграть. Вторую ударную армию моей “тачанкой” не уберечь, Сталину или генеральному штабу правильное решение не напечатать, да и дырку в “железном занавесе” не пробить. Таким трактором колею, которую миллионы натаптывали, не повернуть, — поджал-прикусил губу и достал из кармана пульт. — Давайте, ребята, домой.

— А я, Палыч, думал в магазин сходить, — хитро прищурился Дорохов, хотел, наверное, разрядить обстановку, — сегодня, по-моему, распродажа по самым сниженным ценам. А для пенсионеров стопроцентная скидка, — подмигнул Мариловне.

* * *

После рассказа Грума Владимир Юрьевич бросил все дела и стал называть Кошкину. Долгое время тот не отвечал ни дома, ни на работе. Русский чуть было не позвонил самому Марченко, но правильно рассудил, что Марченко пошлет его дальше, чем партия комсомольцев. Наконец, в трубке зазвучал усталый голос Сергея Павловича.

— Сергей Павлович, давайте я вам мобильный куплю, чтоб вы не исчезали, а то я беспокоится начал? Поверьте, искренне вам это говорю.

— Спасибо, Владимир Юрьевич, но там, где я был, мобильник не пригодится.

— Вы все экспериментируете?

— Да нет, исправляю свои и чужие ошибки.

— А по моим данным вашей жизни недавно угрожала опасность.

— Спасибо опять же, но ваша, Владимир Юрьевич, опека чересчур уж безгранична. Опасности меня на каждом шагу подстерегают, вдруг поскользнусь, треснусь головой об пол, и если не сдохну, то забуду, что за прибор у меня на столе стоит и как им пользоваться. Так что не следует преувеличивать угрозы и оберегать мою персону, как премьер-министра какого. Обещание я свое выполню из уважения к вам и вашей деликатности. Другой на вашем месте давно бы уже меня горячим утюгом по животу гладил.

— Ну... скажете...

— А знаете что? Приезжайте прямо сейчас, еще не вечер. Я хоть и устал чуток, но готов застрелить сегодня и трех и четырех зайцев. Надо играть, пока везет. А мне сегодня, как мне кажется, удача улыбается, как никогда.

— Куда прикажете быть? Или за вами послать машину?

— Нет уж, лучше вы к нам, я оставлю пропуск на КПП.

— Тогда Сергей Павлович, на двоих человек. Второй — Вадим Андреевич Паткевич. Вы уже с ним знакомы.

— Для него оставлю обязательно, а то придется новые ворота за свой счет покупать.

— Через полчаса будем у вас.

Когда Кошкин опустил трубку телефона на рычаги, Дорохов с недовольным видом покачал головой.

— Зря ты, Палыч, с этой братвой дело имеешь, жди подляны.

— Вряд ли. Я им нужен живой, невредимый, при уме и памяти. Ну и, к тому же, Рузский муж моей жены.

— Ты сам-то понял, что сказал?

— Хорошо еще, что не отец моего сына. Я просто привык выполнять свои обещания.

— Тогда не забудь прихватить меня с собой, уж я тебе сегодня везде компанию составлю. А когда все закончится, давай возьмем Толика и все вместе хорошенько посидим где-нибудь под хороший коньяк. Толик, ты как?

— Всегда готов, командир! — отпионерил Китаев, который все это время отмалчивался в стороне.

— А пока нас не будет, ты карабинчик мой в чехол не складывай, вдруг два этих друга обратно без нас вернуться, ты их тогда отправь обратно.

— Думаю, эти предосторожности излишни, — поморщился Кошкин, — Рузский любит Лену и прекрасно понимает, что из-за меня ему придется с ней объясняться.

— Береженого Бог бережет, говорила моя бабушка, — резюмировал Дорохов. — Вздор — он и есть вздор.

До появления Рузского Сергей Павлович еще успел оформить пропуски и договориться с охранниками. Китаев заварил чай в легендарной банке, а Дорохов позвонил Амалии Гвидоновне и справился: как здоровье ее соседки Марии Гавриловны.

Грум и Рузский появились в лаборатории с небольшим опозданием. Паткевичу у дома Владимира Юрьевича показалось, что их кто-то пасет, и он погнал машину, визжа на поворотах покрышками, показал лучшему другу, на что способен новенький “эмджи”. Рузский пообещал, что все-таки отправит его выступать на “Формуле-1”, на что Грум заявил, что со всякими “шунахерами” ему соревноваться западно. А вот есть в городе еще пара “природных” ребят, что на “черных” гонках выступают, так они и на танке любого профессионала, как стоячего, заделают.

Они зашли в лабораторию и только там прекратили бессмысленный спор. Грум кивнул ожидавшей троице, что, видимо, означало: “Привет, ребята, сегодня я не на КраЗе”. Кошкин с интересом посмотрел на дорожную сумку в руках Грума. “Пулемет у него там, что ли?”, — подумал он. Рузский ответил на его вопрос вслух:

— На КПП не хотели пропускать с этим баулом, пришлось показать, что там одни старые бумаги, — он дал знак Паткевичу.

Тот сбросил сумку на пол и расстегнул замок. Открывшееся чрево взбухло аккуратно упакованными, словно вчера из-под станка, пачками советских денежных знаков образца 1961 года. Китаев присвистнул, хотя по своей молодости не мог испытывать ностальгических чувств к валюте развитого социализма.

— Хотите поменять? Не успели в свое время? — предположил Кошкин.

— Что вы, Сергей Павлович, это же банально, — обиделся Рузский, — хотя, возможно, наше с Вадимом желание покажется вам еще более прозаическим: мы хотим в советский кабак. Гульнуть так, чтоб на следующий день в КГБ сводка была. Вадик, ты куда хочешь?

— В “Рассвет”, — коротко ответил Грум, определив местом проведения застолья весьма посредственный ресторан.

— Почему?

— Потому что его больше нет.

Рузский понимающе покачал головой.

— Не возражаете? — спросил он у Кошкина.

— Желание клиента — закон, — пожал плечами Сергей Павлович, — но есть встречная просьба. Вы не могли бы спонсировать присутствие за столом еще одного человека? — кивнул на Дорохова, который старательно делал вид, что все происходящее ему “сиреневенько”, и только исподлобья постреливал на Грума.

— Да нет проблем! Что не сможем пропить, оставим вышибале на чаевые, — улыбнулся Рузский.

Прошло несколько минут, и все четверо сидели за столиком в отдаленном, слева от эстрады, углу ресторана “Рассвет”. Этому предшествовал торжественный вход сквозь табличку “закрыто на обслуживание”, смазанный немятым красным червонцем. “С образом Ленина нам все пути открыты”, — пошутил по этому поводу Рузский. Потом долго ждали официанта. Ненавязчивый советский сервис являлся бесплатным приложением к увеселительной прогулке. Наконец подчеркнуто нерасторопно прибыл официант, холодно осведомился, “что желают товарищи”, но Владимир Юрьевич растопил его служебный лед полтинником, изъятым из пачки на его глазах, и шепнул, указав взглядом на Сергея Павловича, что за столиком присутствует “ответственный товарищ” из Москвы, проверяющий инкогнито сферу обслуживания, а уж гулять он будет по полной.

— Меню не надо, — застолбил Рузский, — несите все лучшее, и чтоб ваши знаменитые цыплята табака были не синие, как от реального никотина.

Официант понимающе кивнул и помчался выполнять заказ на первой космической скорости. Развить вторую ему не позволяли застойные явления в экономике СССР. Да и зачем она нужна, если необходимо крутиться вокруг одного столика?

Пить пришлось “Старку”, “Арагат”, “Кинзмараули”, “Вазисубани”, клюквенный напиток, “Боржом” и “Тюменскую минеральную № 1”. При этом Дорохов, поднеся к губам первую рюмку, вдруг остановился:

— Ну, скажем, за это я не боюсь. Это не скиснет, — повел он носом над поверхностным натяжением жидкости, подняв волну. — А закусывать? Пальч, как ты думаешь, от пищи, срок годности которой почти двадцать лет, пучить не будет?

— Думаю, нет. Мы ведь, как это говорят, трапезничаем в режиме реального времени. А уж с точки зрения всякой там геной инженерии и чистоты продуктов, то здесь можно быть более спокойным. Глянь, каких цыплят принесли. Райские птички, а не цыплята. А зелень? Явно не тепличная. Это, Вася, настоящие ароматы, а не реликтовое излучение.

— М-да, это, Сергей Павлович, точно, здесь и Грум в гурмана превратится, — подмигнул компании Рузский.

— Ну, тогда за режим реального времени, — поднял рюмку, как знамя, Василий Данилович.

— За оперативно-тактическое оружие нового поколения, — многозначительно добавил Владимир Юрьевич. — За нашего гения, за Сергея Павловича, который подарил нам этот вечер.

Никто не возражал, хотя Кошкин подумал было возразить, что без советских денежных знаков в таком количестве, вечер мог ограничиться безобидной прогулкой по аллее трудовой славы. На эстраде как раз в это время появились опохмелившиеся в своей подсобке музыканты, и длинноволосый усатый гитарист озвучил в микрофон первый заказ, что лег сиреновой четвертной на барабан ударника:

— А теперь для уважаемого Дмитрия Михайловича звучит эта песня... — и после знакомой до боли во всех местах увертюры хрипловато запел, — земля в иллюминаторе, земля в иллюминаторе видна...

— Черт! Прослезиться можно! — воскликнул Владимир Юрьевич.

— Кураж, — согласился Грум.

— И верю и не верю! — Рузский быстро переключился на Кошкина. — Сергей Павлович, вы волшебник! Удивляюсь, почему вы делаете из вашего изобретения тайну.

— Плохо у меня получается с тайнами, — буркнул Кошкин.

— Вы не представляете себе, от каких перспектив вы отказываетесь! Уж если за полет в космос миллионы долларов выкладывают, то за полет в прошлое, а, тем паче, будущее, народ будет раскошелиться со страшной силой! Состояние Билла Гейтса очень быстро станет пожертвованием на хоспис для почитателей “Майкрософт”!

Дорохов согласно крикнул, они с Грумом после “Старки” перешли на коньяк, в то время как Кошкин и Рузский осторожничали с вином.

— Нет, мне определено никто не поверит, что я бухал в советском ресторане, — расстраивался Владимир Юрьевич.

— В натуре, — согласился Паткевич.

— Вадик, какую песню закажем?

— Мне у “Лесоповала” нравится, сам знаешь...

— Извини, Вадик, этого вокально-инструментального ансамбля еще нет, а если и есть, то в подполье. Вспоминай, друг мой, советскую эстраду. Песню за мир хочешь? Или “Яростный стройотряд”?

Грум никак не среагировал на пассаж Рузского. В это время музыканты уже горланили нелепую песню Леонтьева про светофор. “Все бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, а он им светит!”

— Бегут, бегут... У нас на зоне — это очень популярная песня была, а теперь поют “нас не догонят”, петушинные какие-то песни, — заметил Грум. — Что-нибудь душевное хочется, русское, про ямщика... Чтоб размах был. А то поют для гаишников и педерастов, для нормальных людей музыки не стало.

Рузский поманил пальчиком официанта и поштал ему на ухо. Тот попытался, было, возмущенно удивиться, но пачка купюр вернула на его лицо угодливую улыбку. Пританцовывая от предстоящей авантюры и ожидаемого эффекта, он подошел к эстраде, где с ходу взял на abordаж кассира-барабанщика, выложив главный аргумент — пачку купюр — на дребезжащий под палочками пластик. Песню про светофор, не обращая внимания на недовольный гул в зале среди танцующих, быстро свернули. Музыканты “извинились” за ложные неполадки с аппаратурой и тут же провели короткое производственное совещание. Решение озвучил сияющий, как новый полтинник из той самой пачки на барабане, вокалист.

— Дорогие друзья, уважаемые гости, сегодня у нас в зале находится очень уважаемый и авторитетный в системе правоохранительный орган человек — Вадим Андреевич Паткевич. Весь вечер для него будут звучать русские народные песни. Просим всех гостей отнестись с пониманием, тем более что некоторые песни мы будем исполнять в эстрадной обработке, и вы сможете танцевать до упаду. Бережное отношение к народной культуре и традициям поддерживается дирекцией нашего ресторана. А сейчас — песня о ямщике!..

Зал озадаченно промолчал.

— Прикальывает другое, я сейчас на строгаче парюсь, а тут песни для уважаемого и авторитетного человека, — оценил подарок друга Вадим. — Слушай, Вова, может мы еще и посылочку мне на зону отправим?

— Почему нет? — блаженно улыбнулся Владимир Юрьевич.

— Ну, за душевную русскую песню, — без доли иронии поднял бокал Дорохов.

Музыканты отработывали свой гонорар достойно. Сначала спели “Ямщика”, потом обработали, как и обещали, “Калинку”, при этом к эстраде ринулось немало желающих пуститься в пляс, потом спели “Ой, мороз, мороз”, “Лучинушку”, “Ой, то не вечер”... Постепенно атмосфера в зале изменилась, менялись лица музыкантов, менялись лица посетителей. То плыла над столами безбрежная степная тоска, то завывал северный ветер, то летела задорная казачья вольница... И снился всем не рокот космодрома. Вокалист уже и не голосом, а душой выводил коленца, потому что иначе петь было нельзя. Кое-где в зале подпевали.

— Эх, сейчас бы пролетку нанять, да на крутой берег реки! — восхищенно озарился Рузский. — А что, Сергей Павлович, слабо в девятнадцатый век?! Мы по золотой цепочке с Вадимом ставим, в любом кабаке нальют! Мохнатый шмель... — запел Рузский, подражая артисту и режиссеру Михалкову.

— Боязно, Владимир Юрьевич, не вытянет так далеко моя машина. Все равно, что на “запорожце” вокруг света махнуть.

— Жаль! Хотя, полагаю, инженерная мысль на этом не останавливается! Мое предложение о собственной лаборатории остается в силе.

— Спасибо, но последние опыты имели печальные и опасные последствия. Ладно, если б к прибору тянулись желающие гульнуть в кабаках или полюбоваться историческими достопримечательностями, подышать духом времени. Вы же прекрасно знаете, чем это может кончиться. Где гарантия, что завтра ко мне не придет ваш конкурент, который задумал убрать вас вчера? Он и предлог сочинит благовидный, любимую бабушку повидать или найти потерянный аттестат о среднем образовании.

— Справку об освобождении, — вставил Грум.

— М-да, — пожегился Рузский, воображение которого развило мысль Сергея Павловича.

Между тем музыка неожиданно оборвалась, все неволью повернулись к эстраде. Там, прямо на сцене, орудовал возбужденный человек, гортанно выкрикивая ругательства в адрес музыкантов. Те же беспомощно разводили руками, кивая в сторону путешественников во времени и “ответственного товарища из Москвы”. Человек лихо спрыгнул с эстрады, бросив на пол вырванный из рук вокалиста микрофон, и направился к столику Рузского. Веселая четверка окаменела. С перекошенным от негодования лицом к ним шел молодой, но легко узнаваемый Бекхан.

Грум потянулся к пистолету, но Кошкин, уловив движение его руки, строго предупредил:

— Ни в коем случае! Иначе все вместе будем строить коммунизм до скончания века!

* * *

Вечер нахмурился грозowymi тучами. Темнело не по-летнему. И даже сорвавшийся с опустившегося горизонта ветер казался фиолетовым. По-хозяйски хлопая дверьми, рамами и форточками, он поднял марево песка и пыли, вмиг прочитал брошенные на улицах газеты и журналы, путая шелестящим размахом свободной прессы не успевших спрятаться птиц. Небо провисло синим животом прошлогоднего утопленника и было наотмашь открыто первым скальпелем молнии. Прорва воды обрушилась на крыши и землю, напоминая о потопе, прибила к земле даже ветер, и сотнями ручьев устремилась во все стороны и со всех сторон. Посредством воды небо и земля слились в единую серую массу, сквозь которую, как слепые без трости и пово-

дыря, крались автобусы и автомобили. Зонты редких прохожих за какие-то две-три минуты превращались в лохмотья, висящие на скелете.

Мистический страх охватил Елену Андреевну, когда она торопливо пробежала по комнатам, закрыв окна, и села на диване, отложив в сторону книгу. Буйство стихии, казалось ей, предвещает что-то недоброе, опасное для нее и ее близких, и чувство это росло с каждым раскатом грома, наполняя душу тревожным, бессмысленным, изматывающим ожиданием. В конце концов, она не выдержала и схватила трубку телефона. Напиликала мобильный Володи, но трубка ответила женским голосом, что абонент находится вне зоны досягаемости, “пожалуйста, перезвоните позже”. Набрала номер Виталика, но у того телефон оказался выключен. На занятиях? В последнюю очередь, подталкиваемая овладевшим ею недобрым предчувствием, позвонила Сергею. Домашний ответил длинными, как гудок парохода, прощальными нотами. Невольно она стала прислушиваться к своим страхам, перечисляла в памяти разные названия фобий, но именно в памяти сидела сердцевина ее непонятного ужаса. Там появлялось то, чего раньше никогда не было. Смутная догадка снова толкнула ее к телефону. Пролистала старую записную книжку, кое-как нашла рабочий телефон Кошкина.

Ответил Китаев:

— Слушаю.

— Сергея Павловича можно услышать?

— Нет, перезвоните позже, часа через два-три. Или утром.

— Позвольте, но через два-три часа будет глубокая ночь! Это звонит его жена... Бывшая. Но он мне очень нужен!

— Простите, сейчас Сергей Павлович в любом случае не сможет подойти к телефону.

— Куда я могу ему перезвонить?

— Никуда. Он участвует в важном научном эксперименте.

— Значит, он опять воспользовался этой своей машиной времени?!

Только не пытайтесь меня обманывать, я все знаю, он сам мне говорил. Скажите, мой муж, мой нынешний муж, он сейчас с ним?

— Ннн... да... Но там все в порядке. Вы не переживайте.

— Да вы не понимаете!.. — она отбросила трубку и с этого мгновения страх растаял, уступив место яростному порыву русской женщины, о котором и сказал поэт: “в горящую избу войдет”. Уж кто-кто, а настоящие русские женщины, как самые чувствительные радары, безошибочно чувствуют опасность, угрожающую родным и близким.

Лена небрежно сбросила халат, почти запрыгнула в джинсы, натянула футболку, подержала в руках и посчитала бесполезным зонт, взяла с собой только ключи от машины. Благо, что “Форд-фокус” оставила у подъезда.

В ту минуту, когда хлопнула дверь, будто поставила точку, замерла, пораженная новыми воспоминаниями, которых у нее до сих пор не было. Все в них было на месте: сын, новый муж, новая работа, не было только Сергея Кошкина. Потом вдруг увидела бледного, как сама смерть, Володю. Живого и странно улыбающегося. Воспоминания наслаивались одно на другое, настоящие на вновь рождающиеся, проникали в уголки глаз и щипали до слез.

Прикусила губу до крови, когда ясно увидела играющего с трехлетним Виталиком Сергея. Виталик на спине отца, и они “носятся” по квартире — конная атака. Виталик кричит “быстрее”, коленки Кошкина стучат по полу, на повороте в прихожую сын соскальзывает, но Сергей успевает как-то невообразимо подставить руку, и вот уже оба лежат на полу и смеются. А теперь ей кажется, где-то далеко падает со скалы Кошкин, и некому ему сказать, что он падает. Некому, потому что все его предали и оставили. И только старик Марченко машет трясущейся рукой... Где это? Что это? Игра напуганного воображения? Память ударила пронзительной болью. Так, что ноги подкосились, стали ватными. Ускользало что-то нужное, похожее на одну из сердцевин, на которых строится и обростает ежеминутной кутерьмой вся жизнь. Исчезала первая любовь, пусть и оборванная, пусть не-

допетая, не вылившаяся в добродушную, чуть ворчливую старость, но такая же необходимая каждому, как первое узнавание мира, как первый поцелуй матери...

Кошкин стирал себя в памяти Лены, а значит — первую любовь. Всё, что с ней связано. И только томик Бунина с закладкой оставался на диване.

* * *

Закончив работу, Варя, не торопясь, направилась к выходу. За порогом бушевала непогода, спешить некуда. Постояла немного на КПП, поболтала с охранниками и, поняв, что на улице ее просто-напросто смоеет, что автобус все равно не придет, направилась обратно в корпус. Ноги сами принесли ее в лабораторию Сергея Павловича, где Китаев пил уже восьмую кружку чая и разгадывал кроссворд в старом журнале “Наука и жизнь”. Варю он сначала не заметил, потому как сидел к двери спиной и вслух сам себе задавал вопросы.

— Оптический квантовый генератор? Пять букв... Блин...

— Лазер, — подсказала Варя, и Китаев чуть не упал с табуретки от неожиданности.

— О! Здравствуйте.

— Добрый вечер, а я думала, тут опять Сергей Павлович ночует.

— Ну, он как бы тут, и как бы его нет.

— Опять, наверное, навещает молодую жену? — предположила Варя.

— Нет, он вместе с ее нынешним мужем проверяет систему советского общественного питания.

— Ух ты! А можно я тут у вас посижу, там на улице дождь, гроза и вообще — внеплановое светопреставление.

— Конечно, у меня еще полкроссворда впереди, чай будете? С сушками...

* * *

Метаться по служебному кабинету, как тигр в клетке — дело театральное. Но если никто этого не видит, то можно еще при этом пинать урну, материться и пить дорогой коньяк, что ждал своего часа в сейфе с секретными документами. Вадим Григорьевич даже в своих просторных пенатах не находил себе места. Пятнадцать лет он уверенно маршировал вверх по карьерной лестнице, чтобы, находясь у самой вершины, оглядеться и понять, что кожаное кресло, в котором до раздражения на коже потеет задница, ничего не значит. После третьей рюмки вспомнилось вдруг ежечдневное мамино: “Вадик, не водись с этой шпаной, они тебе всю жизнь испортят”. И Вадик не водился, во дворе появлялся редко, чаще всего, чтобы получить пинка, новое прозвище или быть до конца игры голящим. Шпана потом разошлась по тюрьмам и войсковым частям, а Вадик прилежно, как и все зубрилы, учился в институте, получив благодаря стараниям мамы справку об ограниченной годности к воинской службе. И вот повзрослевшая дворовая шпана добралась до его просторного кабинета, кидает ему дипломатами деньги и втягивает в игру, в которой он снова будет голить. Да еще и нерусская шпана нагло прет.

А Кошкин?! Кулибин, мать его! Каким, интересно, он был в детстве. Поди, из тех, что и вашим и нашим... Нормальные Кошкины-Котины танки изобретали. А этот... Целый час Яковлев смотрел на телефон, раздумывая, кому позвонить, чтобы ситуация вновь оказалась в его надежных руках. Раньше-то понятно: первому секретарю обкома или первому заму по идеологической работе. А теперь? Губернатору по барабану, ФСБ вмешивается только по заказу Марченко, министр обороны тоже предпочитает разговаривать с последним. Насколько они в курсе всех этих экспериментов? Влезешь, как индюк в суп, сварят и съедят, а кости — дворняжкам.

Так и гипнотизировал телефонный аппарат, подбирая цифровую комбинацию к спокойному и обеспеченному будущему, вплоть до солидного памятника на городском кладбище. Но телефон зазвонил сам. Из трубки нагло и уверенно зазвучал уже знакомый Яковлеву голос.

— Вадим Григорьевич! Добрый вечер!

— Кому какой, — буркнул Вадим Григорьевич.

— О! Да вы не в настроении! Но дела не терпят, — Ермоленко настырно напирал, голос его не оставлял шанса на возражения, и сорокасемилетний Яковлев снова вспомнил предупреждающие пассажи мамы.

К сожалению, он не знал, что звонивший ему Ермоленко недалеко ушел от дворовых шестерок.

— Вадим Григорьевич, лучшая защита — это нападение. Уважаемые люди, с которыми, сами понимаете, лучше не спорить, решили, что нам следует уже сегодня взять все в свои руки. Тот, кто может заглянуть в завтра, обязательно кинет нас уже сегодня. У меня к вам огромная просьба, выпишите, пожалуйста, пропуск на мое имя, со мной будут еще три человека, Петр Матвеевич Верхотурцев... — и Ермоленко назвал еще два имени.

— Рабочий день уже закончился, а у меня нет бланков.

— Встретьте нас сами.

Вадим Григорьевич держал трубку, как бокал с ядом. Он окончательно убедился, что только внешне выглядит респектабельным и независимым человеком. Ему захотелось в длительный отпуск. Подумалось вдруг, что это не поздно будет сделать завтра, особенно, если доллары лежат в том же Промстройбанке.

“Тот, кто может заглянуть в завтра, обязательно кинет нас уже сегодня”, — повторил себе фразу Ермоленко Яковлев.

— Вадим Григорьевич, мы же с вами партнеры, — вежливо затягивал петлю Ермоленко, — мы сделали ставки, и либо все потеряем, либо выйдем на новый уровень. Уверяю вас, люди, которые за мной стоят, их поддержка — это практически пропуск в Государственную Думу. Хотите в депутаты?

— Нет, не хочу, у меня более скромные амбиции.

— Любые, Вадим Григорьевич, любые, — подчеркнул Ермоленко. — Ну так что? Вы нас встретите?

— Приезжайте, — и дав отбой набрал другой номер.

— Код 101, — сказал он и положил трубку.

Там, куда он звонил, знали, кто и откуда набрал номер.

Накрученные за последние дни нервы вытолкнули Вадима Григорьевича из кабинета, он, некрасиво семеня, спустился на второй этаж и ринулся в хозяйство Кошкина. Как и предполагал, в лаборатории горел свет, и он вошел туда, как хозяин, заставший слуг за мелким воровством.

— Что вы тут делаете? Вы абсолютно посторонние люди на секретном научном и военном объекте. Где Кошкин?

Китаев и Варя, застигнутые врасплох, подскочили. Только что с легкой руки Вари они вписали в кроссворд имя Пуанкаре, на очереди был химический элемент иттрий.

— Покиньте помещение!

— Я не могу этого сделать, — твердо ответил Китаев. — Сергей Павлович просил меня ждать его здесь.

Яковлев посмотрел на него с хладнокровным негодованием. Он готов был к этому ответу. И вообще, пока он спускался, к нему вернулись самообладание и решимость. С этого момента он уже разыгрывал свою собственную партию.

— Я вернусь сюда через несколько минут с ребятами из внешней охраны, и, думаю, вам лучше покинуть лабораторию до этого времени. Нарушение внутреннего распорядка налицо. Поэтому лаборатория будет обесточена и опечатана. — Он победно глянул на прибор, генератор которого надсадно гудел на огромном рабочем столе Кошкина. — У нас тут работают с оперативно-тактическим и даже стратегическим оружием, а не кроссворды в обществе девиц разгадывают.

— Ни фиги себе война, — что еще мог сказать Дорохов, наблюдая приближение Бекхана.

— Ви что, фашисты-националисты?! Пачаму все должны слушать эти ваши русские песни?! — Бекхан метал молнии, каждому “выстрелил” в глаза и особенно задержался на Дорохове, который привстал.

— Ты потише с фашистами, тут есть офицеры советской армии, — сухо сказал майор.

За дальним столиком у входа встали готовые в любую минуту ринуться в бой земляки Бекхана. Кошкин за рукав усадил Дорохова, Бекхан кивнул своим, и они сели, высокомерно поглядывая в сторону конфликта.

— Уважаемый, — заговорил Рузский, — мы просто заплатили сегодня за музыку, что в этом такого?

— Я тоже хочу заплатить! У вас что — капитализм? Карочи, или вы скажете музыкантам, чтобы они сыграли маю песню, или пайдемте на улицу разговаривать.

Грум при этих словах едко ухмыльнулся, что не осталось незамеченным. Бекхан скривился:

— Что ты лыбишься? Ты думаешь — ты король?

— Слышь, — в голосе Грума зазвучал смертельный холод, — дергай отсюда. Расплодился по всей России, интернационал хренов.

— Что ты сказал? — лицо Бекхана окаменело серым мрамором, ненависть замаячила оскалом из-под вздернутой губы.

— Послушай, Бекхан, — забылся от волнения Дорохов, — никому сейчас не нужны лишние проблемы. — Тебе сказали — иди — заказывай, скажешь музыкантам: мы не против.

Бекхан просверлил Дорохова взглядом:

— А ты, дядя, откуда маё имя знаешь? Мне тоже кажется, где-то я тебя видел?

“О-ё! — подумал Кошкин. — Не только земля, но и время на ней, соответственно, круглое. Какой же он навязчивый. Задолбали со своей кавказской честью. Понты сплошные. Вот так и начинается бытовой национализм, а потом драка, а потом ненависть на всю жизнь, а потом война...” И, словно подтверждая мысли Сергея Павловича, Бекхан наклонился над их столиком и, брызжа слюной, ядовито прошептал:

— Вы, русские, только водку пить умеете, а ваш Сталин...

— Сталин был грузин, — отрезал Кошкин.

— Тебя я тоже где-то видел. Мы еще пагаварым, — и, прежде чем повернулся, чиркнул себя пальцем по горлу — подписал всем сикир-башка.

Невозмутимый Грум прокомментировал:

— Убитый он мне нравился больше, хотя я видел его всего несколько секунд. Любовь с первого взгляда, наверное.

— Ты некрофил, Вадик, — попытался разрядить обстановку Рузский.

— Этот, по сути, ничего помнить-знать не должен, а у меня такое чувство, что я с ним с детского сада воюю, — включился Дорохов. — Знаешь, Сереж, даже не возникло понимания, что здесь он меня младше. Какого хрена он здесь делает?

— Пляшет, — ответил Кошкин.

Музыканты заиграли какой-то вариант лезгинки, и гордые горцы бросились удивлять народ задорным танцем. Кое-где подбитые советские граждане улыбочиво хлопали в такт музыке, некоторые смотрели с недоумением, другие — с плохо скрываемым недовольством. А горцы плясали так, будто через минуту они вынут из ножен кинжалы и бросятся в атаку.

— Махмуд Эсамбаев на халяву, — прокомментировал Рузский.

Когда постоянно ускоряющаяся лезгинка, наконец, оборвалась, танцоры замерли в последнем па, со вскинутыми вверх руками, выкрикнули что-то горланное, затем поаплодировали сами себе и всем гуртом отпраздничали за свой столик. Бекхан только ошпарил компанию Кошкина презрительным

взглядом. Вспотевшие и немного нервные музыканты взяли тайм-аут и, объявив перерыв, ушли в подсобку промочить горло.

— Всегда найдется какой-нибудь урод, чтобы испортить вечер, — покачал головой Дорохов.

— А не попробовать ли нам советскую проституцию? — подмигнул компании Рузский.

— Секса у нас нет, — вспомнил табу прежних времен Грум.

— Интересно, конечно, но мне как-то не хочется, — смутился Кошкин.

— Да мне, собственно, тоже, просто хотел разрядить обстановку, — признался Владимир Юрьевич.

— Ну, за разрядку, — пригласил всех выпить Василий Данилович.

Все, кроме Грума, вышли, и никто не заметил, что он неотрывно смотрит на одного из друзей Бекхана, а когда поняли, то было уже поздно. Бекхан вновь подорвался, вскочил со своего стула, чуть не отбросив его в сторону, и направился к ним. Его компания поднялась следом, но пока что осталась выжидательно стоять. Бекхан же уже не мог контролировать себя.

— Чё ты хочешь?! А? Чё ты так смотришь?! А!? Хочишь поговорить? Ну пайдем?! Пайдем-пайдем! Я тебе твои глаза на жопу натяну! — от эмоций, а, может, и специально Бекхан коверкал русский язык.

Кошкин понял, что конфликта не избежать.

— Извини, Вова, — обратился к Рузскому Паткевич, словно Бекхана вообще не было рядом, — мне показалось, что вот тот был тогда в компании. — Грум слегка кивнул в сторону нукеров Бекхана. — Он не участвовал, просто был... — Паткевич выдержал паузу. — Вова, ты можешь не беспокоиться. Я быстро, — голос Грума отдавал таким холодом, что Бекхан должен был упасть без сознания, еще не доходя до столика Кошкина. Но Бекхан был не Ермоленко, его еще больше взбесило, что на него не обращают внимания. К этому моменту он проклинал не только Грума и всю его компанию, но и всех их родственников до десятого колена и гарантировал каждому индивидуально такие пытки, на которые у маркиза де Сада не хватило бы фантазии.

— Мы тут никого не должны калечить или убивать, — последний раз предупредил Кошкин, доставая из кармана пульт, но уже понял, что его никто не слышит.

— Что бы ты сделал, Сергей Павлович, — вдруг перешел на “ты” Рузский, — если бы нашу с тобой Лену кто-нибудь унизил и растерзал, — он не смог при Вадиме произнести страшное слово, — и теперь этот человек был бы в зоне твоей досягаемости?

— Нельзя, — вздохнул Сергей Павлович, — и нажал комбинацию кнопок.

Ничего не произошло. Грум уже шел впереди орущего на двух языках Бекхана к выходу. Следом двинулись обе компании. Кошкин удивленно потер левую половину груди, где неприятно, но очень веско напомнило о себе сердце. Засеменил последним, еще раз набирая код, но время вокруг не изменялось.

“Лучше бы я изобрел газонокосилку или летающий фаллоимитатор”, — выругал себя Сергей Павлович. Он не знал, что его лабораторию обесточили, чего не решался до этого сделать даже Чубайс.

— Вы на коленях будете ползать! — кипятился Бекхан.

— Обязательно им надо, чтоб перед ними кто-нибудь стелился, что за народ?! — буркнул Дорохов.

Они вышли в темный закрытый дворик ресторана, где находились складские помещения, молотили допотопные холодильные установки и куда, кроме того, ходили справлять нужду знающие об этом закутке прохожие.

Драка началась спонтанно. Как говорят военные, без оперативной паузы. Кошкин, пытавшийся выдавить из пульта новое тысячелетие, даже не заметил, как получил удар в челюсть и упал спиной на железную сетку предбанника холодильной установки. Сунув бесполезный прибор в карман, он ринулся в бой.

Грум с первого удара уложил Бекхана, который выбрал его своим противником, а потом ринулся на помощь Рузскому, у которого не было таких

спортивных качеств. Дорохов с ходу завалил того, кто напал на Кошкина. Поднявшийся Бекхан достал из кармана выкидной нож и двинулся на Паткевича. Грум с едкой ухмылкой достал пистолет. Щелкнул предохранитель. Сергей Павлович Кошкин, не раздумывая, бросился наперез пуле и успел. Грум стрелял с бедра, и пуля, двигаясь снизу вверх, вошла в правый бок, отбросив Кошкина на два метра, буквально на нож Бекхана.

“Сходили в ресторан”, — подумал Сергей Павлович, сливаясь с болью и наплывающей на глаза темнотой.

Говорят, умирающие видят в последние мгновения всю свою жизнь, словно на разогнавшейся кинолентке. Кошкину мнилось другое. Ему вдруг привиделось, что в темный глухой двор ресторана вошел Бекхан с простреленной с двух сторон грудью. А потом ему показалось, что вместо крови из его собственной раны сочится обманутое им время. Он уже не слышал выстрелов Грума, не видел озверевшего в бою Дорохова, что ломал ребра, челюсти и ключицы противников, как щепки. Он не слышал Рузского, что держал его голову на своих коленях и шептал: “Что я скажу Лене и Виталику?”.

Зато инженер-конструктор Сергей Павлович Кошкин смог увидеть несколько вариантов собственной жизни. Так, как будто это была мыльная опера, а лежал он не на пыльном, залитом кровью, покрытом трещинами асфальте, а на диване у телевизора, и одновременно являлся и зрителем и главным героем.

И непонятно было: то ли Кошкин вспоминает новое будущее, то ли новое прошлое затягивает его в свою темную бездонную воронку.

* * *

Был момент, когда, думалось, удастся вернуть Лену. В 1997-м зарплату почти не платили, давали какие-то смешные авансы, инженеры и техники стали уходить. Кто подался в челноки, кто в частные конторы, некоторые предпочли тихо сшиваться, два-три человека вырвались за границу. Остальные жили, как в дурном сне, ожидая пробуждения. По предприятиям ходили непонятные агенты, вербующие специалистов в республику Ичкерия, с которой недавно был подписан такой же непонятный договор о разграничении полномочий. Дудаева уже не было, был Масхадов. Главное: там обещали платить, много и регулярно. Гарантировали безопасность и признание родины. Требовались строители, энергетики, нефтяники... На энергетика Сергей Павлович мог потянуть. Вопреки увещаниям Марченко он записался волонтером на восстановление ЛЭП. Конечно, сподручнее было бы налаживать работу некогда известных в Грозном заводов “Электроприбор” и радиотехнического, но новое руководство республики интересовали только дешевый бензин и халивная электроэнергия. Остальным предлагалась свобода. Свобода ходить по улицам с автоматами и уважать только самих себя. Этакий вооруженный этноэгоизм.

Где-то у реки Сунжа поднимали порушенные войной вышки. Никакой безопасности не было. Солдаты внутренних войск, что охраняли строителей и энергетиков, сами боялись мирных жителей. Последние же надеялись на авось и на то, что их труд по восстановлению разрушенного войной хозяйства мятежной республики заслуживает если не уважения, то хотя бы признания в форме иммунитета от ночных обстрелов, дневных оскорблений и постоянных похищений. Наивные.

Стрелять начали в первую же ночь. Точнее — утром. Стреляли для развлечения с большого расстояния. Это ж какая радость прострелить рукомойник или угол нужника в самый ответственный момент! Главного инженера украли уже через неделю. Требовали выкуп сто тысяч долларов. Чубайс платить отказался, перевел стрелки на военных, а те развели руками: нам на кашу и патроны не хватает, и вообще это не по нашей части. Рождественники продали трехкомнатную квартиру в Саратове и дачный участок. Скинулись сотрудники, которым год не платили полноценную зарплату. С трудом собрали двадцать тысяч. Долго торговались через всякие там каналы, и каждый,

кто имел к этому отношение, хотел от этой двадцатки отщипнуть свои дивиденды. В результате выкупили похудевшего до мраморной белизны и землистого цвета лица, абсолютно сломанного мужчину без двух передних зубов и правого уха. Видимо, зубы и ухо стоили остальные восемьдесят тысяч долларов.

Кошкин быстро понял что ничего, кроме нервного тика, он здесь не работает, но, как многие русские, продолжал работать по какой-то никому непонятной безропотной инерции. Этого не понимал и зарубежный журналист Франсуа Кретьен, что пытался найти на Кавказе третью правду, которую французы и бельгийцы съедят с круассанами за завтраками и обедами. Последней новостью для них станет похищение самого Кретьена, за которого “бескорыстные” борцы за независимость затребуют объективную сумму в 1 миллион долларов, и главный редактор начнет торговаться с теми, кому делал имидж несгибаемых борцов на первых полосах своей почти независимой газеты. Кретьена все же выкупят, и даже зубы и уши у него останутся на месте. Но писать о русском и нерусском Кавказе он больше не будет. Потому что взгляд у него теперь будет предвзятый, а не такой, какой нужен для формирования независимого объективного мнения европейских обывателей. Во всяком случае, пока их самих не начнут взрывать, травить и высылать родственникам по частям.

Будучи уже на свободе, Франсуа не бросился сломя голову в квартиру-студию на Монмартре, содержание которой оплачивал гонорарами из горячих точек, а повидался с русским инженером Кошкиным, у которого еще до плена взял интервью. Статью о нем он назвал “Русский мечтатель”, потому как простодушный Сергей Павлович на вопрос, чтобы он делал, если бы ему платили достойную зарплату, ответил, не кривя: “машину времени”. Чем-то глянулся бесстрашному французу меланхоличный русский изобретатель. И он навестил его перед отъездом домой в сопровождении нескольких автоматчиков, оставил свой адрес, телефоны и настаивал на приезде Кошкина в Париж, обещая оплатить все накладные расходы.

— Может быть, — вздохнул Кошкин, прощаясь.

Лицо Кошкина при этом настолько ничего не выражало, что Кретьен вдруг увидел на нем ответ на долго мучивший его вопрос: почему Наполеон, войдя в Москву, проиграл-таки войну с русскими. И прозорливыми своими журналистскими глазами накопал в душе оппонента беспросветную апатию ко всему окружающему и собственной жизни. С каких-то пор Сергей Павлович жил, потому что жить было надо. Надо, и все! Расписание такое. Жить сегодня, завтра, послезавтра... А если вдруг не придется, значит, и не надо.

— Я знаю, почему крепостные крестьяне воевали с Наполеоном, — сказал он Кошкину.

— Я тоже знаю, — улыбнулся тот.

“Потому что вы, русские, настолько смиренны, что уже и несгибаемы, хотя упрямством это не назовешь”, — подумал Кретьен.

“Потому что считали Наполеона Антихристом”, — подумал Кошкин.

Франсуа улетел, а Кошкин стал поднимать новую вышку. Он не знал, что из кустарника, в полуверсте от места работ, его рассматривают в оптический прицел. Именно туда привел младшего брата Бекхан.

— Стреляй, давай, — командовал он, — хватит уже на банки патроны тратить.

— Но этот человек мне ничего плохого не сделал, он даже не солдат!

— Какая разница, солдат не солдат, он русский!

— Но они восстанавливают для нас электричество?

— Дурак! Не для нас, а для себя, чтобы вернуться и снова топтать нашу землю. Стреляй, или никогда не станешь мужчиной! Думай, что ты застрелишь собаку, которая укусила твою мать. Тебе уже семнадцать лет, а ты еще не убил ни одного русского!

Алейхан снова приник к оптике. В этот момент русский инженер словно почувствовал смертоносный взор прицела, и взглянул навстречу своими чуть печальными серыми глазами. Алейхан внимательно рассмотрел засаленный воротничок его рубашки, нелепый клетчатый галстук под фирменной зе-

ленной курткой, которая, по всей видимости, заменяла несуществующий пиджак, и серые, в кровавых прожилках, усталые глаза. Он вдруг понял, что этот человек не боится смерти, хотя он не отчаянный храбрец и не воин. Такие же глаза были у Дамана. Похоже, они оба уже прочитали книгу жизни и теперь им абсолютно наплевать на все, что происходит между первой и последней страницами, они просто знают нечто самое важное и грустно посмеиваются над теми, кто суетится и барахтается, полагая, что они эту самую книгу пишут.

Однажды случайная пуля залетела в сад Дамана и попала в его любимое дерево — старую яблоню. Эта яблоня, как старушка с клюкой, последним усилием тянулась к небу, опираясь на специально сделанную Даманом подпорку. Пуля угодила в самый центр ствола там, где от основного устья расходились вверх тяжелые плодоносящие ветви. Даман, точно хирург, вынул пулю, и закопал ее рядом, а ранку смазал воском, чтобы не было заражения. Когда Алейхан спросил, почему Даман так упорно ухаживает за старой яблоней, тот ответил:

— За этой яблоней ухаживал мой отец, а до него — его отец, мой дед, а до него — его отец, мой прадед... У этой яблони я встречаюсь с ними чаще, чем на кладбище. Когда меня не будет, мой внук сорвет яблоко, и оно достанется ему от меня. Дерево единственное, как человек, всю жизнь стремится к небу, а корнями уходит в землю. Человек — наоборот, корни в небе, а уйдет в землю. Ты же знаешь, что говорят: мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына. Сейчас времена другие: сейчас надо не сломать дом, не сгубить дерево и уберечь сына. Сына мне Бог не дал...

Алейхану понравились слова Дамана, они были красивыми, но далекими. Неужели жизнь нужна для того, чтобы подпирать деревья?

А на следующий год произошло нечто странное. Семечки во всех плодах с этой яблони были в форме маленьких пуль. Все до одного. Заметила это Айза, которая первой сорвала яблоко на пробу. Потом Даман сосредоточенно разрезал их одно за другим и удрученно качал головой:

— Эти горы скоро оглохнут от выстрелов. У русских говорят: что посеешь, то и пожнешь.

Вслед за тем выкопал прошлогоднюю пулю и унес ее куда-то за пределы села. Станный человек Даман, отец самой красивой девушки...

Голос Бекхана вернул начинающего снайпера в реальность.

— Стреляй же! Не позорь наш род!

Что изменится, если на этой земле одним русским инженером станет меньше? Ждет ли его кто-нибудь дома? Зачем он приехал сюда? Неужели он верит, что эта война кончилась или когда-нибудь кончится? Наверное, у него все же нет своей яблони, как у Дамана. Если б у русских были свои яблони, они бы не стали распознаться по окраинам и лезть в чужие горы. А может, кто-то вырубил яблони русских?..

Указательный палец едва уловимым движением потянул курок. В это мгновение Алейхан вдруг увидел, как родной брат занес над его грудью легендарный дедовский кинжал.

* * *

Шум морского прибоя для человека, который живет в средней полосе России, а то и в Сибири, это намного больше, чем для жителя Сочи снегопад, метровые сугробы или баритон соснового бора в ветреную погоду. Во всяком случае, слишком мало можно найти сочинцев или крымчан, которые заплатят большие деньги, чтобы поиграть в снежки или покормить комаров. Зато сребролюбивые москвичи, трудолюбивые уральцы и “гуляй душа” сибиряки с легкостью отдадут годовой бюджет за то, чтобы пару недель слушать шум прибоя. Справедливо было бы, если бы одни везли деньги летом к морю, а другие бы зимой приезжали с этими деньгами кататься на лыжах. Об этом подумал Михаил Маркович, укладывая две тысячи долларов в свой кейс.

Легкий гонорар был кстати, дочка настырно просила как раз столько для поездки в Италию. Что делать, родители зарабатывают, дети тратят. Юля, конечно, абсолютно еще не поняла, в чем цимус: деньги лучше иметь, нежели бездумно их тратить. Но чего не сделаешь для единственной дочери? В конце концов, все равно все достанется ей. И тому гаду и лентяю, который завладеет ее сердцем! Наливая себе отходную с устатку, Михаил Маркович с особой ненавистью думал о своем будущем зяте. До сих пор Юля приводила в дом каких-то потусторонних людей. Ни одного реального, твердо стоящего на ногах мужчины. Все какие-то “летчики”, что витают в облаках собственных идей и полагают, будто кто-то будет вкладывать деньги в их проекты, от чего они неминуемо разбогатеют и обеспечат семейное счастье Юлечки. Хотя бы один сын порядочного ювелира или банкира. Одни будущие менеджеры. Менеджер — это тот же официант, только не в ресторане, а в офисе. И живет на чаевые. А то еще журналиста приводила... “Бзззз”, поморщился Михаил Маркович, усилив кислую кривизну рта долькой лимона.

Он еще раз вынул деньги, чтобы поддержать их на весу, словно хотел определить, перевесит ли средиземноморский прибор тонкую, но приятную тяжесть свежих столларовых купюр. Юля очень похожа на итальянку. Черные выющиеся волосы ниже плеч и миндальные глаза, обрамленные длинными пушистыми ресницами. И, разумеется, чуть гнутый “итальянский” носик. Надо только предупредить ее, чтобы не брила подмышки. В Италии так делают только проститутки. По крайней мере в шестидесятые годы делали, так их и определяли. Ну кто ей сказал, что Рим это великий древний город? Вертеп с античным стажем, такой же дрянной, как автомобиль “рено”. Над Ватиканом разве что похихикать. Дряхлого папу поглядеть. Какой же это папа, если у него под боком нет мамы?..

Михаил Маркович улыбнулся, но вспомнил, что в ближайшее время придется попотеть над делом Касимова, где из хладнокровного убийцы нужно вылепить благородного джентльмена, который в состоянии аффекта превысил пределы допустимой самообороны. Адвокат брезгливо поморщился. Губами сыграл нечто вроде лошадиного храпа, брызнул спонкой на служебные бумаги. Зато гонорар там ломился в десять раз тяжелее. Придется попотеть, у друга Пети в банке эти деньги будут расти, как на дрожжах.

Закрывая сейф и сбрасывая бумажный хлам в кейс, Михаил Маркович не заметил, как со стороны улицы сквозь незакрытые ребра жалюзи в его уютный кожаный кабинет заглянули безумные темные глаза. Полыхнули мутными адскими огоньками на болотную зелень долларовой пачки, что легла в чемоданчик, и погасли где-то в глубине арки недалекого проходного двора. Обычно адвокат всегда зашторивал жалюзи от посторонних глаз, но сегодняшней конверт и общение с полковником ФСБ выбили его из привычной колеи.

Выйдя из офиса на вечернюю улицу, Михаил Маркович подчеркнуто шаркающей походкой направился к автобусной остановке. Давно ему советовали машину с водителем, но он считал это ненужной роскошью. Если ноги носят, чего не ходить? Пусть молодежь себе лбы на иномарках расшибает.

Адвокат ничего не успел подумать, когда чья-то наглая левая рука рывком втащила его в гулкую темноту арки, а правая — опустила на его голову половину силикатного кирпича с такой силой, что сознание, в котором еще миг назад роились сложные расчеты и шахматные партии предстоящих процессов, тут же покинуло ее сквозь безнадежный пролом в черепе. Тем же, но уже окровавленным обломком кирпича были сбиты замки на кейсе, а освободившаяся от воротника адвоката левая рука жадно выхватила из его чрева две тысячи долларов Бекхана.

Убегая, Усман ни разу не оглянулся. День все же удался.

* * *

Далее Кошкин видел...

Русский все-таки уговорил его махнуть в будущее. Недалеко. Года на три. Риск решили поделить на двоих. Кошкин ничего не сказал Дорохову и

Китаеву, Владимир Юрьевич обошел вниманием Паткевича. И машина сработала...

Глобальное потепление еще не наступило. Льды Гренландии и Антарктиды были на месте. Земля не поменяла полюса. Третья мировая война не началась. На красивых машинах по неизлечимым русским дорогам все также носились богатые, а вдоль них все также рылись в мусорных баках самые нищие. Золотой век не наступил. Зато с торговой империей Рузского что-то было не так. Это они поняли, беспечно гуляя по городу, отгородившись от возможных знакомых темными очками и надвинутыми на глаза козырьками бейсболок. Деньги не брали с собой принципиально. Владимир Юрьевич решил подшутить над самим собой: снять в банке энную сумму, дабы отвезти кухню будущего. Сергей Павлович не возражал, шутить с будущим казалось ему легкой забавой по сравнению с изменениями прошлого.

Первый раз Рузский был озадачен, когда обнаружил, что на улице Грибоедова закрыт принадлежащий ему игровой центр. Точнее, вместо него там располагается офис какой-то неизвестной ему фирмы.

— Что делает, гад?! — ругал он самого себя. — Здесь же верная прибыль! Место бойкое, народ свои тугрики в игровых автоматах оставлял с таким удовольствием, точно это сберкасса, а не денежный пылесос! Неужели конъюнктура в городе так поменялась? Нет, Сергей Павлович, я этому бизнесмену, мать его, скажу, как надо правильно вкладывать деньги.

— Не стоит, Владимир Юрьевич, — равнодушно пожал плечами Кошкин, который своих банков и магазинов на улицах города обнаружить не планировал, — он умнее тебя на три года. Значит, так было надо. Может, он закрыл центр здесь, а открыл в другом месте?

— Но зачем же площади кому попало отдавать?

— Может, выгодно продал?

— Может... может... Не нравятся мне эти “может”. Мужику слово “может” только в одном случае рекомендовано. В остальных — предпочтительнее слово “надо”.

— Надо держать себя в руках и уважительно относиться к себе в будущем, — с улыбкой подхватил Сергей Павлович, — следует сравнить, к примеру, третьеклассника и первоклассника, разница в три года, но первый уже уверенно читает, складывает, умножает, делит... Если, конечно, он не безнадёжный дебил...

— А еще третьеклассник умеет курить и материться! Лучше проверим наши счета, — волнение не покинуло Владимира Юрьевича.

Еще минуту назад уверенный в себе до полного пренебрежения к окружающему миру мужчина и деловой человек заметно сдал. Кошкин даже подумал, что именно сейчас он постарел на три года. Ну что делать с этими денежными воротилами? Без пачки долларов в кармане, без связей, без лакированной тачки с престижным лейблом на борту, без одобрительного гогота братьев за спиной они выглядят уже не так эффектно. И Рузский, в этом случае, не составлял творческого исключения, хотя отличался от многих продвинутым интеллектом и здоровой иронией.

В просторном холле банка, где шелестели прохладой кондиционеры, Владимир Юрьевич уверенно избавился от кепки и очков и подошел к менеджеру. Увидев солидного клиента, тот угодливо расплылся улыбкой и с вкрадчивым участием спросил.

— Здравствуйте, Владимир Юрьевич, вы уже вернулись из Германии?

— Как видите, — буркнул Рузский.

Кошкин в этот момент поймал себя на мысли, что так рождаются легенды, пополняющие толстые сборники разных необъяснимых случаев и страницы журналов типа “НЛЮ”. Вот вам еще одна: человек одновременно находится в двух местах. Это, конечно, выяснится потом, и несчастный менеджер будет бить себя кулаками в грудь, доказывая, что имел дело именно с Владимиром Юрьевичем Рузским, а графологи будут давать уклончивые ответы, сверяя подписи в расходных ордерах, а сейчас...

— Я надеюсь, лечение прошло успешно? — с мимолетной учтивостью спросил менеджер.

— Полагаю, что так, — кивнул Рузский, не обратив, в сущности, внимания на вопрос.

— Очень рад за вас, Владимир Юрьевич, такая болезнь...

— Ерунда, — еще раз отмахнулся Рузский, но на виске у владельца холдинговой кампании начала пульсировать быстрая жилка. — Я хотел бы снять небольшую сумму.

— Как вам будет угодно. В валюте? Рублями?

— Рублями...

— Желаете пройти в кабинет?

— Не стоит, это мелочи. Да, и справку о балансе дайте, пожалуйста. — Владимир Юрьевич теперь уже заметно нервничал.

— Елена Андреевна два дня назад брала, прежде чем к вам в Германию полететь... — теперь уже озадачился менеджер.

— А что, с этим есть какие-то проблемы? — надал недовольной твердости в голос Рузский.

— Да нет, я просто подумал...

— Давайте, думать буду я!

— Несомненно, Владимир Юрьевич, вот бланк, вы заполняете, а я распечатаю справку.

Менеджер поспешил исчезнуть, а Рузский обернулся к внешне скучающему Кошкину:

— Как думаешь, Сергей Павлович, какой процент инфляции?

— Правительство всякий раз обещало не выше двенадцати, — не задумываясь, ответил инженер, припомнив бравые речи министров.

— Ладно, с таким запасом и напишем, — решил Рузский.

Получив деньги, он нарочито небрежным движением отправил требуемую справку о балансе в карман брюк, точно это была квитанция из прачечной. Холодно распрощался с растерянным менеджером и, резко повернувшись, двинулся к выходу. Кошкин, вздохнув, последовал за ним. Терпения у Владимира Юрьевича хватило до небольшого сквера. Облюбовав свободную от подростков-пивоманов скамейку, он наконец развернул сложенный вчетверо листок.

— Я стал беднее на три миллиона. Чепуха. Я думал хуже, — заметно повеселел Рузский, — есть повод выпить. Знаешь, Сергей Павлович, я бы с удовольствием сейчас пригласил в нашу компанию Елену Андреевну.

— Ты же слышал, она в Германии, ухаживает за больным старшим Рузским, — задумчиво и не очень осторожно напомнил Кошкин.

— Ах да! Черт! Я чуть не забыл! Главное, я по-прежнему богатый человек.

— Главное ли? — усомнился больше для самого себя Сергей Павлович.

— Ну да, ты у нас аскет, тебе деньги по барабану.

— Ну не настолько. Я бы не отказался жить в доме у моря, заниматься наукой и не думать о хлебе насущном. Макароны, опять же, с сосисками жуть как надоели.

— Жениться надо. Настоящая жена из любых продуктов кулинарный шедевр сделает.

— Где ее найти — настоящую?..

— М-да... — несколько смутился Рузский, вспомнив, на ком он женат.

Со стороны могло показаться, что в сквере притомились от безысходности жизни два прилично одетых безработных. Посидят и пойдут дальше — каждый в свое никуда, где жизнь вопреки мыльным сериалам заканчивается ничем и никак. Но картину эту разбила на куски изысканная мелодия мобильного телефона Рузского, что в самый неожиданный, а, может, напротив, самый подходящий момент, когда разговор стал напоминать натянутую струну, исполнил "Половецкие пляски" Бородина из оперы "Князь Игорь".

Владимир Юрьевич с удивлением извлек его из элегантного кожаного футляра на поясном ремне.

— Я что, за три года не удосужился поменять мобильный?

— Привычка свыше нам дана, замена счастию она, — прокомментировал откуда-то из своего далека Кошкин.

— Лена звонит, странно...
— Чего странного, телефон не человек, работает и в прошлом и в будущем. Сохранился, стало быть.

— Ответить?

Но мелодия уже прервалась.

— Думаю, ответил тот, кому звонили, — объяснил Кошкин.

— Прости, Сергей Павлович, имею полное право подслушать, звонят-то все-таки мне, — оправдался Рузский, нажимая зеленую трубочку на клавиатуре, а другой рукой прикладывая палец к губам: мол, помолчи, брат.

Кошкин пожал плечами: ваше будущее, что хотите, то и делайте, но к голосам в трубке невольно прислушался.

— Лена, я же просил тебя не приезжать, — совершенно загробным голосом — хриплым и глухим говорил тот Рузский.

— Но, Володя!.. — голос Елены Андреевны заметно дрожал.

— Я имею право умереть, как мужчина. Не хочу, не желаю плакать от боли и безысходности у тебя на коленях.

— Но у нас еще есть шанс! Надежда всегда есть!

— М-да... Каламбур, надежда умирает последней, она умрет секундой позже меня. Логично и поэтично. А вообще, любимая, мне тяжело даже придумывать мысли... Представляешь?! Тягучая постоянная боль вышибает все, даже мысли! Их нужно придумывать, они больше не текут сами по себе, и единственное комфортное состояние — это забытье. Я, Лена, таким образом, похоже, заглядываю в предстоящий мне мир. Предполетная подготовка... Кхы-кхы... — И не смех даже, и не кашель...

— Скажи, чтобы меня пускали к тебе в палату! Завтра приедет профессор Ротбергер. Он специалист высокого класса.

— Специалист... И гонорары... у них... Они еще просто не знают... Вроде всю жизнь работают со смертью, и все никак не дотумкают... И я вот тоже... Сколько еще я могу оплатить операций?.. А?..

— Сколько потребуется, столько и оплатим!

— Лучше часовню построй или в детдоме ремонт сделай. Неужели ты еще ничего не поняла?

— Я просто хочу за тебя бороться!

— Вот и борись. Может, мне и зачтется. А эскулапам, Лена, завязывай платить. Хитрый у них счетчик: чем ближе смерть, тем секунда жизни дороже.

— Скажи, чтобы меня пустили к тебе! В конце концов завтра вторник! Я имею на это полное право по вторникам и субботам, у меня уже биоритм сложился, если я тебя не увижу, я сама слягу в соседнюю палату. Слышишь, Рузский?!

— Мне будет стыдно... За себя... Пррр-отивно! Виталика только отправь домой... Знаешь, я бы сейчас уехал куда-нибудь на берег Волги, а то и на Байкал. Никогда не был на Байкале...

— Вот поправишься — и поедем.

— Прекрати, твой доморощенный киношный оптимизм вызывает у меня раздражение... Всё. Мне пришли ставить укол. Надо, кстати, отказаться, сдохнуть наркоманом — противно. Как по-немецки: мой дедушка не дошел до Берлина...

— Скажи, чтобы меня пропустили!.. Я — твоя жена!

— Слава Богу, мне хоть с этим повезло... Я скажу, только не уговаривай меня умирать с придурковатой улыбкой большого жизнелюба. Обещаешь?

— Не буду...

На этих словах связь прервалась.

Потрясенный Рузский смотрел на замолчавший телефон так, словно это было жерло пушки, направленное в его голову. Кошкин поежился.

— Это что, выходит, через три года я умру? — наконец прорвало Владимира Юрьевича.

— Ну не умер же еще, — неуверенно возразил Сергей Павлович.

— Может, позвонить в клинику, спросить, сколько мне осталось? — криво ухмыльнулся Рузский.

— Не надо. Тот, который лежит в больнице, уже знает, что ты здесь, Владимир Юрьевич. Лучше вернуться обратно и пройти обследование.

— Но у меня ничего не болит!

— А это хуже всего.

— Глупо как-то, бессмысленно. У меня же все есть! Деньги, положение, планы на будущее! Знаешь, Сергей Павлович, я тебе всегда завидовал, — неожиданно признался Рузский.

— Ты — мне?.. — брови Кошкина изогнулись удивленной дугой.

— Да-да! Не смотри на меня, как Ленин на портрет императора. М-да... У тебя есть сын от Лены. А у меня вот не получается. И, похоже, уже не получится. Все впускаю... Кому, на хрен, нужны теперь мои миллионы? Нет, я, конечно, все оставлю Лене и Виталику, но... Ты же понимаешь?

— Понимаю, — по инерции согласился Кошкин.

— В голове не укладывается... Не жизнь, а пшик какой-то получается. И ведь не от пули!

— Да, может, не все потеряно. Бороться надо. Во всяком случае попробовать.

— Не смей меня, Сергей Павлович.

Некоторое время они помолчали. Потом Рузский вдруг взял Кошкина за руку.

— Думаешь, Сергей Павлович, я такой дурак, что полагал главным смыслом своего существования накопление материальных благ и создание комфорта для собственной персоны?

— Думаю, Владимир Юрьевич, ты не дурак, — уклончиво ответил Кошкин.

— Деньги нужны, чтобы быть независимым. Я с детства шел к этому.

— Независимость при деньгах порождает зависимость от денег, — философски заключил Сергей Павлович.

— Угу, — горько усмехнулся Рузский, отпуская руку инженера. — Тебе проще, государство похоронит тебя как бескорыстного патриота. Унылые граждане периода развития рыночных реформ даже пару дней посудачат: какой хороший человек отбыл в мир иной и как он служил отечеству. А мне братва отгрохает памятник в стиле эпохи сталинского ампира. А уже через неделю и про тебя и про меня забудут, поглощенные кутерьмой и суетой о хлебе насущном. Это только в бразильских сериалах и богатые и бедные плачут триста серий и сочувствуют друг другу высосанной из своего бразильского пальца любовью, чтоб домохозяйки со станции Сухобезводное утирали слезы у ламповых телевизоров марки "Рекорд" и негодовали на мешающую сострадать донам педросам рекламу.

— Владимир Юрьевич, ты сейчас, главное, ничего не предпринимай на горячую голову, — попросил Кошкин.

Рузский кивнул, и они снова замолчали.

— С другой стороны, — спустя какое-то время заговорил Владимир Юрьевич, — у меня есть теперь целых три года. У Христа было столько, когда Он начал проповедь... Не для сравнения говорю, просто теперь у моего времени другая цена. Ведь каждый Божий день думал — пора остановиться, оглядеться, спрыгнуть с этого безумного поезда вечных челночников. Ты никогда не думал о том, что жизнь, в сущности, очень грустная штука, и страданий в ней больше, чем чего-либо другого?

— Думал.

— Спасибо тебе, Сергей Павлович.

— За что?!

— За время... Время Любви.

* * *

Проваливаясь в оглушительную нирвану, Усман еще порадовался, у толстого Асифа можно будет брать товар еще и еще... И еще... И еще... Асиф даже предложил своему клиенту подсобку, где стоял топчан, накрытый заса-

ленным, но мягким матрасом. Доллары в руках Усмана произвели на маленького круглолицего азербайджанца нужное впечатление. Он стал называть чеченца братом и вскользь поинтересовался, какой бизнес принес ему столько зеленых, если еще сегодня утром он просил дозу в долг? Разомлевший Усман сбивчиво рассказал, что пробил башку богатому старикашке, который таскал эти деньги в своем дипломате.

— Седой такой старикашка, хи-хи, с крючковатым носом? — переспросил Асиф, словно был в тот момент рядом, но это не насторожило Усмана.

— Ага, с крючковатым носом! Я еще завалю сто таких старикашек, и у меня всегда будут доллары. Их еще много в этом городе, а когда богатые старики кончатся в этом городе, я поеду в другой... — пролепетал, погружаясь в героинное безумие, Усман.

— Хорошо! Смелый Усман! Джигит! — кивнул в закатывающиеся зрачки Асиф и вышел из подсобки, нажимая на кнопки своего мобильного телефона. — Алле, человек, который убил адвоката лежит в моей подсобке. Нет, ближайšie два часа он никуда не уйдет. Харащё...

Через полчаса к рынку, где находилась овощная лавка Асифа, подъехали два джипа. Четверо мужчин в цветастых рубахах, негромко разговаривая на шамхорском диалекте азербайджанского языка, даже не скрывая от посторонних глаз, выгнали из подсобки бесчувственное тело Усмана и бросили его в багажное отделение одного из автомобилей. Пока они несли его, из нагрудного кармана рубахи выпала пачка долларов. Асиф, семенивший рядом, подобрал ее и, бережно пробежав по ребристому краю толстыми пальчиками, сунул в такой же карман своей рубахи. Потом вернулся в подсобку и взял кожаную куртку, что осталась на лежаке. Товарный вид у нее был не очень, но на что-нибудь она еще сгодится. Можно, к примеру, отдать таджику, который работает грузчиком. Вместо зарплаты.

* * *

Теплоход медленно, но уверенно поднимался против течения могучей реки. Ра, Итиль, Волга... Издалека, долго... Благодаря каналу можно подняться от Астрахани до Москвы. Астраханского ханства будто и не было никогда. От Волжской Булгарии — только археологические памятники, упоминания в исторических документах и голубоглазые татары в Казани. От Руси да России — все остальное: от тихого, но приметного историческим убийством Углича до Родины-матери на Мамаевом кургане.

Двое молодых людей целыми днями стоят на верхней палубе, любуясь проплывающими за бортом пейзажами. Взявшись за руки, склонив друг к другу головы, они восхищенно смотрят в постоянно открывающиеся, сменяющие друг друга бесконечные дали, на тихие поселки, на высокие колокольни, на остатки крепостей и разговаривают. Если невольно или специально подслушать их, то покажется, что, не взирая на смену дней, они говорят об одном и том же.

— Я никогда не думала, что Россия такая большая, — шепчет Айза, стесняясь своего незнания, — отец рассказывал, что имам Шамиль после пленения путешествовал по России и был поражен ее просторами. И мама тоже рассказывала. Детям в школе. Пока не запретили.

— Я тоже не думал... — шепчет Алейхан, вдыхая аромат ее волос и закрывая от счастья и накатовающей нежности глаза.

— Это хорошо, что мы выбрали теплоход.

— Хорошо.

— Представляешь, люди всю жизнь живут на берегу этой реки... Вон в том маленьком домике!

— И ходят ловить рыбу!

— Да причем тут рыба, Алейхан! У них есть свой дом на берегу реки! Понимаешь?!

— Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь, — она трется головой о его плечо, на котором еще несколько месяцев кряду будет исчезать след от приклада.

И если в большом русском городе стражи порядка проверят паспорт Алейхана, а бывалые вояки поглядят на этот знак войны да на указательный палец, то не миновать ему тюрьмы и долгих суровых допросов. Но сейчас он ничего не хочет знать, кроме того, что рядом с ним Айза, а впереди огромная Россия, где человек может потеряться, как искра в млечном пути.

— Ты бы хотел всю жизнь прожить на берегу великой реки?

— Я хотел бы всю жизнь прожить рядом с тобой, качать на руках наших детей и любить тебя до последнего вздоха! И хотел бы умереть первым, потому что я твоей смерти все равно не переживу.

— Все мужчины эгоисты.

— Почему?

— Все лучшее выбирают себе, даже смерть. Значит, ты умрешь у меня на руках, я тебя буду оплакивать, а потом сойду с ума от тоски?

— Гм...

— Надо, чтобы мы умерли в один день и даже в один час. Согласен?

— Да, я буду молить об этом Аллаха...

— Сначала моли Его о том, чтобы у нас была долгая и счастливая жизнь.

— Знаешь, когда Бекхан замахнулся на меня дедовским кинжалом, мне не было страшно. Мне было горько оттого, что это брат поднял на меня руку. Брат, которого я любил больше самого себя и которому верил. Мне не было страшно. А теперь, если кто-нибудь замахнется на меня кинжалом, мне будет страшно, потому что я не хочу покидать тебя, Айза.

— Спасибо...

— За что?

— За то, что ты любишь меня больше жизни... и больше смерти.

— Говорят, что мужчина не должен так сильно открывать свое сердце женщине, это проявление слабости.

— Это дураки придумали. Они сами любить не умеют, а других учат.

— Бекхан меня так учил. Все переживал, что я тебе много уделяю внимания, много думаю о тебе. У меня до сих пор перед глазами его гаснущий удивленный взгляд. Это колдовство какое-то. Он заносит надо мной кинжал, а его грудь разрывается, словно ее прострелили!

— Ты говорил... Прости, мне страшно об этом слушать. Отец никогда не рассказывал мне о войне, даже когда я его об этом просила.

— Извини, я больше не буду.

— Ничего... Я хоть и дочь своего народа, но эта война мне противна. Я никогда не верила, что она была войной за народ и для народа... — с минуты Айза помолчала, прислушиваясь к себе. — Вот стою сейчас без чадры, что сказал бы твой брат?

— Ты никогда не скрывала от меня волосы и руки.

— Отец не требовал от меня. Я сама надевала, когда выходила на улицу. А к тебе я привыкла с детства.

— Сейчас не надо выделяться. Пусть на нас поменьше обращают внимания. Но ты и в чадре красивая. В чадре ты похожа на Мариам, так, как ее изображают в русских храмах.

— Мне кажется, все женщины, все матери, которые любят своих детей, немного на нее похожи. Отец прячет в сундуке икону из разрушенного русского храма. Рядом со своей медалью. Я спросила зачем, а он сказал: Бог поругаем не бывает, веру нельзя топтать сапогами, даже если она чужая. В конце концов, даже по нашей вере это Мать пророка. Можно ее изображать или нет — другой вопрос, особенно, когда лик Её уже смотрит на тебя не много печальными глазами.

— Иногда мне кажется, что до этого времени у меня не было жизни. Был какой-то страшный сон. И я все время боялся проснуться мертвым. А теперь думаю, был ли я тогда живым? Может быть, правда: в образе этого инженера ко мне приходил Джабраил?

— Может быть.

— Я теперь ничего точно не знаю. Кроме одного...

— ?

— Я люблю тебя.

— А я тебя. Говорят, в Сибири тоже есть великие реки. Мы их увидим?

— Возьмем билеты на теплоход и увидим.

— Так можно всю жизнь идти по этой огромной стране.

— С тобой я готов — хоть на край света.

— Все равно, надо будет вернуться домой.

— Вернемся.

Теплоход разминулся с тружеником-сухогрузом, они обменялись долгими приветственными гудками. Наверное, капитаны знали друг друга. Пронзительным “у”, гудким низким баритоном устремились голоса теплоходов в мудрое русское небо, седеющее на горизонте волнистой полосой облаков, а с берега ответил им первым вечерним ударом колокол недавно восстановленного храма. Звуки эти, как длинные ноты волжских песен, пробили небо и унеслись в космос. Для вселенной они означали: Россия жива и по-прежнему прекрасна.

Э-эй, ухнем... Сама пойдет...

* * *

Поднимаясь на второй этаж, Марченко держался за сердце, но не из-за быстрой ходьбы, а только ощущая тревожное волнение. Лена для страховки держала его под локоток, впереди маршировал начальник охраны и его растерянные подчиненные, которым за последние полчаса пришлось выполнять противоречивые распоряжения.

— Рубильник! — хрипел Марченко, осознав, что дотошный Яковлев отключил электроэнергию в лаборатории Кошкина. — Щитовая!

— Рубильник! Щитовая! — повторил за ним начальник охраны, и один из его парней устремился вниз, в подвальное помещение, чтобы сорвать свежие печати Яковлева на железных дверях электрощитовой.

На пороге лаборатории группу встретили Китаев и Варя, которые так и не сдались осаждавшим их охранникам. Вадим Григорьевич стоял, прикладывая к лысине носовой платок, чуть в стороне. Увидев Марченко, он не сник и не растерялся:

— Михаил Иванович, мною пресечена попытка проведения незаконных несанкционированных опытов, которые могут привести к самым неожиданным последствиям.

— Знаю, — зыркнул на него генеральный, и лысина зама буквально задымилась. — Где Кошкин?!

— Где Рузский? — эхом ответила Елена, заглядывая в комнату.

В это время у главной проходной суетились люди в масках и камуфляже. Они вдруг высыпали из ниоткуда, как сказочные братцы из ларца, заблокировав входы, переулки, распахнув дверцы машин на стоянках. Из этих машин они вытаскивали и роняли лицом в землю не успевших удивиться мужчин в кожаных куртках. А некому шеголю пришлось лечь в лужу, не взирая на дорогой, стального цвета костюм от Гуччи. Это был Ермоленко. Рядом с ним, матерясь до удара прикладом в затылок, лежал Верхотурцев. Один из людей в маске слегка наклонился в сторону Александра Максимова и глухим голосом сообщил:

— Тебе привет от Бекхана.

Сердце бизнесмена Ермоленко после этих слов провалилось в глубокую пропасть, на дне которой клубился ядовитыми парами всепожирающий страх. В сознании его, как перед смертью, мелькнули лица сослуживцев, что не вернулись с кавказской войны, офицеров, что освобождали его из глупого плена, и лицо Вари. Но не стыд, а страх и отчаяние парализовали Александра Максимова, и весь ужас предстоящего возмездия не смог вместились в сжавшуюся, трясущуюся душонку. Зато рядом лежавший Петр Матвеевич Верхотурцев улучил момент, когда безликие камуфляжи отвлеклись на его сопротивляющегося подчиненного, и, пользуясь тем, что на запястьях

еще не застегнули наручники, всеми четырьмя конечностями оттолкнулся от земли и рванул в сторону частного забора, каковой перемахнул единым прыжком под окрики спецназовцев и длинную автоматную очередь в небо. Несколькими быстрых теней бросились следом, но уже стало понятно, что в “шанхае”, испещренном частными огородами, покосившимися заборами, хозяйственными постройками и хмурыми домами у Верхотурцева очень много шансов уйти, затаиться между поленницами и даже нырнуть в навозную кучу, которую никто, конечно, раскапывать не будет.

В тоже время Марченко сосредоточенно смотрел на вновь заработавший генератор Кошкина, словно сквозь его оболочку можно было узреть, где и что сейчас делает изобретатель.

— Я вынужден буду доложить о ЧП руководству и министру обороны, — едко готовил собственную оборону Яковлев.

— Заткнись! — обрубил его Марченко, и тот, как от удара, качнулся, чтобы скрыться за спинами охранников.

— Там что-то произошло, я чувствую, — теребила за рукав Марченко Елена Андреевна.

— Случилось, чувствую, — хмыкнул Михаил Иванович. — Случилось, когда ты, Леночка, являясь самой красивой женщиной, имеющей отношение к обороне России, покинула свой боевой пост и оставила Сергея... — но потом вдруг осекся, — Ладно, извини, не время сейчас. Я, вишь, тоже старый дурак уже.

Марченко трясущимися от волнения руками стал открывать ящики стола.

— Где-то должен быть у Сережи здесь страховочный пульт. Не мог он бездумно рисковать с одним дистанционным управлением. Должен быть... Он ни о чем не предупреждал? — с надеждой повернулся к Китаеву и Варе.

— Просил только никого к этому агрегату не подпускать, да вот не мытьем, дак катаньем, — процедил сквозь зубы Китаев, с неприязнью глядя на Яковлева.

— А у нас тут не частная лавочка! — попытался всплыть Вадим Григорьевич, но по взгляду Анатолия понял, что легко может получить по лысине, если сейчас же не замолчит.

Наконец Марченко нашел под бумагами клавиатуру от персонального компьютера, хотя ни монитора, ни системного блока на столе у Кошкина не было. Компьютер дремал на соседнем столе. Простым методом тыка Михаил Иванович нашел в генераторе подходящее гнездо.

— Неспроста же она здесь валяется, — объяснил он, щурясь сквозь мощные линзы очков.

Оставалось разобраться со значением клавиш, но тут на помощь пришла Лена. Она ткнула пальцем в помеченную красным маркером клавишу.

— Скорее всего, эта. Бэкспэйс.

— Чего такое бэкспэйс? — спросил Марченко.

— Буквально с английского: обратное пространство. — То бишь — возвращение. Назад.

— Похоже на то, — согласился генеральный конструктор и успокоил сам себя, — хуже не будет.

После нажатия клавиши генератор загудел чуть надрывнее, в воздухе резко запахло озоном, на всякий случай вся группа отошла подальше.

— В другое время я бы по рукам себе надавал, — пробурчал Михаил Иванович.

— А я бы этому Кошкину по рукам надавал, — опять решил вставить Яковлев.

— Шли бы вы, Вадим Григорьевич... Писать объяснительную о нарушении чистоты эксперимента, находящегося под контролем правительства Российской Федерации, — заткнул его окончательно генеральный конструктор.

В этот миг в пространстве лаборатории вместе с туманом непонятного генеза стали проявляться знакомые фигуры.

Кошкин по-прежнему лежал на коленях Рузского, сознание его периодически покидало. А Владимир Юрьевич уже отчаялся вернуться назад, когда единственный выход из ресторанный дворика закрыл милицейский узик, озарив площадь битвы въедливой фиолетовой мигалкой. Грум дрогнул первый раз в жизни, потому что не хотел сесть в одном и том же времени во второй.

— Всем оставаться на своих местах! — прозвучала суровая команда стражей порядка из мегафона на крыше, но Марченко уже нажал кнопку “Backspace”.

Пространство и время не рванулись, а как-то, словно по склизкому коридору, в котором прилипают подошвы, потянулись обратно. Машина времени словно определяла и раздумывала, кого ей следует забрать в счастливое капиталистическое будущее, а кого оставить на допрос советскому прокурору, а то и въедливым чекистам. Грум, осознав, что теряет драгоценные мгновения, не обращая внимания на бегущих к нему милиционеров, начал разряжать остатки обоймы в лежавших после ударов и стоящих на ногах противников. Именно поэтому стражи порядка первым делом кинулись к нему. Кодекс советского милиционера не позволял им, как сейчас, сразу открыть огонь на поражение. Сначала надо дать залп в небо, а потом все равно попытаться задержать преступника голыми руками, что они и начали делать. Но их голые руки повисли в пустоте... Грум, не выражая никаких эмоций и не попросившись, исчез. Зато потерянное на поимку миража время и нескрываемое удивление ментов, вызвавшее естественную заторможенность их реакции, позволило раненному в плечо Бекхану вырваться из двора, сбив по пути попытавшегося остановить его милиционера-водителя. Бекхан ушел, мысленно и вслух обещая отомстить всем и вся до третьего колена.

Увидев Елену, Владимир Юрьевич облегченно вздохнул, Дорохов же первым делом закричал:

— Скорую! Палец умирает!

Китаев, который знал цену этим секундам, кинулся к телефону. Елена Андреевна склонилась над двумя своими мужьями, потом обняла голову Кошкина, который на какое-то время пришел в себя.

— Сережа, что ты наделал?

— Это я виноват, — объяснил Рузский.

— Это я виноват, — опустил голову Грум.

— Нет, это он виноват, — кивнул Марченко на Яковлева.

— Мне все равно в этом времени нет места, — прошептал Кошкин, выдавливая через боль грустную улыбку. — Юрьич, а ты сделай обязательно томографию! Обязательно!

— Чего? — не понял Рузский.

— Всего... Томографию... Кровь сдай... К врачам сходи...

— Да это тебе, Сергей Палец, к врачам надо...

— Мне к Господу Богу... Если пустят...

Он хотел еще что-то сказать Лене, но уже не смог, сознание вновь провалилось в страшную тьму...

...Кошкин пришел в себя. Будто проснулся после глубокого сна, вот-вот откиннет одеяло и рванет под душ. Рука было потянулась к пододеяльнику, но боль в локтевом сгибе не позволила довести её до конца.

— Тихе, тихе! Вену порвешь, капельница же у тебя, — услышал он знакомый, чуть хриловатый голос.

Не без труда повернул голову и удивился: соседом по обзримой больничной палате оказался Марченко.

— С возвращением тебя, Сережа. Я вот к тебе в нарушение всех правил напросился. Следом за тобой с инфарктом отвезли. Но я уже на второй день оклемался. Лекарства литрами в меня качают. Да что в паровоз дрова кидать, если котел прохудился.

— Пить очень хочется, — прошептал спекшимися губами Сергей Павлович.

Следом за сестрой в палату прибыл целый врачебный консилиум. Пошебетав над Кошкиным, они, удовлетворенные своей работой, разошлись, пообещав Сергею Павловичу, что скоро он будет на ногах.

— К вам еще милиция наведается, достали уже, — сообщил на прощанье врач, которого, по всей видимости, следовало принять за лечащего.

— М-да, Сереж, без милиции не обошлось. У нас на входе целую бригаду бандитов повязали. Один только ушел. Так мы твое ранение на них списали. Почему в тебя стреляли? Хотели получить ценные сведения для продажи иностранным разведкам. Усек основную версию? Не будешь же ты им рассказывать...

— Угу... А вы, Михал Иванович, выходит, из-за меня сюда попали...

— Да брось ты! Без тебя раздражителей хватает. Да и где это видано — на моей-то работе за восемьдесят лет ни одного инфаркта. Это ж наглое нарушение статистики! Я вот у друзей твоих спросить не успел, где вы-то повоевать успели?

— В ресторан совдеповский ходили. Драка на почве личной и национальной неприязни с применением холодного и огнестрельного оружия. Тот сейчас у бедных ментов головы болят!

— М-да-а... Ну ничего, вот выйдем на волю и тоже куда-нибудь махнем. Мне теперь коньяк в медицинских дозах показан. А то, может, попросим Варю, она тайком принесет.

— Какую Варю? — вскинул брови Кошкин.

— Да ту самую, уборщицу молодую с незаконченным высшим образованием, что от тебя без ума. Я ее сам на работу рекомендовал, — хитро прищурился генеральный конструктор. — Думал, привыкнет, потом молодого специалиста получим. Они тут с Мариловной всю мою тумбочку пирогами завалили, но их надолго не пускают, все-таки ПИТ.

— ПИТ? Пиво, что ли?

— Кхы-кхы... Пиво! Палата интенсивной терапии. Ну, типа, облегченный вариант реанимации.

— Реанимация-лайт, — прокомментировал себе Кошкин, пытаясь осмотреться.

Марченко, истосковавшийся за три дня по собеседнику, повернулся на бок и начал:

— Ну, теперь времени у нас вагон, ты мне расскажи, что же тебя к правильному решению привело? Я, помню, тоже всей этой пространственно-временной топологией в молодости увлекался. В конце сороковых читал чуть ли не подпольно работы Курта Геделя, но Эйнштейн, признавая их оригинальность, заметил походя, что на практике его идеи неприменимы. Главное, помню, что перемещение во времени по Геделю будет связано с пребыванием в условиях, где человеческий организм просто-напросто не выживет. Потом были работы Александрова, это уж в конце шестидесятых...

— Не знаком, — признался Кошкин, — хотя Геделя, конечно, в институте полистал.

— А в конце восьмидесятых, на волне перестройки, проскочили переводы Торна. Но там уж совсем нереально. Даже на уровне теории слабовато. Норы он в пространстве рыть собирался. Влез в такую нору в настоящем, а вылез при создании особых условий в прошлом.

— Я Кита Торна читал. Кое-что из его выкладок мне пригодилось. Но путь у меня был более обыденный. Я для начала отмел все уже существующие наработки и модели. Они, как известно, требуют огромных площадей и энергии нескольких ядерных взрывов. Потом я, как и многие, увлекся летающими тарелками, уфологией. Начитался Казанцева. Хорошая советская фантастика. Короче, коммунизм на Марсе. Но главное, из всех свидетельств получалось, что летательные аппараты инопланетян сравнительно небольших размеров. А это значит, что, как минимум, речь идет о топологическом типе двигателя. Летай они по-нашему, им бы пришлось, как ты знаешь, Михаил Иванович, таскать за собой заправщик размером с Луну, а то и больше. Так я понял, что задачу следует решать не в максимуме, а в минимуме, но "холодный" термоядерный синтез, как дорогостоящее удовольствие я сразу от-

бросил. Решение нужно было искать на квантовом уровне, но доступными средствами. Как говорится: ларчик открывается просто. Когда-то в детстве я засмотрелся на сильную грозу, меня поразило скопление энергии, прошивающее пространство. Разряд в одной точке. Мне тогда пришла мысль, что прошивает она не только пространство, но и время, потому как неразрывность их сама собой разумеется. Предположил, что в природе возникают спонтанные “машины времени”, а кое-где, где удерживается должная кривизна пространства-времени, эта дыра может быть долгоиграющей. Это могут быть своеобразные выбросы хрональных зарядов. В пользу данной версии говорят также десятки необъяснимых случаев, когда люди или техника, ничего не подозревая, попадали в такие туннели. Это был второй толчок. Разумеется, параллельно я зачитывался монографиями по истории. Особенно, что касается загадок. И тут меня озарило: не было никаких древних цивилизаций! Не было! Ни гипербореев, ни Атлантиды, ни египетских пирамид, ни дошумерских сверхдостижений...

— Как не было? Стоят же пирамиды...

— Да стоят-то, стоят! Вопрос в другом: кто их ставил?! Он и у историков и у археологов этот вопрос свербит: откуда у древних современные технологии? Поэтому-то за главную рабочую гипотезу я принял следующее: древние цивилизации надо искать не в прошлом, а в будущем. Образно говоря, наши историки идут по трассе с односторонним движением и не догадываются, что можно нарушить правила и развернуться на сто восемьдесят градусов.

— Интересно.

— Каково нынче население планеты? Шесть миллиардов. А через сто лет? Проблема перенаселения, нехватки ресурсов. Техногенные цивилизации решают такие проблемы, кроме всего прочего, способом расширения ойкумены. И если невозможно расширить ее экстенсивно, то копайте вглубь. Там, в прошлом, решение массы проблем! Навалом чистой воды, воздуха, а главное, территории и экологически чистых продуктов. Заселяйся, если сможешь туда попасть! Десять тысяч лет назад, двадцать, сорок! Неандертальцы сами от страха вымрут. А хочешь — селись в парк юрского периода. Ящеров можно, как бесперспективную ветвь, в целях спасения человечества, зачистить. Вот вам и древние сверхразвитые цивилизации. Вот вам и сбитые влет птеродактили! И кто знает, может, линии времени таким образом закольцованы. Мы считаем, там начало, а там и закат. Такая “шамбала” получается, Михаил Иванович. Ищешь вчерашний день? Проверь в завтрашнем.

— Ух ты, — в глазах генерального конструктора полыхнуло вечное пламя неутомимого искателя. — Жаль, стар я уже. Всю жизнь ковал наперергонки с кем-нибудь оружие, а вот теперь так захотелось покопаться в твоих загадках.

— Мы считаем, что прошлое влияет на настоящее и будущее, и это верно. Тут нам и причинно-следственные связи, и теория относительности подпоют. Но почему не принять хотя бы за недоказанную теорему, что и будущее влияет на прошлое? Это же так элементарно.

— Знаешь, Сереж, когда я в конце тридцатых мечтал строить ракеты, я ведь, вслед за Циолковским, надеялся покорять космические пространства. То есть тянулся к будущему. Но получилось так, что пришлось делать реактивные снаряды, чтоб они сыпались на головы фрицев. Эх, как я просился на фронт! Но кому-то надо было собирать БМ-13. “Катюши”, помнишь? Совесть мою успокоил капитан Флеров. Да-да, тот самый. Он дал мне пострелять по мишени из пистолета “ТТ” и высчитал, сколько я смогу убить фрицев за месяц при самом удачном стечении обстоятельств, если меня, очкарика, не убьют в первом бою. А потом попросил меня рассчитать, сколько примерно погибнет фашистов, если, скажем, полк, находящийся на позициях, попал в зону сплошного поражения наших снарядов. Даже при относительных, примерных подсчетах...

— Представляю, — присвистнул, опережая, Кошкин.

— Ага, но я отвлекся. Мысль-то какая? Вылетела! А! Ну так вот, думали мы о будущем, а пригодилось в настоящем. Тоже под твою теорию, хоть

с натяжкой, но подходит. Я, правда, первых наших ракетчиков, не застал. Лангемака, Клейменова и других. В тридцать восьмом их расстреляли. За связь с Тухачевским. Эти маршалы своих подчиненных, как провинившиеся девочки в гимназии, сдавали. Но с Владимиром Андреевичем Артемьевым поработать довелось... Он, кстати, от Тухачевского был не в восторге. Зажравшийся барыга и садист был этот маршал, да и Сталина он, правда, свергнуть хотел. Другое дело, что хотел и болтал об этом, а до дела, может быть, и не дошло бы. Ну да бес с ним. Что я все о своем! Старческие излияния, понимаешь. Я ж тебя послушать хотел.

— Михаил Иванович, вы ж впервые за столько лет рассказывать начали. За вами мемуары записывать.

— Скажешь тоже.. Рассказчик я не ахти какой. Да и кому оно теперь надо? Вот проблемы бразильской семьи — это актуально, размер груди какой-нибудь голливудской дивы — это интересно. А нам, Сереж, дозволительно девятого мая орденами побряцать, кто ходить может — по брусчатке мимо мавзолея прогуляться, и айда обратно — по хрущевкам кефир пить. Это хорошо еще — что в России. А где-нибудь в Риге могут и в морду дать, если с советским орденом на груди выйдешь.

И Кошкин и Марченко одновременно печально вздохнули.

— Лучше говорить о топологии, вам же волноваться нельзя, — вспомнил Кошкин.

— Да уж, давай про машину времени!

— Я, конечно, не против такого названия, хотя принципиально оно неверно. Так можно любой конденсатор, где есть электромагнитное поле, назвать машиной времени. Время, как говорил, по-моему, Аристотель, мера изменения вещей. А я бы добавил, что в первую голову это мера изменения людей. Бог ждет от нас не строительства материи, а строительства духа! В этой мысли я еще больше укрепился после беседы с Авелем. Был ли этот разговор только в моем сознании, или — в какой-нибудь запредельной реальности...

В этот момент дверь палаты широко и довольно шумно раскрылась. На пороге сияла улыбками деловая чета Рузских-Барламовых. У каждого в руках было по огромному букету красных роз, словно они пришли к двум счастливым роженицам, а за их спинами маячил суровый Грум с двумя пакетами деликатесов (как чуть позже выяснилось). После традиционных расспросов о состоянии здоровья, обязательного уточнения деталей недавних событий (при этом Паткевич предпочел сосредоточенно смотреть в окно, а Елена Андреевна сыпать ругательными прилагательными в его сторону) разговор перешел в серьезное русло.

— Слушай, Сергей Павлович, откуда ты взял, что мне надо пройти обследование?

— Трансцендентные знания, — улыбнулся Кошкин.

— Ну не юли. Ты что — экстрасенс? Мы вот прорвались сюда на взятках и напоре, потому как завтра в Германию легим. Там, говорят, лейкоз в ранних стадиях хорошо лечат. Пересадка костного мозга, стволовые клетки и все такое... Клиника солидная, где Раиса Горбачева... Умерла. Колись давай, откуда данные? Я ж у врачей лет десять не был.

— Правда, оттуда, — показал глазами на потолок Сергей Павлович.

На минуту в палате повисла тревожная тишина. Потом Владимир Юрьевич собрался с мыслями.

— Ты на машине проверял?

— Да нет... Вроде... Но врать не буду, она здесь тоже какую-то роль сыграла. Помяли мы, наверное, своими неаккуратными руками ленту времени.

— Тогда уж, может, ты мне все до конца скажешь? Какой там прогноз в небесной канцелярии на Рузского? Тебя ж оттуда не зря отпустили?

— Правда — не знаю. Мы с тобой, Владимир Юрьевич, дальше трех лет не заглядывали.

— Со мной? Странно... Я думал, мы только по кабакам... А что сам советуешь, инженерный гений?

— Как и себе, о душе надо помнить. О смерти. Привиделся мне нынче вещий Апель, так и он своего конца не знал.

— М-да... Ну да ладно, три года — это уже что-то. Спасибо тебе, Сергей Павлович. Завтра, кстати, Виталик прилетает. Он давно бы здесь был, но у них там из-за опасности терроризма рейсы отменили. Трое суток в аэропорту сидел. Но завтра, обещали, начнут выпускать.

Когда все уже попрощались, Рузский на минуту задержался. Подошел к кровати Кошкина и низко наклонился.

— Вот, Серега, это я в целях конспирации прикарманил, когда ты, — Владимир Юрьевич кивнул в потолок, — в лучших мирах прогуливался. Возьми, сам решай, что с этим делать. — Он вложил в руку Сергея Павловича пульт дистанционного управления. — Но мое предложение о лаборатории остается в силе. Не обязательно, кстати, время ворошить. Может, тебе еще что-нибудь в голову придет. С тобой я согласен даже кухонные комбайны выпускать. Ты гений, Серега, и настоящий мужик.

— Спасибо, — смущенно улыбнулся Кошкин.

— Ну, бывайте, ребята, как только вернемся, устроим встречу ветеранов оборонной промышленности за мой счет.

Не прошло и десяти минут после этого посещения (Михаил Иванович даже не успел толком познакомиться, куда теперь девать столько продуктов), на пороге, будто разведчик, появился Дорохов. Сначала он по-шпионски выглянул из-за косяка, а уж потом вошел, широко улыбаясь.

— Толик не смог, — извинился за друга, — он меня, как старый боевой товарищ, прикрывает. Ведет арьергардный эротический бой с дежурной по этажу. Думаю, все может кончиться ковровой бомбардировкой постельными принадлежностями. Кстати, Пальч, она действительно ничего, — подмигнул с намеком. — Михал Иванович, как ваш мотор?

— Поршня пора менять, — в тон ему ответил Марченко.

— Нич-че! Проч-чистят, продуют, смажут, загудит, как новенький.

— Скажешь, Василий Данилович. У меня есть один друг, моего возраста. Так вот, он недавно подошел к писсуару, посмотрел на свой отработавший прибор и философски его приговорил: ну все, теперь сливай воду...

Все трое хохотнули.

— Ой, а что там творит наш общий друг, который сейчас исполняющий обязанности! Этот доморощенный Хрущев напустил в бюро кучу бизнесменов, которые еще вчера стреляли на улице в своих сокамерников...

Тут Дорохов осекся, заметив, как сигналит ему глазами Кошкин. Между тем Марченко сел на кровати и нахмурился.

— Ну-ну, Вася, рассказывай, чего он там пакостит?

— Да ничего особенного, Михаил Иванович. Развивает коммерческую деятельность... У меня вот для Сергея интересное сообщение. В "криминальной хронике" показали труп молодого мужчины кавказской национальности. Нашли в канализационном колодце.

— Усман... — опередил Дорохова Сергей Павлович.

— Да. Сколько веревочке ни виться...

— Что за Усман? — переключился Марченко.

— Да так, Михал Иванович, общий знакомый. Я его еще по первой чеченской знаю, — объяснил Дорохов.

— А-а-а...

— С тех пор, как я пришел в себя, мне все время кажется, что Бекхан где-то рядом, — задумчиво сказал Кошкин.

— Да бес ему в ребро, Пальч! — вспыхнул Дорохов. — Уж в последний раз мы его точно аннигилировали. Я научно выразился?

— Научно, — в голос подтвердили Кошкин и Марченко.

Дорохова дежурная сестра вытолкала, когда принесли обед. При этом он выразил готовность, пользуясь служебным удостоверением, нести здесь круглосуточную охрану за такой же поднос и возможность неоднократно лицезреть такую распрекрасную женщину. "Вот когда я лежал в госпитале", — начал он, но продолжать пришлось уже за дверью. Количество и качество армейских комплиментов суровую медсестру не сразило. В заключение в дверном проеме все же успела обозначиться голова Китаева, который сумел за две секунды пожелать скорейшего выздоровления, и был благополучно вытолкан взащей.

Посещения друзей утомили и Марченко и Кошкина. Последнего, к тому же, еще кормили с ложечки. Сон пришел к обоим по расписанию — в тихий час. На закате, когда в окне кипела рыжая макушка солнца, настроились было продолжить разговор по душам, но пришла Варя. С порога начала смущенно оправдываться, что сегодня ее согласилась подменить Мариловна, и даже силой отправила в больницу, хотя сначала они спорили, кто из них пойдет, чтобы успеть в часы приема посетителей. Увидев ее смущение, Михаил Иванович сел на кровати, вдел ноги в тапочки и очень правдоподобно ударил себя по лбу:

— Чуть не забыл! У меня же сейчас реабилитационные процедуры!

Кошкин судорожно вспоминал, на какой день можно вставать, но такой информации в его оперативной памяти не было. Пока он раздумывал, как возразить старику, тот уже довольно проворно выскользнул в коридор, побурчав для острастки о назойливых эскулапах.

Варя между тем села на табурет у кровати Кошкина. По ней было видно, что она обрела некую решимость, и поэтому сразу пошла на абордаж.

— Сергей Павлович, давайте я вас покормлю.

— Спасибо, Варенька, но я еще едок никудышный, меня недавно накачали бульоном, и я даже вынужден был разжевывать полкотлеты. Медсестра просто силой меня кормила. А я, видишь ли, — он кивнул на капельницу, — обленился, к жиденькому привык.

— А Мариловна сказала, что вы от ее пирожков не откажетесь, — смущилась Варя.

— В другой раз точно бы не отказался, а сейчас — увольте.

— Тогда, наверно, у меня и повода нет больше здесь оставаться, — опустила глаза девушка.

— Наоборот, я хотел, чтоб ты пришла. Можно, я буду на “ты”?

— Можно.

— И я буду тебе признателен, если ты будешь обращаться ко мне попроще, без величания. Ладно?

— Я попробую.

— А то начинаю чувствовать либо официальным лицом, либо пожилым человеком, который переживает за развитие пенсионной реформы.

Варя улыбнулась.

— Глядя в твои синие глаза, хочется жить, Варя. До твоего прихода жизнь казалась мне скучной, и возвращение в этот мир, по сути, не принесло особой радости. Ну не умер — и ладно.

— Это из-за любви к жене... — фраза Вари не была вопросом, но не была и утверждением.

— Не совсем так. Хотя огромная часть моего сердца принадлежала ей. Но не той красивой, уверенной в себе женщине, которая вместе с новым мужем принесла мне сегодня букет цветов, а другой, что осталась в идеализированном мною прошлом. Ту я любил так, что мог сойти с ума, а это нарушение меры.

— Неужели любовь может быть во вред?

— Может. Бог любит меру во всем. Безумная страсть порождает безумие. Но понял я это, когда было уже поздно. Я полагал, что любовь понимает и оправдывает все. Не тут-то было! В какой-то момент каждая женщина из романтической, витающей в облаках или в море нежности своего возлюбленного, начинает превращаться в прагматичную хозяйку. В ней добавляется уверенного шарма, но в тоже время, появляется трезвая расчетливость, и если желаемый результат расчетов не совпадает с системой координат, в которой она пребывает, то из этой системы она готова вычеркнуть любой объект, в том числе не удерживающего рост графика мужа. Тьфу, я как-то математически выражаю свою мысль.

— Мне понятно... Хотя банально и неправильно считать, что либо время побеждает любовь, или любовь побеждает время. Они параллельны и меняются вместе. Другое дело, если они пошли в разные стороны или пересек-

лись. Но мне кажется, в этом случае духовный разлад имеет первичное значение. К примеру, с точки зрения карьеры и быта мой отец это образец неудачника, но у мамы даже мысли не возникало с ним расстаться. Просто у них другая формула счастья, возможно, отличная от общепринятой. Хотя кто ее утверждал? А еще я знаю более драматичный, даже шокирующий пример. Одна женщина потеряла в результате травмы кисти рук. Представляете себе женщину без рук?! Даже если она Венера Милосская, она уже не может быть хозяйкой. Не всякий мужчина примет на себя груз, который полагается от природы женщине. Так вот, муж этой женщины остался с ней. Жизнь изобилует примерами как с той, так и с другой стороны. Все определяется состоянием души...

— Во! Сейчас, Варя, ты рассуждаешь пусть и красноречиво, но очень похоже на мою бывшую супругу.

— Простите, — смутилась Варя.

— Да нет, это ты меня прости. Но я закончу. Вторая причина моего разочарования — мое собственное изобретение. Замахнувшись на время, я опять же перешел грань, вышел из меры. В результате — у меня не осталось ни любви, ни времени. Есть только друзья...

— Но ведь это так много! А еще есть прошлое, есть будущее! Знаете, у меня в жизни тоже был момент, когда я перестала верить в любовь. Очень хотелось стать циничной и грубой. Но потом Мария Гавриловна рассказала мне о вас и Елене Андреевне... О том, ради чего вы по ночам паяете прибор, одно упоминание которого позволит окружающим записать вас в сумасшедшие. Я так завидовала вашей жене. Украдкой заглядывала в двери вашей лаборатории. Не понимала, как она могла вас оставить. Не понимала, наверное, еще и потому, что у меня перед глазами опыт моих родителей. Но главное, что я потом поняла — дело не в любви, не во времени, а в том, чего мы сами хотим и от того и от другого. Я, наверное, говорю банально?..

— А я? Не в театре, чтобы слова выбирать, — оправдался за обоих Сергей Павлович. — Никогда бы не подумал, что не самый яркий и весьма пространственный пример моей семьи станет притчей во языцех. Но ты права: есть прошлое, есть будущее. Есть возможность все исправить. Главное — самого себя. — Некоторое время Кошкин молчал, потом переменялся в лице. Будто вернулся в утраченную реальность. — Но я хотел спросить о другом, Варя. Я не обидел тебя тогда своей напускной черствостью в коридоре? Мне показалось, что...

— Вам показалось. Все показалось. Кроме одного, я действительно испытываю к вам...

— К тебе, — волнуясь, поправил Кошкин.

— К тебе, — со вздохом согласилась Варя, но в этот раз глаз не опустила, а смотрела прямо.

— Господи! Какой же глубины синева в твоих глазах! Утонуть можно! — воскликнул Кошкин. — Известно, что первая жизнь мужчины начинается в утробе женщины, а остальные, я уверен, в ее глазах.

Почувствовав, что его припиленная капельницей рука оказалась в ладонях Вари, он замолчал. Более всего он стыдился сейчас своей беспомощности и слабости.

— Скажу тебе сразу, — теперь уже Сергей Павлович смотрел в сторону, — я слабо представляю себе свое будущее. Это, пожалуй, во-первых. Во-вторых, я не имею никакого морального права втягивать тебя в свою неустроенную и, возможно, бесперспективную жизнь.

— В-третьих, я уже давно втянулась в твою жизнь добровольно. И ни на что при этом не рассчитывала. И сейчас менее всего рассчитываю.

— Последнее время я тешил себя надеждой, что живу ради сына. Но, как мне сейчас кажется, он прекрасно справляется без меня. То ли я уже дал все, что мог дать, и этого было совсем немного, то ли он, как и Лена, ушел от меня в другое время. А я остался там, где мы с ним собираем модели кораблей и самолетов, в обнимку сидя на потертом диване, читаем книгу... — Кошкин вздрогнул. — Не обращай внимания. Дурацкая ипохондрия. Я иногда просыпаюсь и собственному отражению в зеркале жалеюся на

жизнь. А ведь, по сути, мне надо благодарить Бога уже хотя бы за то, что у меня в жизни была такая любовь. Жутко подумать, но есть люди, которые, по большому счету, с этим чувством не знакомы. Опять же — вопрос меры. Но теперь уже с отрицательным значением.

— Зато таким индивидуумам чаще всего удается движение по карьерной лестнице и приобретение материальных благ, — улыбнулась Варя, словно сказанное ею оправдывало существование Вари Истоминой и Сергея Кошкина.

— Это — да, — согласился Сергей Павлович.

— Только ты не подумай, что мне просто хочется выйти замуж, — вдруг совсем по-детски испугалась Варя.

— А что в этом плохого? — вскинул брови Кошкин.

— Мне не хотелось бы стать тенью Елены Андреевны Варламовой.

Кошкин театрально наморщил лоб.

— Всё, даже тень Елены Андреевны принадлежит президенту холдинговой компании и удачливому бизнесмену Владимиру Юрьевичу Рузскому. Страшно представить, что будет с тем, кто посягнет хотя бы на тень Елены Андреевны Варламовой!.. Мне же принадлежит только память.

— А я о ней и говорю, — серьезно сказала Варя.

— Наверное, в прошлом можно остановить пулю, хотя и в этом я сегодня сомневаюсь. Но остановить разочарованную женщину... Для этого, по меньшей мере, потребуется энергия, сравнимая с той, которая выбрасывается во вселенский вакуум при рождении новых звезд. А, как мы знаем, новые звезды — это взорвавшиеся старые. Я, Варя, взорваться в свое время не смог, а теперь боюсь превратиться в черную дыру.

— Может, попробовать найти двойную звезду?

* * *

Вечером, когда вдвоем с Марченко смотрели по телевизору новости, Кошкин пытался прислушаться к себе. Пытался определить: так ли сильно болит то место в сердце, где жила все эти годы Лена. Стоило подумать, и в душе тоскливо засадило. Но теперь он воспринимал эту боль по-другому: как осколок после давнишнего ранения, удалить который хирургическим путем невозможно в связи с угрозой для жизненно важных органов. С осколком придется жить. В конце концов, живут же люди.

Другое дело Варя. Думая о ней, Сергей Павлович, покусывал от тревожащей неопределенности губу. Когда-то Лена ругала его за эту глупую привычку, из-за которой на нижней губе у него всегда ютился небольшой шрам. Теперь он останавливался лишь тогда, когда начинал ощущать во рту привкус крови.

Варя... Варя... Новое чувство или взаимная тяга двух пострадавших? Двух израненных, покореженных сердец... В ней есть какой-то тихий, именно тихий, неяркий свет. И Кошкин с содроганием думал о том, что он может к нему прикоснуться. С того дня, когда он впервые увидел Варю в своей лаборатории, он заметил этот свет в ее синих, как утреннее безоблачное небо, глазах. Нет, она не потеснила Елену. Она просто прикоснулась к его душе, робко и ненавязчиво, но прикосновение осталось там ждать своего часа. Потому что всякий нормальный мужчина (если только он сознательно не выбрал путь затворничества, стезю монаха) будет до конца жизни искать свою женщину. И если обретет ее, то вместе с ней получит право на вторую жизнь. Совсем другую жизнь.

* * *

Врачебный консилиум пообещал Кошкину, что следующим утром он будет вставать. На ночь даже отключили капельную подпитку. И Сергей Павлович, не дожидаясь благословения из ординаторской, преодолевая сильное головокружение, осторожно сел на кровати лишь только плеснули в окно

мутные волны рассвета. Сел, а потом и встал на ноги. Сначала сходил в туалет, где долго и с удовольствием плескал холодную воду на заросшее щетиной бледное лицо. Вдоль стеночки и спящей на дежурном стуле медсестры прогулялся по коридору до лестницы и обратно. Когда вернулся в палату, Михаил Иванович еще лежал лицом к стене. Тихонько лег на свое место, чтобы продолжить размышления о своем незавидном бытии, но мысли путались, либо неслись лавиной, не позволяя зацепиться за что-нибудь существенное и важное.

На душе стало тревожно, когда чуткий к любому звуку Марченко не проснулся на добрый, но требовательный окрик медсестры:

— Мальчики, пора вставать, принимать лекарство!

Сестра подошла к кровати Михаила Ивановича и осторожно дотронулась до его плеча, склонилась чуть ниже, переменялась в лице, и сначала негромко позвала врача. Потом, выбежав в коридор, крикнула громче:

— Олег Афанасьевич!.. Олег Афанасьевич! Срочно в палату...

Олег Афанасьевич — встревоженный и одновременно заспанный — уверенно вошел в палату, прикоснулся к шее Марченко и, по-кошкински покусывая губы, заключил:

— Уже не срочно. Часа четыре назад... Холодный совсем...

— Ой, Господи, ведь на поправку шел, — всплеснула руками сестра.

— Это старость, — успокоил ее доктор, — умереть во сне не всякому дано. Вечный двигатель еще не придумали, а уж сердце...

Кошкин, который был сейчас слаб не только телом, но и духом, беззвучно плакал, даже не пытаясь скрыть слез. Потом вдруг достал из-под подушки дистанционное направление с никчемной надписью "Toshiba".

— Доктор, а если... — начал он.

— В этом случае "если" не бывает, — отрезал Олег Афанасьевич.

Врач собственноручно перевернул тело Михаила Ивановича на спину. Увидев как никогда умиротворенное вселенским покоем лицо старика, Кошкин сунул обратно пульт управления и тяжело вздохнул. Машина времени не нужна там, где нет времени.

* * *

Появление Виталика несколько развеяло тяжелые думы Сергея Павловича. В том числе — и о новом поколении. Сын появился в палате через два дня после смерти Марченко. Худой и высокий, в белом свитере и голубых, с модными пепельными подпалинами, джинсах. Зато голубые глаза под коротким ежиком русых волос были чистыми и сияющими. И так легко и приятно было смотреть в них.

В качестве подарков Виталик привез отцу портативный цветной телевизор, который можно было положить во внутренний карман пиджака, и — свою невесту.

Комментируя телевизор, сказал просто:

— Чтоб не скучал.

Комментируя невесту, сказал еще проще:

— Это Элен, можно Лена.

Элен-Лена, которая оказалась француженкой, замешенной на русских эмигрантских кровях, одета была, как и Виталий, в белый свитер и джинсы. Со стороны могло показаться, что это брат и сестра — двойняшки. Различались они только по цвету глаз. У Лены они были желто-зеленого цвета. На русском языке она говорила с легким акцентом, но в данный момент предпочла больше отмалчиваться.

— Лена учится на архитектора, — пополнил личное дело невесты Виталик.

— Прекрасный выбор, — улыбнулся Кошкин.

— А как твой сопромат?

— Как и положено, сопротивляется.

— Ничего, у меня тоже сначала не шел. Это как анатомия у медиков.

— Ты извини, пап, что я сразу не прилетел, там...

— Я знаю.

— Пришлось лететь через Питер. Почему-то рейсы на Питер открыли раньше, чем на Москву. А мест навалом. Народ боится летать.

— Я тоже, — признался Сергей Павлович.

— Ты не знаешь, у Владимира Юрьевича это серьезно? Мама так переживает... — спросил и осекся Виталий, закусил по-отцовски губу.

— Серьезно. Ей надо быть с ним. Я уже в порядке. Меня Бог, кажется, простил.

— Пап, ты правда все-таки ее сделал?

— Правда. Но еще не довел до ума. И, наверное, не буду.

— На Западе ты был бы миллионером.

— Или трупом. Хотя и здесь чуть не стал, — грустно улыбнулся Кошкин.

— Мама сказала, что ты хочешь уничтожить машину?

— Не совсем так. Но пусть это будет моей маленькой тайной. Не возражаешь?

— Нет, что ты!.. Я горжусь тобой, пап. Всегда знал, что ты гений.

— Ну ладно, ладно, не хвали. Знаешь же — не люблю. Лучше расскажи о себе. По родимой стороне скучаешь?

— Если б не Лена, скучал бы. А если честно, скучать некогда, раз за меня платят, надо брать знания. Тем более, приходится учить два языка, и английский, и французский, да еще с техническим уклоном.

— Китайский надо учить, — в шутку посоветовал Сергей Павлович.

— У нас математику китайцы дают, между прочим, — серьезно заметил Виталий.

— А философию — ученик Сартра! — гордо вставила Лена.

— Экзистенциализм, — вспомнил Сергей Павлович, — так себе. — Но заметив, как удивленно вскинула на его более чем легкое отношение к мировой знаменитости Лена, добавил: — Кстати, данное учение зародилось в России. Правда, в его религиозном варианте.

Сказать-то сказал, а подумать подумал: “Ну, вторая Варламова! За идею вместо ласк всю ночь будет с мужем спорить”.

— А мы, пап, в Питере познакомились с одной кавказской парой, у них свадебное путешествие. Они уже по Волге на теплоходе прокатились. Здорово. А я собственной страны не знаю.

— Еще не поздно.

— А знаешь, как познакомились?

— Нет, конечно, — хмыкнул Кошкин.

— В тире!

— А вы-то там что делали?

— Надо было убить время до нашего рейса. И мы от нечего делать зашли в тир. А этот парень, его Алейхан, кстати, зовут, стрелял так, что собралась целая толпа. Он, наверное, все призы для своей Айзы забрал. Она стояла, улыбалась и держала в руках кучу мягких игрушек. Я уж рядом с ним винтовку в руки брать не решился.

— И ты спросил его, где он так научился стрелять, а он после этого перестал, и они оба с девушкой поторопились уйти из тира?.. — задумчиво предположил Кошкин.

— Откуда ты знаешь, пап? — удивился Виталий.

— Я, слава Богу, не видел, как он стреляет. Могу только предполагать. Так, интуиция... Ну, что было дальше? — вынырнул из видений Сергей Павлович.

— Мне показалось, что я его чем-то напугал или обидел, мы с Леной их догнали, и я предложил сходить вместе в кафе. Тем более, что и у нас и у них оказался хороший повод. Мы подали заявление в ЗАГС. В России...

— В России... Это звучит...

* * *

Обложившись тремя мобильными телефонами, Петр Верхотурцев полагал сделать с каждого из них по одному звонку, дабы обеспечить себе без-

опасный выезд из страны и безбедное существование на первое время. В нынешней ситуации он не мог сходить в банк, чтобы воспользоваться честными сбережениями, а нечестных, разбросанных по разным берлогам, было маловато. Эх, знал ведь, что с этим мутноглазым сосунком Ермоленко кашу не сварить! Александр Максимович, растудить ты! Такие, как он, только сопли по нам умеют размазывать. В одном у них сила — страсть к деньгам ведет их в точном направлении к прибыли, как лососей на нерест. Да на крутых порогах и поджидают жирных лососей рыбацки в погонах. Сейчас, поди, сотрудничает со следствием, метет, как диктор радио по заявкам слушателей.

Взяв в руку первый телефон, Верхотурцев позвонил своему знакомому умельцу и заказал заграничный паспорт. Разумеется, имя Петра Матвеевича теперь будет звучать по-другому. Но это его несколько не тяготило. Деньги можно приложить к любому имени. За деньги имя можно сделать если не кристально честным, то, во всяком случае, respectable. Вторым номером по второму мобильнику набрал номер приемной Яковлева. Но ушлая секретарша обломала его в два слова: “звоните генеральному”. О как! Пришлось нарушить правила безопасности и набрать еще раз с этого же телефона.

— Девушка, ты не гони, а у генерального номер какой?

На разговор с Яковлевым особо не настраивался, решил давить, как на не заплатившего клиента.

Уже другая секретарша, узнав, что звонят из администрации губернатора, соединила Верхотурцева с новым генеральным конструктором.

— Слушаю, — деловито начал разговор Вадим Григорьевич, у которого была масса дел по реорганизации производства.

— Вот именно, слушай, лысый! — наехал с ходу Петр Матвеевич. — Бросишь трубку, я с тебя это... Скальп сниму!

— Кто вы и что вам нужно? — не особо испугавшись, поинтересовался Яковлев, тут же нажав кнопку записи на встроенном диктофоне.

— Тебе сто штук отвалили, а ты условия не выполнил.

— Какие сто штук? Что за бред?

— Послушай, лысый, ты своей секретарше такие вопросы оставь. Я так маракую — друзей из Конторы интересуют твои встречи с чеченом, который по секретному предприятию разгуливал. Как насчет фотографий? Да и базар ваш на пленочку закатан.

— Ты блефуешь, — Яковлев остановил запись разговора.

— Угу, а от моего блефа у тебя счет в Промстройбанке ломится.

— Что нужно? — Владимир Григорьевич еще не придумал, как ему избавиться от нового шантажиста.

— Бабки обратно и еще два раза по столько — за моральный ущерб.

— Сразу скажу, таких денег у меня нет. Тем более — два раза по столько. У меня зарплата советского инженера.

— Ага, ты еще заплачь, что тебе детское пособие вовремя не выплачивают. Нет денег? Ты ракету чеченам продай. Или китайцам. Мне без разницы.

— Какие гарантии, что этот разговор не провокация? — опомнился вдруг Яковлев.

— Хорошо, придешь сегодня в одиннадцать на то самое место, где встречался с чеченом, но без конторских хвостов. А то я из твоей башки одним ударом жопу сделаю. Все. Время пошло. — И дал отбой.

Третий телефон Верхотурцев положил в карман джинсовой куртки. Затем подошел к зеркалу и приклеил под плоский боксерский нос русую полосу усов. Сверху взгромоздил смешные круглолинзовые очки в металлической оправе. Ухмыльнулся. Получился битый в нос интеллигент.

Яковлев на стрелку пришел один. Это Верхотурцев перепроверил несколько раз. Он приблизился к Вадиму Григорьевичу, когда тот уже собрался уходить из сквера, и, озираясь по сторонам, оторвался от скамейки. Верхотурцев неслышно вышел из кустов со спины и сразу предупредил:

— Сядь, лысый, и сиди тихо, не поворачивайся. Короче, я тут, типа грибы собираю, а тебе до меня дела нет.

— Мне кажется, — спокойно заговорил Яковлев, — мы должны быть союзниками...

— Мои союзники сейчас показания дают, — зло оборвал Верхотурцев. — Ты бабки гони.

— Триста тысяч долларов — это не сумма, которая может фигурировать в таком деле, — с напускным безразличием продолжал Вадим Григорьевич. — Вы же утверждаете, что у вас есть пленка с записью моего разговора с кавказцем. Там он упоминает значительно большие суммы.

Верхотурцев сверху вниз посмотрел на ненавистную, покрытую мелкими капельками пота лысину Яковлева. Допер ведь, гад, что его на лоха берут.

— Пленки у меня нет, но фотографии — как в аптеке. Резкость, как на портретах Ленина.

— Ну и пусть они у вас будут. Кроме вас, за этой беседой наблюдали офицеры ФСБ, курирующие наше предприятие.

— Так чего там у тебя за большие суммы? — Верхотурцев вынуждено ослабил хватку. Его козыри не играли.

Яковлев облегченно вздохнул. Везет ему на бандитов. Липнут, как мухи на дерьмо, да там и остаются.

— Я так понимаю, вы подручный господина Ермоленко?

— Подручный?!.. Запечный! Да я из него в любой момент терпилу мог сделать! Команды не было.

— Ну, теперь это не столь важно. Александр Максимович хотел заполучить один прибор. Однако, как вы ее называете, Контора его опередила. Правда, не совсем. Сейчас, кстати, его проверяют у психиатра. Он считает, что охотился на машину времени.

— Псих, — определил Верхотурцев.

— Вот-вот. Но у одного человека действительно есть маленький пульт, за который любая иностранная разведка заплатит огромные деньги. Такие, какие не снятся даже мечтающим ограбить центральный банк. Хорошо бы его заполучить, а лучше всего, если вместе с пультом мы получим комбинацию цифр. Код. Наша с вами сделка проста. Вы приносите пульт и получаете миллион долларов.

— А не мало?

— Попробуйте продать дороже, но для этого надо знать кому, как и, в конце концов, что это такое. А спрятан этот пульт в обычную лентяйку от японского телевизора “Тошиба”.

— Ну если ты мне тут вату по ушам катаешь...

— Не горячитесь. — Яковлев выдержал паузу. Затем достал из внутреннего кармана свернутый четверо листок формата А4. — Так вот, сейчас я встану и уйду. Как вы и просили, не оборачиваясь. А на скамейке останется этот листок. Это ксерокопия из личного дела инженера, который завтра выписывается из больницы. Пульт у него. Добудете пульт, позвоните. Номер вы теперь знаете. Представитесь...

— Петром Модестовичем, — хмуро подсказал Верхотурцев, которому хотелось оставить себе хотя бы часть своего имени.

— Оригинально, — согласился Вадим Григорьевич. — Тут же в листке пятьсот долларов на возможные расходы.

— Ты, дядя, будто каждый день в такие игры играешь, — покачал головой собственной покладистости Верхотурцев. — Лихо ты мне тут наплел. Но помни, если за лоха меня удержишь, я тебя с любой Лубянки достану.

— Знаю, что таких, как вы, лучше не обманывать, — очень серьезно согласился Вадим Григорьевич, подымаясь со скамейки.

Собой он был крайне доволен. В нем кипела своеобразная эйфория побед. Двух отморозков он поимел по полной программе за их деньги. Третий напрашивался сам. Фээсбэшники все же спросили про машину времени, но, увидев выражение лица заместителя генерального конструктора, только поухмылялись. Мол, и сами понимаем, крышу сорвало у господина Ермоленко. Но чем он здесь интересовался? Ах, системой наведения ракет предупредительного залпа. Секретные разработки? А вы знаете, что данный фрукт еще в Чечне предал своих товарищей? Что вы говорите?..

Умер Марченко, а Кошкин проминал больничную койку. Карьерная лестница была свободна. Впереди никто не маячил, в спину никто не дышал. Фарг да и только! Но чистого фарта не бывает, головой думать надо. В том числе лысой!

* * *

Многие люди, покидая места, где им пришлось перенести страдания, мучения, терпеть невзгоды, испытывают при этом не только радость, но и чувство непонятного им самим сожаления. Казалось бы, человек возвращается в привычный ему, по-своему комфортный, уютный мир, но нет, еще и еще раз оглядывается на узилище или больничную палату. Что-то еще осталось там, кроме печальных дней, кроме, собственно, времени? Приходилось слышать от ветеранов, побывавших в плену, в фашистских концлагерях, что, возвращаясь туда через десятки лет, когда там были сооружены мемориалы, они ехали не только почтить память погибших товарищей, но и почувствовать еще раз то, что в обыденной жизни не уловить, не вырвать из суетливой вереницы мгновений. Но один из них сказал: “Это чувство очищения”. Действительно, наверное, все просто: страдания очищают, перепахивают душу, и она становится благодатной почвой для Божьего Слова, а духу человеческому придают силу. И уходя из смрадных, пропитанных смертью барачков, они одновременно покидали место своего духовного восхождения. Ежедневное ожидание смерти и боль трансформировались здесь в любовь и сострадание. И это не парадокс, а освященный Голгофскими страданиями Спасителя путь. С той разницей, что у Него он был в одну сторону — в небо, в вечную жизнь.

Сергей Павлович все вышеизложенное не подумал, а едва уловил в проскользнувшей, как искра, мысли, когда спускался в фойе городской больницы.

Внизу его встречали Дорохов, Китаев и Варя. Мариловну опять не взяли, потому как сэкономили место в дороховском “жигуленке”.

— И как вы оба покинули пост? Или третий дежурит? — вместо приветствия спросил у Дорохова и Китаева Кошкин.

— Да нет, — обнял Сергея Павловича майор, — мы уж три дня как безработные. Уволены за нарушение пропускного режима.

— Из-за Рузского?

— Из-за него, милого, но он нам и работу обещает. Будем чуть ли не личными телохранителями у Елены Андреевны. Сам-то он без Грума ни шагу.

— Весело, — слил иронию в одно слово Сергей Павлович.

— Да плевать, прорвемся, герои нужны везде, — резюмировал Китаев.

— Здравствуй, Варенька, — нерешительно подошел к девушке Кошкин.

Варя ответила ему только глазами: да, я здесь, что же дальше? А он и сам не знал, что дальше. Поэтому стояли некоторое время молча, смотрели друг на друга внимательно, словно пытались разгадать будущее. Дорохов и Китаев предупредительно отстранились. Из оцененения их вывел достопамятный Олег Афанасьевич, что торопился куда-то, но нашел секунду притормозить рядом с онемевшей парой:

— Что? Выписались? Ну всего вам...

— И вам, доктор.

— Поедем? — воспользовался пробуждением Василий Данилович. — Мы там у тебя дома немного похозяйничали. А Варя с Мариловной такой стол сварили, что можно и свадьбу отгрохать. Моя бабушка говорила, хороший праздник под столом кончается. Виталик со своей Леной туда же придет. Слушай, Палыч, они прямо как брат с сестрой. Так что у тебя теперь и сынок и дочка...

— Аж с французской родословной, — вставил Китаев.

— Да, поехали, — Сергей Павлович все еще был где-то в другом мире.

...Застолье сопровождалось не только краткими армейскими тостами, но и длинными причитаниями Мариловны, которая пыталась накормить Сергея

Павловича с такой инициативой, словно он только что вернулся из концлагеря. Пришлось выслушать две длиннющие, униженные подробностями истории про голод сорок седьмого года. А также рецепт супа из крапивы, включая его полезные свойства для человеческого организма. Мариловну слушали вполуха, иногда бесцеремонно перебивая торопливую речь старушки созревшими тостами и фразами “из другой оперы”. Та не обижалась и, главное, поглядывала в тарелку Кошкина, обеспечивая ее постоянное наполнение разнокалиберными закусками. То грибочки, что сама осенью собирала, то отбивными, что Варя утром делала (а мягкие какие!), то картошечка рассыпчатая (Дорохова специально в погреб гоняла), то селедочку под шубой (в нашем гастрономе, хоть и маркетом теперь называется, селедка еще со хрущевских времен такая вкусная-жирная, да и свеколка к ней ого-го-го, вот только майонез не для холостяков: “Моя семья”, и прицельный взгляд на тихую Варю), то зеленый салат “Бабушкина грядка”...

Пробившись через эти многочисленные “то”, Варя нашла повод юркнуть на кухню — заварить чай.

— Опять же с травками, чтобы поправлялся быстрее, — сопроводила немая Мариловна. — Там я в железную банку из-под импортного высыпала!
— Хорошо, баб Маш.

Через пару минут Кошкин тоже нашел предлог уйти на кухню, где застал Варю.

Чайник уже пыхтел. Она стояла у окна, но смотрела, похоже, не наружу, а внутрь. В себя. Было в этом ее оцепенении тихое очарование, что натягивает до предела нужную струну в мужском сердце. А у Сергея Павловича эта струна взвилась высокой нотой и лопнула. Он чуть не охнул от непонятной боли в груди.

— Варя, выйдешь за меня замуж? — спросил тихо и закусил по привычке от волнения губу.

— Выйду, — ответила так, словно решение было принято миллион лет назад, а сам вопрос Кошкина будто бы ничего и не значил. И не обязателен он был. Пуст по своему содержанию. И тогда, как водится у мужских особей, которые через отрицательные свои стороны умеют набивать себе цену, Сергей Павлович проронил:

— Но я ничего не смогу дать тебе?!

— Мне ничего и не нужно.

И тихий ответ Вари опрокинул, оборвал на полуслове и без того израненное сердце Кошкина. Он вдруг без машины времени увидел близкое и возможное будущее. Нет, она никогда не заменит Лену Варламову с ее сокрушительным шармом и лилейно взращенным самолюбием. С ее богемным полетом (оттого ли часто просила — погладь меня между лопаток — крылья пробиваются?). И не будет у них с Варей по ночам сумасшедшей, почти неконтролируемой страсти, но будет другая — спокойная и нежная, какая только и может быть у двух обгорелых сердец, боящихся причинить друг другу боль неловким, резким прикосновением. И не огонь это будет, но и не тление, а нечто другое, которое сподручнее из-за недостатка слов назвать свечением. И тихая эта нежность много стоит, потому как способна длиться, перетекая в вечность, туда, где сливаются в общий поток человеческие души.

Там, где продолжается пасмурный вечер, где можно подойти к стоящей у окна супруге (а за стеклом неровными пунктирами срывается с низкого осеннего неба бесконечный дождь), обнять ее за плечи и почувствовать, как сливаются ваши души. Как звучат на одной ноте! Как идут в одном ритме сердца. И безбрежная нудная сырость отступит, просто потеряет свое значение, как, в сущности, и весь окружающий мир. Где-то в космосе, как и предполагается, пересекутся две прямые, и не пересекутся даже, а сольются в одну, похожую на луч, и пролетающие мимо ангелы будут любоваться ею.

А еще будет вечер, когда Варя положит свои ласковые руки на усталую голову Сергея. И прикосновение это будет сродни исцеляющему наложению рук. В нем сконцентрируется больше слов и многозначительных пауз, чем в мировой антологии любовной лирики. В нем — кульминация взаимопонимания. И будет безмятежно и покойно... Им обоим.

Утром следующего дня Кошкина разбудил телефон. Незнакомый хрипловатый голос с хорошо поставленной тональной наглостью осведомился:

— Спишь, болезный?

— Кто говорит? — безразлично спросил Кошкин.

— Короче, мне тут с тобой знакомиться некогда, базар по делу. Тебе здоровье надо?

— Кто говорит? — снова спросил Кошкин.

— Да не липни ты! Слушай, что тебе говорят! У тебя есть пульт, он мне очень нужен. Я у тебя его заберу у живого или мертвого. Поэтому выбирай. Если у живого, значит, я тебе даже бабла подкину...

— Бабла?..

— Ну да, бабок. Понял?

— Не очень.

— Ну ты думай, короче, вечером будь готов. Я тебя сам найду. Хорошо подумай. Нет такой шгуки, будь она хоть гора золота, ради которой стоит сдохнуть в канаве или быть закатанным в асфальт. Сечешь?

— Секу.

— Думай... Да береги своих близких, если они у тебя есть.

Почему-то подумалось в первую очередь о Виталике.

Бросив трубку на рычаги, Сергей Павлович пошел умываться, но выражение недоумения с лица смыть не удалось. И сбрить тоже. Чуть не порезался. Нет, не мог он сказать себе, что хрипловатый голос его не напугал. Получалось, история с машиной времени в этом самом времени набирает слишком опасные обороты. Следовало немедленно позвонить Дорохову и элементарно подстраховаться. Но для начала Кошкин решил посетить Яковлева.

Покинув ванную, он вдруг поразился новому запаху, который ворвался в его холостяцкое жилье. Это был жгучий, зовущий аромат только что сваренного кофе. А поверх него уже подкрадывался, набирал силу, срываясь с шипящей сковороды, золотистый дух аппетитных гренков. Войдя на кухню, он ошарашено плюхнулся на табурет, и, как зачарованный, стал смотреть на суетящуюся у плиты Варю. Телефонный звонок какого-то дебила чуть не вытолкнул из тела и души Кошкина одну из лучших ночей в его жизни, чуть не омрачил доброе утро.

И он произнес это утро вслух, и получил ответ вместе с поцелуем в гладко выбритую щеку. Потянулся к Вариным губам, но только услышал в ответ:

— Я тоже хочу почистить зубы.

И такая в этих словах была сермяжная обыденность, будто они жили вместе уже триста лет и еще три года, что захотелось просто плыть по течению, наслаждаясь уютом и покоем.

Еще вчера унылого вида квартира вдруг стала обретать новые черты — в сущности, пока только одну, самую главную — в ней появился смысл человеческого бытия. Пусть мирского, ведущего отчет еще от прародительского грехопадения, но едва ли не самого насущного, без которого — либо в монастырь, либо... А об этом лучше и не думать. Да и не думается в такое утро.

И хрупкая Варина фигура, облаченная в синюю махровость старого кошкинского халата (и где успела найти?) вдруг стала центром маленькой вселенной, которую еще вчера можно было считать черной дырой.

Сергей Павлович закрыл глаза, чтобы вновь погрузиться в темноту прожитой ночи и внутренне содрогнулся от понимания, к какой красоте он прикоснулся. А еще предстояло понять, какая душа дотянулась до его сердца.

Тем не менее, все стало однозначно и просто. Как и должно быть в нормальной человеческой жизни. И можно ложиться в дрейф, плыть по течению. Но несла Сергея Павловича теперь совсем другая река.

Говорят, что власть и деньги портят людей. Портят, конечно, если они от сохи. Что называется, дорвались. К власти надо идти. К ней надо быть готовым. Власть это такой же инструмент, как любой другой, который в неумелых руках, как хирургический скальпель, может неосторожно скользнуть по аорте... Вадим Григорьевич готовился к ней всю жизнь. Более того, полагал, что и так уже задержался на вторых ролях. Уж слишком долго сыпался песок из старика Марченко, не одни песочные часы заправить можно. Дал же Бог человеку здоровья! Точно подмечено: скрипучее дерево живет долго.

Первым делом Вадим Григорьевич, не взирая на косые взгляды своих подчиненных, провел генеральную уборку в кабинете генерального. Все, что могло напомнить о старике, перекочевало либо в подсобки, либо на свалку. Зато выстроилась манящим удобством свежая современная мебель, а дорожущее кожаное кресло само по себе — даже пустотой своей услужливо изогнутой — являло символ власти и стабильности. Да и стол, возле которого вращалось это кресло, подставив свою массивную дубовую спину под престижные письменные принадлежности английской фирмы “Эскалибурн”, всем своим глянецом вещал: мы тут главные! По мне кулаком, по вам приказом!

От старого хозяина остался только знаменитый телефон с гербом СССР — вертушка. К нему Яковлев отнесся суеверно. Пусть стоит, может, и Вадиму Григорьевичу сидеть в этом кресле тридцать лет и еще три года, если, конечно, не поднимут выше... Голова его между тем ломилась от планов и предстоящих свершений. Первым приказом Яковлев увековечил память Марченко, назвав его именем изделие номер сто сорок восемь, что гарантировало потенциальным врагам России перспективу получения “привета от Марченко” в особо точном режиме. В соответствии со вторым приказом все работники получили премию, обеспечившую, как ныне принято говорить, небывалое повышение рейтинга нового руководства. “А вот Кошкин бы не догадался!”, — подумал Вадим Григорьевич и (свят, свят, свят!) увидел на пороге своего кабинета изрядно похудевшего и бледного Сергея Павловича.

— О, проходите, дорогой мой ведущий инженер! — при этом произнеся “дорогой мой”, Яковлев невольно акцентировал на слове “мой”.

— Здравствуй, Вадим Григорьевич.

— Здравствуйте, здравствуйте! С выздоровлением вас, Сергей Павлович. Когда приступите к работе? Президент уже лично звонил, интересовался новым проектом.

— Хм... Вам виднее, когда я приступлю. Для начала хотелось бы узнать — за какими железными засовами находится сейчас генератор.

— Ой, только не драматизируйте, Сергей Павлович! Вы же понимаете, такой уникальный прибор не может просто так стоять на столе! Я велел закрыть его в моей личной секретке. Так что — не переживайте. Он даже не пылит, в целостности и сохранности ждет вас.

— Меня?.. — Кошкин сверкнул глазами так, что Яковлеву стало не по себе. — Что-то слишком многие интересуются ныне сверхсекретным проектом.

— На что вы намекаете? — почти взвыл Вадим Григорьевич.

— Ни на что. Но хочу вас предупредить. У вас там много в вашей личной секретке ценного имущества?

— А что?

— Если в течение двадцати четырех часов я не получу доступа к генератору, он самоликвидируется. Силу взрыва желаете знать в тротиловом эквиваленте или мегатоннах?

Яковлев был более чем озадачен. Он даже повторил Кошкина и закусил нижнюю губу. Но быстро собрался, провел рекогносцировку и понес дальше.

— Да что вы, Сергей Павлович! Никто не претендует на ваше изобретение! Хотите — хоть сейчас начнем работу над патентом! Я просто взял эту работу под личный патронаж.

— Спасибо, — процедил Кошкин, — а сейчас, будьте добры, поставьте его на место. Если вам так хочется его сберечь, назначьте дополнительную

охрану у дверей лаборатории. Можете даже посадить автоматчика прямо перед ним.

— Об этом обязательно подумаю. Не волнуйтесь, генератор через полчаса будет на вашем столе. Но будьте, пожалуйста, внимательны, с вами, кстати, будут разговаривать товарищи из ФСБ. Да! И подготовьте в кратчайшие сроки отчет о проделанной работе в направлении создания ракет предупредительного залпа. Это просьба президента. Пока что еще просьба...

— Непременно, — облегченно вздохнул Кошкин, картинно откланялся и направился к двери. Уже на пороге остановился и повернулся к хозяину кабинета с неожиданно счастливым выражением лица: — Да! Поздравляю вас с назначением, Вадим Григорьевич!

— Вы это серьезно? — приложил платок к лысине Яковлев.

— Абсолютно и чистосердечно. Во времена бурного экономического реформирования и создания партии нового типа лучшего руководителя и придумать нельзя.

Сказал без малейшей иронии в голосе и оставил Вадима Григорьевича переваривать: то ли его похвалили, то ли слишком хитроумно назвали дураком и карьеристом. Но, так или иначе, генератор через полчаса снова вышел на рабочем столе Кошкина.

Яковлев пришел лично засвидетельствовать торжество справедливости. Он застал Сергея Павловича в раздумьях. При этом на лице инженера висела потусторонняя улыбка.

— Ну вот... — начал было Вадим Григорьевич.

— Ну вот, — поддержал Кошкин, нажал какую-то кнопку на известном уже пульте, в воздухе запахло озоном, и генератор исчез. — Можете доложить президенту, что проект упреждающего ракетного удара оказался на сегодняшний день бесперспективным. Во всяком случае, пока он сам не сформулирует четкую оборонную доктрину, а не ту, которую ему диктуют из-за океана да из Лондона. Это, между прочим, не мои слова, а покойного Михаила Ивановича.

— Н... но... М-м-м! — Тщетно пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица, Яковлев только демонстрировал свою растерянность. — Сергей Павлович, вы же сейчас ставите крест на своей карьере!

— А у меня ее никогда не было! Я жену из-за этого потерял. Красивую и умную! Теперь не хочу потерять вторую. А крест у меня и так есть, и я буду его нести, покуда хватит сил. Мне, кстати, предложили место в университете.

— О! Я вовсе не ставлю вопрос о вашем увольнении! Вы очень ценный специалист... Левша двадцать первого века!

— Вопрос о моем увольнении ставлю я. Мне тут по ночам и поболтать теперь не с кем.

— Хорошо подумайте, — примирительно попросил Вадим Григорьевич.

— Хо-ро-шо подумаю, — по слогам разложил акцент на слово "хорошо" Кошкин.

— Вы до какого на больничном? — будто и не было предыдущего разговора.

— Да я по жизни больной, Вадим Григорьевич, — подмигнул Кошкин, как будто похвастался долгосрочным освобождением от уроков физкультуры в школе.

— Ну, вы, если надо, больничный пролонгируйте...

— Как? Пролонг... Чего? Есть же великий русский язык, Вадим Григорьевич! Это же так просто: продлите! Про-дли-те... Вы никогда не думали, что я могу сделать его бесконечным?

* * *

В аллее у подъезда своего дома Кошкин буквально напоролся на мощный кулак. И тут же услышал знакомый голос с наглой хрипотцой:

— Притормози!

Инженер от неожиданности оторопел и, прежде чем на его голову обрушился страшный удар, успел шевельнуть мыслью: до чего ж много подонков ныне развелось! Додумывать пришлось, падая, но та же тренированная рука быстро вернула Сергея Павловича в вертикальное положение, сдавив его горло воротом рубахи. Сокрушительная сила удара лишила Кошкина всякой воли к сопротивлению. Находясь в состоянии, которое боксеры называют “гrogги”, он одновременно слушал наседавший хриплый голос и судорожно пытался сообразить, каким образом он мог бы нанести хоть какие-то увечья своему неожиданному сопернику.

— Пульт! Врубашься? Пульт. Чем быстрее, тем меньше мучений.

— Можно было и не махать кулаками, забирай... — Кошкин достал из кармана дистанционный с надписью “Toshiba”.

Верхотурцев ослабил хватку на вороте сорочки Сергея Павловича, и тот получил элементарную возможность дышать полной грудью.

— Вроде сходится, — прищурился на прибор Петр Матвеевич.

— Он, родимый, — сплюнул кровавую пену инженер.

— Ежели что не так, я тебя из любой секретной лаборатории выну и пошинкую.

— Одно не понятно, на хрена попу гармонь?

Верхотурцев ни иронии, ни вопроса не понял. “Опять придется новый пульт к телевизору покупать”, — раздраженно подумал Кошкин. Еще ему очень захотелось садануть своему мучителю коленом между ног, но на всякий случай Сергей Павлович сдержался. Разумнее было предполагать, что, разогнувшись, господин Верхотурцев превратит скромного инженера в отбивную. Но хотелось очень...

Видимо, желание Кошкина было услышано. Некто, не уступающий габаритами Петру Матвеевичу, толкнул его со значительной силой в плечо, отчего тот временно оставил Кошкина в покое.

— Какого лешего тебе от моего лучшего друга надо?

Конвульсивно сработала память, вытолкнув на поверхность теплую майскую ночь у подъезда, шумное обилие зеленых фуражек, пустых и полных бутылок. И хрустящие маринованные огурчики.

— Гриша! Корин! — признал спасителя Сергей Павлович.

— Яволь, май френд! — расплылся в широкой улыбке Гриша, но тут же получил от Верхотурцева прямой удар в челюсть. Плюхнувшись на основную точку опоры, он озадаченно посмотрел вверх, но в состоянии “гrogги” в отличие от Кошкина не впал. Зато нападавшего он мгновенно опознал по удару.

— Петя! Какого лешего?.. Мы же не на ринге!

— Земля круглее, чем я думал. — сказал Верхотурцев.

— А то! Пепел Джордано Бруно заровнял все ямки и выпуклости! Какого хрена ты лупишь моего друга Серегу?

— Друга? — Верхотурцев отступил на шаг, с ухмылкой глянул на пульт в левой руке, зло подмигнул Кошкину. — Да тоже по дружбе! — потом обратился к Корину, каковой напрасно ждал, что бывший напарник по спаррингу подаст ему руку. — Вот что, Гриша. Повезло сегодня нашему другу. Но у меня к тебе большая просьба, ты меня не видел! А лучше всего, если ты меня не знаешь, — и для вящей убедительности напоследок толкнул Кошкина в грудь.

— Не понял? — вскинул брови Гриша.

Но ответом ему хлопнула дверца иномарки и взревел мотор.

— Он у тебя забрал что-то? — Корин неторопливо поднялся на ноги.

— Да так... Мелочь... Дистанционный пульт от телевизора.

— Зачем он ему?

— Наверное, у него дома такой же телевизор, как у меня, а пульт вышел из строя. Мне, к примеру, нравится марка “Toshiba”. Баланс цветов гармоничный, — с блуждающей улыбкой на лице ответил Кошкин и вдруг захохотал. Корин посмотрел на него, как на юродивого, но потом заразился и тоже стал покатываться.

Из кошкинского подъезда выскочили Дорохов и Китаев. Дорохов, оценив ситуацию, сначала плюнул в сердцах, но потом тоже стал улыбаться.

— Во, блин, подстраховали!

— А моя бабушка говорила — у семи нянек, — опередил со своей бабушкой Китаев, но поглядев на Кошкина, перефразировал, — с подбитым глазом!

— Надо бы позвонить куда следует, — стал серьезнее Дорохов.
Корин протянул ему свой мобильник.

* * *

Есть точки, где пересекаются время, пространство, а главное — человеческие судьбы. Хаотичная траектория движения субъекта по жизни так или иначе выбросит его в эту точку, избежать которой практически невозможно, особенно если субъект о ней даже не подозревает. Такова сермяжная диалектика фатального стечения обстоятельств. Образно говоря, индивидуум находится в клубке неслучайных случайностей, посылов, закономерностей, причинно-следственных связей, ему мнится, что он участвует в написании своего жизненного цикла, а Некто сверху, Кому виден этот клубок насквозь со всеми его узлами и разрывами, пронзает этот путанный шар по Своему Промыслу этакой вязальной спицей, нанизывая на одну прямую и субъектов, и объекты, и сопутствующие им обстоятельства. И, как ни уворачивайся от острия этой спицы, она, рано или поздно, достигнет тебя, да еще и враспloch.

Юлия Михайловна Бирман, дочь покойного адвоката Михаила Марковича, после похорон отца находилась в полной растерянности. Свою судьбу она делать не умела и не хотела, эту нелегкую работу выполнял за нее отец, в руках которого находились бесчисленные связи с сильными и не очень сильными мира сего, от решения которых зависело строительство и разрушение карьерных лестниц, либо, скажем, установка локомотивов истории на запасные пути. Юля бродила по городу с отсутствующим выражением лица, не хотя оформляла документы на оказавшееся солидным наследство, и делала это лишь потому, что подталкивали коллеги покойного родителя, которые на проверку оказались все у него в долгу. Прагматизм был для них превыше всего, в том числе — смерти. Какие-то люди с ярко выраженными криминальными повадками и суровыми лицами посещали ее дом, таскали на порог коробки с деликатесами и всяческой бытовой техникой, точно вороватые интенданты в блокадном Ленинграде. Они же организовывали поминки по высшему разряду. Но все это происходило не по, а помимо воли Юлии Михайловны. Связи в верхах также продолжали работать сами по себе. Количество соболезнований натерло мозоли в обоих ушах, а милицейские чины с большими звездами на погонах грозили самыми страшными карами в самые кратчайшие сроки хладнокровному убийце ее отца. Телевизионные прониры уже сыпали версиями собственного сочинения, городскими слухами, а один умудрился снять документальный фильм-расследование. Разумеется, Михаилу Марковичу подспудно да с эзоповыми вывертами вешали связи с криминальным миром. Но вся эта чушь летела мимо Юлиных ушей.

Тысячи ниточек, стекавшихся в руки отца, еще дергались, словно получили импульс от его предсмертной агонии, но девушка знала наверняка, что уже через пару недель они будут порваны. Потянув за них, не найдешь ничего, кроме пустоты, или, в лучшем случае, показательной отстраненности. Потому и не цеплялась за всю эту суегу. Знала, что все закончится помпезным мраморным памятником и завываниями раввина. Потом будет одиночество да пара-тройка верных отцовских друзей, периодически подкидывающих деньги и халтуру. Хотя нет. На сороковины некто кавказской внешности принес Юле конверт, в котором были фотографии трупа, который, следовало понимать, и есть уже наказанный преступник. Ничего, кроме отвращения, Юлия Михайловна, мельком глянув на снимки, не испытала.

Отцу действительно отгрохали помпезный памятник, коих удосууживались в прежние времена герои революции. Этакий порыв с трибуны с протянутой рукой. Почему-то вдруг вспомнилось, что первый памятник революционеры поставили Иуде Искариоту. Показательно... А вот папа в камне был

почему-то похож на Карла Маркса. И цветов на черных мраморных плитах было море, будто свадьба, а не похороны. Или даже годовщина революции...

В один из бесконечных летних дней, когда солнце только делает вид, что заходит, Юлия неспешным шагом двигалась в сторону дома своего нового возлюбленного. Последний раз они виделись на кладбище, где ее тошнило от сладковатого запаха смерти, и она едва сдерживала горловые конвульсии, которые вся траурная процессия принимала за сдавленные рыдания. Пришлось старательно имитировать поцелуй в перетянутый бинтами лоб покойного папеньки, чтобы потом уткнуться в платок, обильно залитый духами "Мекс". И зачем потом вся толпа считала своим долгом подергать ее за руку, потрогать за плечи, утереть ей слезу? Они же бросали этими ладонями могильную землю! Юлия, как выяснилось, не выносила любого прикосновения всего, что связано с переходом в мир иной. Поэтому после похорон в отношениях с бой-френдом взяла тайм-аут. Теперь же одиночество толкнуло ее к скрипучему дивану в его квартире. Как ни странно, но скрип старых пружин заводил, жутко возбуждал ее. Эротические фантазии уносили ее на качели.

Но сегодня она шла упасть на этот диван, чтобы выплакаться милому в жилетку, рассказать ему о потерянном смысле жизни. Те ценности, о которых всю жизнь ей талдычил отец, вдруг растаяли и перестали, собственно, быть ценностями. Всё, ради чего он жил, вместе с ним превращалось в тлен. Он не взял с собой ничего!

За все эти похоронно-поминальные, тянущиеся, как нудный некролог дни был только один светлый момент. Пришел молодой, деревенского вида человек и подарил ей коробку мороженого. Объясняя поступок, он был краток, как новый президент. "Здравствуйте. Я прочитал в газетах. Соболезную. Ваш папа спас меня от тюрьмы. Я украл коробку мороженого, и меня хотели посадить по полной программе. Мне было шестнадцать лет. Из-за того, что рядом со мной был четырнадцатилетний, нам шили организованную преступность. Ваш отец смог нас отстоять. В память о нем я принес вам это мороженое. Его я купил на свои деньги". И пока Юля обдумывала сюжет этой нехитрой истории, поставил коробку на паркет и был таков. Но светлое чувство настоящей благодарности осталось... Потом она долго, до бесчувствия в горле ела мороженое и умиленно плакала, глядя на портрет отца, перечеркнутый траурной лентой.

Спустя несколько дней, когда почувствовала, что удалось смыть с себя пятна кладбищенских прикосновений, Юлия направилась к любимому. Он, в отличие от всех окружавших ее в эти дни, был искренен. Всегда. И даже, с точки зрения затертой нравственности, чересчур. Во всяком случае говорил честно, что любит ее не за миндалевые глаза (как папа), а за длинные смуглые ноги, которые она умеет раскидывать с таким беспрецедентным шармом. И эти откровения не казались Юле замешенными на пошлости и цинизме. В сущности, ей было без разницы, за что он ее любит. С ним было легко, просто и честно.

Одна беда — жил он на другом конце города, а общественного транспорта Юля (в отличие от отца) не переносила. Поэтому приходилось либо раскатывать на такси, либо идти около часа пешком, как сейчас. За время прогулки она предполагала написать сценарий театрализованного плача и ожидаемого в связи с этим отклика публики в единственном экземпляре. Плакать хотелось уже сейчас.

Какое-то время она не реагировала на окружающий мир, который обтекал ее то говорливой толпой, то унылой обшарпанностью производственных зданий, то даже подталкивал задумчивую неосторожным мужским плечом, то чуть не наехал на зазевавшуюся, шагнущую на запрещающий глаз светфора. Последнее все же заставило Юлию внимательнее следить за автотранспортом. В том числе за тем, что ютился на стоянках или был припаркован к офисам и магазинам. Вдруг поедет! А красная "лада"-восьмерка вообще стала для нее своеобразным маяком. Машина стояла у кафе "Тещины блины", за которым находился невзрачный пятиэтажный дом ее друга. Рядом с машиной нервно расхаживал такой же, как она, отсутствующий в этом

мире человек. По мере приближения он превращался в средних лет мужчину восточного типа. И Юлия готова была дать на отсечение накладные ногти, дабы доказать любому, что от него за версту несет смертью. Что-то — а запах и вкус смерти она теперь освоила, как спаниель запах дичи. Жаль, что она не научилась читать по запаху имени, а заодно и досье. Но и данного в данный момент было достаточно, чтобы, с одной стороны, постараться обойти смертоносного человека по огибающей траектории, а с другой — не спускать с него прищуренных глаз. Мало ли что?

На всякий случай она ввела в поле своего зрения еще один персонаж. Скучавшего у входа на оборонный завод собровца. Он курил на крыльце КПП и всем своим видом гарантировал соблюдение порядка и законности. Прямо к крыльцу, подняв веер пыли, подкатила иномарка. А с крыльца спустился и сел на переднее сиденье лысый, очень похожий на Хрущева человек.

Между тем умный и придирчивый взгляд Юлии выделил и странно игравший блик в кустах на окраине завода. Будь она специалистом, то сразу определила бы прицел снайперской винтовки, направленный в сторону человека по имени Бекхан.

В это время в кафе “Тещины блины” скромно, но весело шла свадьба инженера Сергея Павловича Кошкина и студентки университета Вари Истоминой. На свадьбе присутствовали несколько коллег, Виталик с Леной, Дорохов и Китаев с семьями, неутомная Марилловна и Гриша Корин. Не смогла прилететь из Германии только чета Рузских. Владимир Юрьевич проходил курс химиотерапии. Но менеджеры холдинговой компании подогнали на стоянку рядом с кафе новенький “Nissan-terrago” (на что Кошкин обиженно замахал руками, мол, крутые подарки для крутых) и вместе с ключами от него вручили молодоженам два мобильных телефона, которые тут же дуэтом разразились оркестровой полифонией, и чета Рузских поздравила чету Кошкиных.

Бекхан открыл багажное отделение, чтобы еще раз убедиться — с контактами на заряде все в порядке... Времени, чтобы уйти, оставалось немного.

* * *

Когда отстреляли в очередь тосты и поздравления, а от криков “горько” (в основном инициатива Дорохова, Китаева и рано захмелевшей Марилловны) действительно горчило на губах, умиленная официантка Нина тихо утирала слезы, а Сергей Павлович нежно шепнул Варю:

— Теперь мой подарок. Он необычный. Ничего не бойся. — В руках у него появился тот самый пульт. — Друзья! — обратился он ко всей компании. — Мы с Варей ненадолго исчезнем, можно?

— Дело молодое, — хитро прищурился Дорохов. — Моя бабушка говорила...

Что говорила бабушка Дорохова по этому поводу, Кошкин и Варя уже не слышали. Они оказались в квартире Сергея Павловича прямо у стола, на котором тихо гудел генератор машины времени.

— Это то, что я думаю? — спросила Варя.

— Да. Мы с тобой в нашем будущем. Всего лишь на полчаса вперед. У нас есть целый город, в котором никто, кроме нас, не живет. Я назвал его Городом влюбленных и решил подарить тебе. Всякий раз, когда нам будет надоедать наш суетливый мир, мы сможем уезжать сюда на любое время! Хоть на год, потому что всегда есть возможность вернуться в минуту отправления.

— С ума сойти! Это же чудо!

— Сам не верю.

Сергей Павлович повлек Варю на балкон.

— Взгляни, жизнь придет сюда через двадцать девять минут! Здесь еще нет времени. Потому что время измеряется только людьми. Даже для других живых организмов оно не имеет такого значения. Времени здесь нет, а любовь есть! Здорово, правда?!

Полная тишина сделала голос Кошкина гулким и мистическим. Варя инстинктивно прижалась к нему и зачарованно смотрела на затаившийся в ожидании город. Только едва заметное движение облачных полей создавало здесь хоть какую-то видимость жизни. Ниже космоса — только ожидание, обратный отсчет.

— Если мы будем здесь только одни... Немного страшно...

— Ты мэр города! — торжественно и шутливо объявил Сергей Павлович. — Город открыт для всех влюбленных.

— Здесь, правда, больше никого нет?

— Абсолютно.

— Мы здесь одни-и-и! — крикнула в раскатистое пространство улицы Варя, и стены соседних домов многократно отразили последний слог. Дни-и-и... дни-и-и... дни-и-и...

Кошкин наклонился к нежной бабочке Вариных губ и закрыл глаза. Вместе с долгим поцелуем окончательно исчезло чувство времени. Зато остальные ощущения хотелось длить и длить. Варя аккуратно отстранилась первая.

— Мне все равно кажется, что кто-то смотрит. Может, Он? — посмотрела на небо. — Мы тут, как на ладони. Интересно, а что сейчас идет по первому каналу?

— Единственная проблема, — признался Кошкин, — по телевизору и радио — только шум эфира. По телефону — тоже.

Варя игриво пожала плечами:

— Не очень-то и жалко!

— Да совсем не жалко, — подтвердил Сергей Павлович.

— Надо возвращаться, там все-таки гости...

— А я думал...

— Потом, — нежно шепнула Варя.

— У меня идея! Мы сейчас вернемся в кафе, сядем за стол, а только потом переместимся в нужное время.

— Угу, но давай появимся на полчаса позже. Не люблю я этих застолий. Хоть немного вырежем... Требую монтаж, как жена режиссера!

— Давай, я тоже, честно говоря, не большой любитель праздников и официоза. Но так уж друзья настояли...

Кошкин поколдовал над пультом, и пространство рванулось в сторону. То, что они увидели мгновение спустя, заставило их в ужасе прижаться друг к другу. Варя вскрикнула.

На месте кафе дымились развалины... Окна ближайших домов были выбиты. Где-то далеко истошно ныли сирены. На крыльце КПП стонал раненый собровоец. На месте, где еще полчаса назад была стоянка, зияла огромная воронка. На краю ее стоял торжествующий Бекхан, шепчущий в небо не то молитвы, не то заклинания. Испуганная девушка в красном изорванном платье показывала на него пальцем и кричала что-то несурзное. Вдалеке, опираясь на снайперскую винтовку стоял растерянный Алейхан. Круг времени и судеб замкнулся в этой точке. Здесь еще никого не должно было быть, но они были. Произошло какое-то жуткое смещение. Но произошло оно давно. Задолго до того, как Сергей Павлович Кошкин закончил работу над своей машиной. Десятки, а, может, и тысячи разрушенных причинно-следственных связей выбросили сюда свои незавершенные обрубки. Разумеется, и опыты Кошкина заканчивались здесь — в этой воронке. Здесь, по сути, должна была кончиться судьба инженера Кошкина, его друзей, близких и просто оказавшихся рядом людей.

— Бекхан! — надломленным голосом позвал Кошкин. — Бекхан! Я не знаю, из какого ада ты опять выбрался, но ты все равно проиграл! Ты можешь возвращаться сколько угодно! Ты и такие, как ты! Любовь сильнее! Понимаешь, сильнее! Спроси у своего брата, если успеешь...

И, прежде чем Бекхан осознал тщетность своей мести, прежде чем он проклял всё и вся на свете и даже сами небеса, Кошкин и Варя исчезли, чтобы вновь очутиться за праздничным столом и услышать одобрительную фразу Василия Даниловича: “Дело молодое”.

Кошкин подошел к Дорохову и, стараясь сохранить внешнюю невозмутимость, скороговоркой прошептал ему на ухо несколько слов. Тот глянул на бледную Варю и потянул за руку Китаева.

Юлия ускорила шаг. Она увидела в багажном отделении красной, как и ее платье, “лады” то, что последнее время очень часто приходилось видеть по телевизору.

Алейхан задержал дыхание. “Пусть это будет мой последний выстрел”, — молился он, стараясь не смотреть в горящие ненавистью глаза брата. “Может, он передумает? Главное — не упустить момент, когда он достанет пульт...” Бекхан между тем тяжелым, неторопливым шагом двигался прямо на ствол брата. Походка неандертальца, сказал бы антрополог. Откуда антропологу знать, как ходят в горах люди, чьи плечи оттягивает оружие и амуниция. Бекхан подходил все ближе...

Дорохов буквально вырвал из рук Алейхана драгуновскую винтовку с насечками на прикладе.

— Опоздаешь, — прошипел он.

И действительно, Бекхан вдруг резко, но картинно выбросил вверх руку, и в ладони сверкнул пульт дистанционного управления целой связкой фугасных бомб, под которой просели рессоры легкового автомобиля.

— Стреляйте! — в этот раз на долю секунды раньше выкрикнула в сторону собровца Юля, и тому не надо было повторять два раза.

Пуля Дорохова встретилась с его пулей в мертвом от ненависти сердце Бекхана. От неожиданности он выронил детонатор, и тот разлетелся на части. Прежде чем рухнуть на землю, Бекхан стекленеющим взглядом, полным разочарования и удивления, различил поднявшиеся фигуры Алейхана и Дорохова. День продолжался...

— Почему это всегда приходится делать мне? — спросил у кого-то Василий Данилович.

— Ты мог промахнуться, майор, нельзя стрелять после бега.

— Я — нет! А тебе не пришлось стрелять в брата, — ответил Дорохов и, брезгливо бросив винтовку на траву, направился в сторону кафе.

Где-то в стороне истошно кричала девушка в красном платье. Собровец по радию вызывал подмогу. Лысый испуганно выскочил из машины и опрометью бросился к двери КПП. Из рук его выпал никем не замеченный пульт от телевизора “Toshiba”, что секундой позже попал под взвизгнувшее колесо такой же иностранной машины...

А Кошкин с Варей на крыльце смотрели на молодцеватого Дорохова с нескрываемым умилением. Василия Даниловича от такой растроганности внутренне сплющило. И он выкрикнул полагающийся русскому майору защитный сарказм.

— Ну что смотрите на меня, как Леня Голубков на акцию эм-эм-эм! Я на свадьбе, а не на боевом задании. Моя бабушка по этому поводу... — И осекся, вспомнил: — Ой, ё! Моя бабушка выходила замуж в августе тысяча девятьсот четырнадцатого!.. Ладно, надо успеть выпить, пока менты не приехали, — и скрылся за дверью, откуда еще минуту назад испуганно выглядывала официантка Нина.

Кошкин и Варя остались на крыльце.

— Я хочу сделать тебе подарок, — прошептал на ухо невесте Кошкин. Та настороженно посмотрела на его руки.

— Что это? — Варя удивленно разглядывала блеск драгоценных камней.

— Диадема царицы Савской.

— Что? Копия?

— Обижает, — притворно скукисился Сергей Павлович, — оригинал.

— Ты?!..

— Я больше не буду... Зато никто не сможет подарить своей невесте такой подарок.

